

Анатолий Анатольевич Логинов
Три танкиста из будущего. Танк прорыва времени КВ-2

Три танкиста из будущего – 1

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck, Conv - Kortes_10;
Check - Igorek67)

«Три танкиста из будущего. Танк прорыва времени / Анатолий Логинов»:
Издательства: Яуза, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41016-3

Аннотация

Новое слово в жанре альтернативной фантастики! Неожиданный поворот классического сюжета о «провале во времени». Оказавшись в июне 1941 года, трое наших современников не рвутся в Кремль, на прием к Сталину, не пытаются стать «тайными

советниками вождя», а, отремонтировав подбитый KB-2, принимают бой. Потому что прошлое можно изменить только так — не «сверху», где слишком велика инерция истории, а встав плечом к плечу с дедом и прадедом. Потому что в конечном счете исход войны решается не в высоких штабах, а на передовой, и сотворить чудо способны лишь те, кто по собственной воле готов броситься в жернова истории, словно под гусеницы вражеских танков... И тогда буксующее в кровавой грязи прошлое, найдя точку опоры, взрывает дизелями и поперет на запад. И Гудериан будет не просто остановлен, а убит под Москвой. И Красная Армия на два года раньше срока ворвется в Берлин, а ТАНК ПРОРЫВА ВРЕМЕНИ KB-2 с экипажем из будущего сокрушит 152-мм бетонобойными снарядами проклятые стены Рейхстага...

Анатолий Логинов ТРИ ТАНКИСТА ИЗ БУДУЩЕГО Танк прорыва времени KB-2

А. С. Чем война была для наших летчиков, для вас лично?

Н. Г. Для меня лично тем же, чем и для всех. Работа. Тяжелая, кровавая, грязная, страшная и непрерывная работа. Выдержать которую можно было только потому, что Родину защищаешь...

ОТ АВТОРА

Выражаю глубочайшую признательность:

Сергею Кокорину «Змею» — за отличную идею и знакомство с прототипом Ленга,

Всем коллегам с форума «В вихре времен» (<http://forum.amahrov.ru>), в первую очередь Сергею Буркатовскому, Алексею Махрову, Дмитрию Политову, — за помощь в написании книги,

А также персонально Федору Подопригоре, Сергею Тиунову, Евгению Добрецову — за беспощадную борьбу с орфографическими и грамматическими ошибками, В. Э. Филиппову, В. Полишуку, Виктору Номс'у — за помощь в написании отдельных эпизодов,

Всем своим друзьям и знакомым — за те знания и навыки, которые я передал героям книги,

И жене Галине — за понимание и любовь.

ЧАСТЬ 1 Главное — выжить

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

П. Герман

*Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов.*

В. Лебедев-Кумач

25 июня. 200... г. Украина. Сергей Иванов

Не люблю я эту охоту, но когда шеф говорит надо — значит, надо. Честно признаться, после двадцати лет в армии самое лучшее времяпрепровождение для меня — лежа на диване, с банкой пива где-нибудь неподалеку и с интересной книгой в руках. Приключений же мне и

так хватило на всю жизнь. Но шефа не переспоришь. Он прямо-таки уверен, что все военные, как и он, обожают охоту, фанатеют от одного вида какого-нибудь чирка или кряквы, отдавшей богу душу от испуга, когда мимо нее с визгом пролетела куча свинцовых шариков.

Дернул меня черт при знакомстве с ним согласиться. Да еще сдуру притащить ему в подарок кучу невесть как попавших в мой дом журналов «Военный охотник». Теперь он по гроб жизни уверен, что я ничем от него не отличаюсь. Хотя, чего уж там, иногда даже неплохо встряхнуться, побродить по лесу, отстрелять с десятков патрончиков по банкам, посидеть, встречая рассвет в скрадке. Конечно, в июне какая охота, но для хороших людей... мы как раз к ним и относимся. Да-а...

Ладно, хватит ворчать. Лучше послушаю, чего там опять шеф с Семой обсуждают. Ага, очередной газовый скандал. С тех пор как наша «ридна ненька Украина» стала независимой, ни мы, ни россияне и года не можем прожить без скандала по расчетам и распилу газовых «бабок». Во, переключились на альтисторию. Бред, по-моему, полный. История — это то, что уже случилось, и ничего ты с этим не сделаешь. Правда, фантастику по теме альтистории я тоже почитать люблю. Вот сейчас они как раз одну из книг на эту тему и обсуждают. «Попытка возвращения», если не ошибаюсь. Там автор по некоторым болевым точкам современных украинских воззрений прошелся, вот Сема и взвился. Молодой еще, хотя и талантище в электронике, Сема наш, Бридман по фамилии. Любитель старинных радиоприемников и радиосхем, а также исторических книг об ошибках правителей.

Не, ну не подеретесь же. Хотя Сема вон аж красный стал, хоть прикуривай. Да куда ему до шефа. Тот, с его-то памятью, наверняка все протоколы Нюрнбергских процессов наизусть процитирует. Вмешаться, что ли. Но ведь оборачиваться придется — не люблю разговаривать, сидя затылком к собеседникам. А неудобно, слишком трясет. Дорога-то та еще, не зря наш водитель егерь Михалыч помалкивает и весь в рулении. Трясет как собаку. Хм.

Как собаку. Собака-то как раз на тряску и внимания не обращает. Спокойная такая черная глыба, в ногах у шефа пристроившаяся. Любимая собака шефа. Алабай, кажется, я в породах слабо разбираюсь, это же не мои знакомые до винтика машины.

Ого, а это что за явление Христа народу? Туман полосой, да густой какой. Словно дым из кочегарки какой-нибудь к земле прибило. Правильно, притормаживай на фиг, а то въедем во что-нибудь на полной скорости...

Июнь? Год неясен. Кажется, Украина. Дорога к какому-то лесу

Автомобиль, слегка притормозив, вылетел из тумана на еще более разбитую, чем раньше, дорогу, и водитель, он же егерь, Михалыч от неожиданности резко ударил по тормозам. Машина встала, и все, кроме водителя, выскочили наружу. Местность была почти та же, но лес выглядел иначе, более дремучим. А на чистом до этого небе ровным строем, тройками в сопровождении нескольких пар более мелких самолетов-истребителей, шли на небольшой высоте также странно знакомые двухмоторные бомбардировщики. Неожиданно пара истребителей резко спикировала вниз, сквозь мелькающий диск винта на переднем из них блеснули огоньки, и в сторону машины пронеслось несколько трассеров. Успевшие почти инстинктивно среагировать на атаку охотники бросились в стороны, кувыркаясь и пытаясь укрыться за кочками. Замешкавшийся егерь дернулся, внезапно завалился на бок и застыл на сиденье, упершись телом в полуоткрывшуюся дверь. Самолеты перешли в набор высоты. Обалдевшие от всего происходящего охотники встали и медленно пошли к машине, от которой резко потянуло бензином. Тут же над пролившейся под машину лужей бензина поднялся сначала слабый и малозаметный, но быстро разраставшийся огонек. Остановившиеся и пытавшиеся понять, что случилось, охотники, Сергей Иванов, держащий за лямки рюкзак и карабин «Лось», Семен Бридман с наладонником и Андрей Мельниченко, ничего не успели сделать, когда пламя вдруг резко охватило машину. Семен, отбросив КПК,

рванулся к машине, но был сбит с ног подсечкой и прижат к земле Сергеем.

— Ты что! Там же Михалыч! Пусти, — хрипя и давясь от резко и противно пахнущего дыма, закричал Сема.

— Успокойся. Он мертв. Ничем ты ему не поможешь, только сам обгоришь, — ответил Сергей. Медленно пятящийся от горящей машины Андрей, обернувшись и перехватив полный боли и недоумения взгляд Семена, утвердительно кивнул. Тут же их внимание отвлеклось на громкий, басовитый лай алабая. Выскочив из кустов и подбежав к хозяину, собака, обычно спокойная и невозмутимая, как восточный мудрец, ожесточенно лаяла на охваченную пламенем и черным, ядовитого вида дымом машину, в которой хлопали, разрываясь, патроны.

— Что случилось? Какого х..! Это что, бред? — оттащенного подальше от машины Бридмана прорвало.

— Ну, ты же недавно об этом рассуждал. Перенос, блин. И, похоже, в любимый период всех этих ваших альтернативщиков. Великая Отечественная, немцы. Пошли-ка, кстати, куда-нибудь в сторонку. А то торчим здесь, как тополи на Плющихе. Вдруг еще какой шутник попадется, — внешне спокойным голосом, в котором только чуткое ухо шефа или бывшей жены смогли бы различить скрытое напряжение, сказал Сергей.

— Уверен? — тоже с напряжением в голосе спросил шеф, доставая из кармана мобильник. Как Сергей и ожидал, последний сигнализировал об отсутствии сети.

— Андрей, не держи меня за лоха. Атаковал нас «мессер», летели «юнкерсы» восемь-восемь. А уж прокачать в темпе обстановку меня в армии научили, ты знаешь, — ответил Сергей.

Стоявший и откашливавшийся Бридман с оторопью посмотрел на коллег.

— Вы что, ох... одурели? Какие «мессеры», какой шутник? И что с Михалычем? Надо же что-то делать!

— Не, Сема. Ты, конечно, админ классный. Но тормоз. Шутник тот, что нас обстрелял. Если б он серьезно нас прибить хотел, то из пушки бы добавил, и все. А он так, пугнул очередью из своих двух синхронных пулеметиков. Да полетел по своим неотложным люфтвафым делам. А Михалыч... вечная ему память. Погиб от руки немецко-фашистских захватчиков за двадцать лет до своего рождения. Уж на «груз 200» я в Афгане насмотрелся по самое не хочу, — с раздражением ответил Сергей.

Тем временем Андрей сходил в сопровождении своего пса к горящей машине, подобрал ружье Сергея, КПК и рюкзак. Подойдя к разговаривавшим напарникам, он сбросил все это к ногам Сергея и сказал:

— Так. Делать нам здесь больше нечего. Идем по дороге на восток. Если все так, как говорит Сергей, есть шанс выйти к нашим. Кстати, помнится, где-то на этой дороге поселок крупный должен быть. Колхоз там в свое время был богатый... Да, лопухнулись мы с тобой, Сема. Даже рюкзаков не прихватили. У тебя, Сергей, что в нем есть? — Андрей, глава небольшой компании «Танкосервис», в которой и работали Семен с Сергеем, привычно выделил самое главное и приступил к своему любимому делу — менеджменту, или по-русски управлению и распределению.

— Подождите. К каким нашим? Это к коммунистам, что ли? В лапы «Смерша», хотя нет, сейчас пока НКВД... Вы что, сдурели? В ГУЛАГ захотели? Или еще круче, на Лубянку, и начнут выпытывать все о будущем! Остаемся здесь. Немцы с мирным населением пока не воюют, их еще комми не спровоцировали. А мы как-нибудь на запад переберемся. Шеф, у тебя же память почти идеальная! Вспомни, что в первые месяцы творилось! В лучшем случае нас какой-нибудь заградотряд шлепнет без лишних мучений, как шпионов немецких! У нас ни документов, ни знания повседневных реалий. Мы ведь и говорим с другими интонациями! И словечки у нас другие! Вы что... Мы же даже не русские, мы из Украины, — Сема, краснея и пулеметной очередью выплевывая слова, с жалостью и недоумением смотрел на постепенно наливающегося гневом Сергея и на Андрея, внешне спокойно глядящего свою собаку.

— Значит, так, — Андрей, встав и жестом притормозив разгневанного Сергея, продолжил холодно-командным тоном: — Семен, я всегда считал тебя очень умным человеком. Поэтому не надо нести чушь, прочитанную в книгах людей, неадекватно оценивавших сегодняшнюю обстановку. Тем более тебе, с твоей фамилией. Я уже молчу про то, что мы с Андреем в свое время при коммунистах прожили. Он больше, я меньше, но оба знаем о той жизни поболее твоего. Поэтому осматриваем запасы, хороним Михалыча — и вперед.

— Не похороним, шеф, — спокойно сказал Сергей. — Он обгорел сильно. Чем брать будем и чем могилку копать? Лопаты у меня в рюкзаке нет, а все, что в машине, достать не сможем. Так что...

— Хорошо. Найдем людей, может быть, удастся как-то вопрос решить, — сказал Андрей и, обернувшись к машине, добавил: — Прости, Михалыч. Вечная тебе память!

— Ладно, пошли, — добавил к этому монологу Сергей, поднимая рюкзак и ружье. — Про запасы я по дороге расскажу.

— И что, так и пойдем? — бледнея, с дрожью в голосе спросил Семен, оглядываясь на горящую машину и явно сдерживая позывы к рвоте от налетевшей оттуда сладковато-противной смеси запахов сгоревшей резины, бензина, пластика и мяса.

25 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

— И что, так и пойдем? — бледнея, с дрожью в голосе спросил Семен.

— Нет, не так! А осторожно и оглядываясь, мм... дурак, если жить хочешь! — Злость кипела во мне, требуя выхода. Мало того, что вляпались как кур в ошип в невероятную фантастическую ситуацию, так еще и этому... хм... дитю демократии из поколения пепси простейшие истины объясняй. Хорошо, что хотя бы в шефе не ошибся. Несмотря на то что в армии служил меньше меня, закалку он, похоже, сохранил. Сориентировался быстро и адекватно реагирует. Смотри-ка, даже почти не морщится. Запашок-то еще тот, с Афгана знакомый. Вон, Сему перекосило как. Пора уходить, пока ему совсем плохо не стало. Вот и Ленг уже вперед умчался, чтобы этой гадостью не дышать. Ленг — это шефов «песик» и есть. Тот его с юмором Тимурленгом назвал, ну а кратко Ленг, значит. Впрочем, отлично, что он впереди. Типа передовое охранение будет.

Ладно, припомним, что там у меня в рюкзаке. Вот что значит афганские привычки, хе. Едешь рядом с шофером — держи все с собой! Итак, две пачки патронов, фляжка со спиртом, пять банок консервов, буханка хлеба, запасное белье, носки, мобильник и мелочь типа ножей, спичек и прочего. Маловато, но на первое время хватит. Так, шефу доложили, теперь будем думать, как дальше быть. Ведь Сема кое в чем прав. Тот, кто звук к старой хронике слышал или песни тех лет, сразу меня поймет. Да и реалии жизни до и после войны с семидесятыми или тем более восьмидесятыми не сравнить. Вот, ё... попали... чтоб того, кто все это проделал, перевернуло да об землю ё... хряснуло. Хотя, может, это явление и природное. Не зря же толпы народу по всему миру без вести пропадают, даже в самых развитых странах. А что, шел, шел, в туманчик зашел...

Стоп, что там песик наш усек? Ага, поле, похоже, и на нем какие-то сооружения. Типа полевой стан, что ли? Может быть. Так, а вот это мне уже не нравится. Что-то не так, пятой точкой чую...

Что у них здесь было, я не понял. Вроде какой-то точки для заправки и обслуживания тракторов, похоже. Бочки с дизтопливом стоят, один древний трактор в центре поля. Да еще кухня для трактористов. А на ней повариха... работала. Когда мы ее увидели, хрупкие и непривычные нервы Семы все же не выдержали. Да и шефу резко поплохело. Пришлось спирт из рюкзака вытаскивать и обоих отпаивать. Да и самому глотнуть не помешало.

Отдышавшись после глотка, я и рубанул Семе:

— А здесь их тоже комми спровоцировали? Значит, не воюют с мирным населением,

ё...

Не, одно дело читать об абстрактных злодеяниях нацистов на нашей территории и другое — видеть это вживую, вблизи, во всей ее жизненной, мать ее, живописности. Никто ни в одном фильме ужасов такого не покажет, а если и покажет, то запахов не передаст. Да и писатели, когда все это описывают, деликатно всякие подробности опускают. Типа кишечника и мочевого пузыря, который после смерти расслабляется и опорожняется, не к обеду будь помянуто. Бл... меня только старая армейская закалка и спасла. Когда поработаешь даже пару недель на ремонте подбитых танков и БТР, вытаскивая сначала то, что в них после попадания осталось... пусть не сам, пусть солдатики под твоей командой...

Ладно, не будем вспоминать, тем более что повариху мы же и похоронили. А потом пытались разобраться, что произошло, но поняли только, что было тут немцев человек десять на нескольких мотоциклах. Разведка, похоже. Повеселились они, бл... даже продукты, что с собой не забрали, пораскидали и перепортили.

Мы хотели собрать и всех расстрелянных, валявшихся в поле. Тем более что искать их особо и не надо было. В посевах оставались широкие просеки, по которым можно было определить, куда наши убегали и как немцы за ними гонялись. Тут очередной промелькнувший в небе одиночный самолет сразу охладил наши порывы. Сема предложил было вернуться и захоронить останки Михалыча, но эту благородную идею зарубил на корню примчавшийся из-за поворота лесной дороги алабай. Ясно было, что он опять чего-нибудь нашел. Надеюсь, не столь... ммм... триллерное...

Да-а-а, вот это дура! Одно дело — на фото смотреть или там на чертежи. А тут вживую. Прямо на дороге, ну, может, чуть на обочину съехав, стоит... он... КВ... двойка который. Башня эта нелепая торчит, пушка из нее, люки открыты, мотор молчит... тишина и никого вокруг. Гусеницы натянуты, соляжкой знакомо тянет. Не удержался я, ружье Андрею и рюкзак Семе отдал, да и в танк.

Так, боекомплекта нет, один снаряд, и все. Гильзы пустые, похоже, все расстреляли. Оружие, прицел, пулемет целый, один, остальные, наверное, унесли. Снимаем... Ого, «эфка», пригодится... Шлемофоны... на фиг не нужны. Так, топлива, судя по всему, только завести движок. Попробуем. Не заводится. Ага, видимо, потому и бросили, неисправный дизель и топлива в обрез...

25 июня. 1941 год. Украина. Лесные дороги

Когда танк вдруг внезапно взревел, Андрей от неожиданности чуть не выронил ружье, а Семен нервно дернулся. Но так же быстро рев замолк, и через несколько мгновений из люка водителя вылез Сергей, слегка измазанный и недовольный.

— Ты что, сдурел? А вдруг немцы неподалеку?! — зло крикнул ему Сема.

— Не гоношись, Сема, ты ж только что уверял, что у немцев лучше. Да и наш Ленг если что, оповестит, — ответил Сергей, вытягивая из люка громоздкий, очень знакомого вида пулемет с диском сверху, а затем отдельно сошки и небольшую лопатку. — Увы, танк сломан, да и топлива со снарядами нет. Вот пулеметом разжился, патронов к нему диск, похоже, неполный. Была еще граната, но я ее внутри на растяжку поставил. Если немцы сунутся, не повезет кому-нибудь. Жаль, нельзя повозиться. Я б его в порядок привел.

— Смысла нет, Сергей. Без топлива, боеприпасов... Нет, пешком пойдем, — заметил Андрей.

— Ладно, пойдем. Тем более что деревни, видимо, обходить придется, немцы наверняка в них будут, — сказал Сергей, привинчивая к пулемету сошки и забрасывая его на плечо. Рюкзак так и остался у пришибленного удивленным и пережитым Семы, а карабин у Андрея. Все молча пошли вперед по плавно сворачивающей куда-то в сторону севера лесной дороге, игнорируя ведущий к югу отворот.

— Вот, Сема, так вот читаешь, читаешь, а потом бах... и попал во вроде придуманные

кем-то обстоятельства. И все, ничего не исправишь, надо приспособливаться. Для нас сейчас главное — выжить, — Андрей, шедший рядом с Семеном, заговорил, пытаясь отвлечь того от мрачных мыслей. Бежавшую впереди собаку было не видно и не слышно, но временами она возвращалась и, словно отметившись у хозяина, опять скрывалась в густом подлеске, окружающем дорогу. Шедший позади Сергей иногда приостанавливался, словно прислушиваясь к окружающему обычному лесному шуму, а затем опять нагонял Семена с Андреем.

Так прошло примерно часа два, уставшие от долгой прогулки и навалившихся событий путники уже подумывали об отдыхе, выглядывая удобную полянку. Вдруг, за очередным поворотом, словно мало было на сегодня впечатлений, перед тройкой друзей открылось очередное побоище. Уткнувшись капотом в дерево на опушке, стояла старинная, вернее вполне современная на этот период, полуторка с разбитой вдребезги кабиной и изрешеченными пулями бортами кузова. С одного борта свешивалось тело в черном танкистском комбинезоне, еще два черными холмиками лежали рядом с машиной. Один, явно успевший немного пострелять, лежал ничком в кустах неподалеку, вокруг него поблескивали латунные гильзы. Осмотрев все, друзья нашли в кузове пару вещмешков и одну чудом уцелевшую стеклянную флягу в чехле. Увы, еды в мешках было кот наплакал — пара буханок хлеба.

Еще к одному из погибших танкистов чуть позднее путешественников вывел Ленг. Офицер в повседневной форме успел отбежать в чащу, но, видимо, немецкие пули его все равно настигли, и теперь он лежал, свалившись в овражек и прикрывая телом какой-то сверток. Кажется, немцы, перебившие танкистов, поленились лазить по кустам. Но сверток заинтересовал Андрея, и, спустившись, он забрал его из-под тела, судя по кубарям в петлицах, лейтенанта, поколебавшись, вынул и наган из кобуры, а затем, подкопав немного склон кинутый ему Сергеем лопаткой, завалил тело землей.

Поднявшись, Андрей развернул тщательно запакованный в брезент и мягкую ткань сверток.

25 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Да, всего можно было ожидать, но не такой же банальщины! Знамя. Впрочем, не зря же в книгах про войну выходящие из окружения постоянно несут с собой знамя части. Если прикинуть, сколько же наших частей попадало во всякие котлы, то понятно становится, что найти знамя в сорок первом, пожалуй, вероятнее, чем выиграть в рулетку, ставя на «зеро». Черт побери, теперь нам вообще обратной дороги нет. Если я прав, об этом знамени я читал в воспоминаниях... И его вынесли из окружения! То есть, получается, мы уже вляпались в то, что есть в истории. «Временная петля», ептыть. Нет, правильно Андрей говорит. Придется теперь обязательно к нашим выходить. Смотри-ка, и на Сему подействовало. Ожил немного, хотя знамя-то не украинское. Да, все же есть какая-то у боевого знамени аура, что ли... Ладно, попробуем похоронить товарищей да пройдем до ночи еще немного. Черт, а жрать вдруг захотелось, несмотря ни на что, аж в животе заурчало. Ладно, потерпим.

Ну, прощайте, товарищи! Вечная вам память и такая же слава. Безымянная. Даже и смертных медальонов нет. А у лейтенанта и посмотреть забыли. Вот идиоты. Не откапывать же теперь. Ладно, в блокнотике я примерно пометил, где и как. Если будет все нормально, вернемся. За один день столько оставили... Пожалуй, и в афганские времена столько в день не видел. Тем более изнасилованных и расстрелянных женщин. Попался бы мне этот... затейник. Я бы ему точно кое-что из афганского опыта показал. Сам не видел, но слышать приходилось. Царандоевец знакомый был, он в Москве до революции учился, по-русски не хуже меня болтал. Такое порой рассказывал, что и не верилось. Теперь, после сегодняшнего, верю...

Пообедали, называется. Что, блин, за день! Только по банке раскрыли и в себя

закидывать начали, как откуда-то донеслись отдаленная стрельба и собачий лай. Алабай аж вскочил, еле его Андрей успокоил. Хорошо, для отдыха поглубже в чащу не залезли. Теперь срочно назад рванули, пока собаки до нас не добрались. Да по дороге, чтоб быстрее бежать. Ну вот, Андрей притормаживает. Черт, а Ленга-то куда отпустил!

— Ты что, с немцами сразиться решил? Ну нечем же!

А, черт, надо позицию выбирать, лай приближается. Так, очередное явление Христа. Вернее, апостолов. А еще точнее, наших. Ясно, скорее всего, пленные бежали, вот за ними собак и спустили. Смотри, как пленные-то от Ленга шарахнулись. Видно, никогда про алабаев не слыхали, хе.

О, здорово! Вместо лая какой-то визг. Понятно, Андрей объяснил, а я и не знал, что алабай немецких овчарок за волков принимает и люто ненавидит. Значит, Ленг развлекается! Молодец, глядишь, и немцы со следа сойдутся. А они наверняка сзади идут. А отчего ж не едут? Или те мотоциклисты из другой дивизии были? Не, вон и мотоциклисты. «Сладкая парочка». Так, прицел 600. Пониже, пониже... работаем! О господи, ну и лязг! Кажется, даже выстрелы заглушил. Жаль, патронов всего на три короткие очереди хватило. Нет, правильно говорил мой первый ротный, капитан Копылов, мастерство, его ж не пропьешь. Могу иногда! Удачно я его срезал. Вот второй, правда, смылся, но пулеметчику его, видать, тоже досталось... заткнулся как миленький. Эх, патронов больше нет, бросать придется дэтэшку. Или оставить?

25 июня. 1941 год. Украина. Где-то в лесу. После схватки

Троих попаданцев настигло ощущение дежавю. К ним, не торопясь, подходил такой знакомый по фильмам, книгам и картинкам, такой типичный советский пленный образца сорок первого года, что хотелось то ли сматериться, то ли рассмеяться. Вообще, все дальше и дальше жизнь начинала напоминать театр абсурда, потому что наполнялась сплошь знакомыми штампами из сотен книг и фильмов. А может, и не штампами? Может, самой что ни на есть правдой этой самой тогдашней жизни?

Подошедший грязный, небритый, но сохранивший сапоги красноармеец недоуменно и с некоторым недоверием смотрел на тройку друзей. Ну да, переодеться-то было не во что, вот и стояли они в том, в чем выехали. Жаль, а может, и к лучшему, что в охотничий камуфляж не переоделись. Вот только джинсы и футболка Семена, который принципиально не надевал ничего похожего на советскую униформу, наверняка вызывали у встреченного аборигена недоумение.

Но разглядывал он друзей недолго, отдышался и представился первым, назвавшись лейтенантом Колодяжным, Евгением Ивановичем. Друзья представились в ответ. Лейтенант начал расспрашивать, как они тут очутились. Рассказав про охоту, машину и атаку истребителя, Андрей его несколько успокоил, а тут как раз подоспели и двое других, красноармейцы Антон Змиев и Кузьма Нечипоренко, успевшие обшарить мотоцикл и обоих его наездников. В полном соответствии с тем же штампом жизни оба они были босые, небритые, в оборванном обмундировании. Кузьма щеголял грязной же повязкой на левой руке, а богатырского вида Антон глядел на мир одним глазом, правым. Второй заплыл огромным синяком, и еще несколько роскошных синяков хаотично покрывали тело, а один пристроился на правой щеке. Говорил Антон, осторожно двигая челюстями. На вопрос Семы он коротко ответил: «Не давался», — и замолчал. Рядовые принесли карабин, подсумки, два ремня и пистолет в кобуре, полевую сумку и пару гранат-колотушек. Кузьма дополнительно прихватил пару сапог с короткими голенищами и сейчас, присев на обочине, быстро обматывал ноги какими-то импровизированными портянками. На вопрос лейтенанта, почему не взял сапоги себе, Антон, молча глянув на свои голые ноги сорок последнего размера, опять коротко ответил: «Не подошли».

Подождав, пока Кузьма переобуется, а Сергей сбегает и снимет немецкий пулемет с

поврежденного мотоцикла, все по предложению Андрея тронулись по дороге на запад. Ясно было, что рано или поздно в этом районе появится множество немецких солдат, желающих найти эту славную компанию и посчитаться за все.

25 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Да здравствует гласность! А также свобода информации и прочие прелести современного... тьфу... будущего мира. Если б не читаная-перечитаная книжка о стрелковом оружии Третьего рейха, что бы я сейчас делал? Не, взвести затвор и выстрелить, может, и смог бы. А ленту перезарядить в случае чего? А ЗИП необходимый прихватить, стволы запасные, коробку с двумя лентами на 50 патронов, запасной магазинчик на 75? Снаряженный, кстати, и с переходником в сумке, я проверил. Интересно, это у них боекомплект такой или просто фриц не сильно запасливый попался? Нигде не читал, поэтому и сказать ничего не могу. Ох, и нагрузился же я. Ладно хоть ДТ, стволы, сумку с ЗИП и коробку с лентами новые знакомые понесут. Один ничего так, судя по габаритам. Силен. Правда, без обуви топает, но тут уж ничего не поделаешь. На его ноги не сразу размерчик подберешь. А он, видно, деревенский, очень так спокойно идет. Я-то наверняка так не смогу. С детства без обуви не ходил.

А лейтенант не прост. Вон как хитро вопросы заворачивает. Так, правильно. Мы с новых земель. Что-о-о?.. Хотя... Правильно. Молодчина Андрей. Я инженер МТС, Андрей — снабженец, замначальника в районном снабе. Хм, а они были, не проколоться бы? Сема — работник радиостанции, приезжий с города. Радио нам должен был наладить. Так, а говорит он не как мы. Как-то слегка не так воздух выдыхает, что ли... Совсем произношение другое. Ну ладно, заметно не сразу, если бы не Сема, я бы и внимания не обратил. Но Сема молодец, на провокации не поддается. Блин, а устал я как... Еще бы, со школьных походов столько не ходил. Да еще таким темпом и полуголодный. Если бы не необходимость, давно бы лежал, задрал ноги в небо.

Часов семь с момента переноса уже бродим, совсем устали. Да и красноармейцы уже шатаются. Главное, опять на запад возвращаемся. О, великолепно. Мы дорогу-то срезали, выходит, и прямо к танку вышли. Да, вот его махина торчит.

— Я подумал, почему бы нам его не использовать? Что ты говоришь, Сема?

— Топлива нет.

— А полевой стан? Там бочек столько, что нам и залить, и с собой прихватить хватит.

— Тогда стрелять чем?

— Снаряды? Да, с этим проблемы. И скорость у него, конечно, не гоночная. Да и надежность не того. Зато не пешком и броня прикрывает. Да и вид внушительный, не всякий мотоциклист сунется.

— Ехать как будем?

— Чудики, мы ж как раз на окраинах Полесья. Рванем лесными дорогами, немцы туда особо не совались, точно, шеф? Ну вот. С небольшими группами справимся, глядишь, где-нибудь еще и топлива прихватим.

— А он исправен? — сунулся Кузьма.

— Нет таких неисправностей, которые не могли бы устранить... Правильно говоришь, товарищ лейтенант, большевики.

А также зампотехи танкового батальона с соответствующим образованием, но это я уже добавил мысленно.

Колодяжный, поколебавшись и еще раз окинув нас взглядом, внезапно заявил:

— Снаряды можно найти. Знаю, где они недавно были.

— Лейтенант, и ты скрывал? Сколько, говоришь?

— Боекомплект. И недалеко отсюда.

— Боекомплект к орудию — это сколько?

— Восемьдесят снарядов и зарядов. Часть в зарядном ящике, часть в упаковке.

— Понятно. Нам все равно все не взять. К тому же не все подойдет, правильно? Ну, тогда сейчас на поле, берем бочки и на тракторе волочим сюда. Кто может?

— Кузьма. Он механик-водитель.

— Милай, а чего ж молчал-то... Оставьте мне Семена с карабином, и вперед. Кстати, я там тележку заметил, вот на ней бочки и привозите. А до снарядов на танке доедем.

Слава богу, инструмент в танке был. Повозиться пришлось изрядно, но к моменту, когда матерящиеся на весь лес напарники вручную подкатили тракторный прицеп с бочками, дизель только и ждал топлива.

— Что это вы без трактора? Не завелся?

— Пулями побит.

— Ясно. Ну ладно, предлагаю отдохнуть, вздремнуть, сколько сможем, и с утра на свежую голову заняться всем остальным. Тем более что немцы ночью не воюют. Ордунг у них, понимаешь. Откуда знаю? Успел увидеть, товарищ лейтенант. Пока сюда добирался.

Бл... ну я и прокололся! Надо ж такое сказануть было. Сначала про шефа и дороги, теперь про то, что сюда добирались... Лейтенант прямо сбледнул весь. Точно за шпионов принял... Ладно, до утра не убежит, а там разберемся.

26 июня. 1941 год. Украина. В лесу у дороги. Танк КВ-2

Утром продолжавшему временами недоверчиво коситься лейтенанту, обоим красноармейцам и нашей неразлучной тройке стало не до разборок. Сначала пролетел над дорогой небольшой связной или разведывательный самолетик. Явно не «Шторьх», видимо, что-то трофейное. Но когда подстегнутые его появлением друзья-товарищи срочно залили баки и прикрутили оставшиеся две бочки к корме заранее прихваченным на полевом стане тросом, заволновался пес. Пришлось срочно заводить танк и на максимально возможных в данных обстоятельствах километрах пятнадцати хода быстро рвать к названному вчера лейтенантом, командиром артиллерийского взвода, месту. В лесу, недалеко от дороги, стоял неисправный трактор, по виду мало отличающийся от оставшегося на колхозном поле, стоятидесятидвухмиллиметровая гаубица без затвора и прицела, а чуть дальше загнанный в кусты автомобиль, с зарядным ящиком. Тут же, отправив в охранение вместе с Ленгом маломощного Сему и страдающего или радикулитом, или острым приступом хитрости Кузьму, друзья-товарищи быстро, насколько позволяли сноровка и наличные силы, практически ничем не подкрепленные со вчерашнего дня, загрузили в танк тридцать пять осколочно-фугасных и бетонобойных снарядов да тридцать шесть гильз с зарядами. В общем, теперь КВ был почти готов к труду и обороне. Пока было тихо, слегка подкрепились остатками консервов из Сергеева рюкзака. Аборигены с неприкрытым изумлением поглядывали на извлеченные консервы, и, чтобы отвлечь внимание, Андрей, кивнув в сторону орудия и трактора, спросил: «Это ваши?» Колодяжный тяжело вздохнул и ответил:

— Моего взвода.

— А остались почему? — продолжал спрашивать Андрей.

— Батарея тут стояла, потом приказ пришел сменить позиции, немцы прорвались, могли отрезать.

— Ну, а вы, значит, в арьергарде?

Лейтенант отрицательно покачал головой:

— Нет. Трактор заглох... Кузьма и Михаил Сидорчук, водитель полуторки, полезли двигатель проверять. Батарея ушла, мне капитан приказал здесь остаться, быстро чиниться и догонять... Да я бы и сам остался, мой взвод... Парни час примерно провозились, но трактор завели. Вывели из укрытия, орудие цеплять собрались, а тут самолеты, парой, с востока. Думали, наши, а они по нам из пулеметов... и бомбу бросили... Вон там воронка была.

Недалеко от трактора виднелась перекопанная земля, с холмиком посередине.

— Наших ребят мы там схоронили, — хрипло сказал Антон.

— Много народу погибло?

— Трое. И двоих ранило, сильно. Меня взрывом в кусты отбросило, контузило... соображать только на другой день стал, — сказал лейтенант. — Остальное Антон с Кузьмой рассказали.

Андрей с Сергеем взглянули на Антона. Тот нахмурился.

— А чего рассказывать-то, кого побило, кого осколками поранило. Целыми только я да старшина, Степан Кузьмич, остались... и Ёська Штильман, замковой...

Антон замолчал.

— Ну, а дальше?

— А что дальше. Гната и Мишку перевязали, Кузьма сам руку замотал. Потом товарища лейтенанта нашли, его в кусты закинуло... Сперва решили — убило, гимнастерка в клочья, сапог разодран. Стали вытаскивать, а он стонет!

Сергей с Андреем посмотрели на гимнастерку и сапоги Колодяжного. Тот, хмыкнув, повернул левую ногу. Почти через все голенище, немного не доставая до верха, шел лохматящийся по краям разрез, стянутый какой-то веревочкой, наподобие шнуровки футбольного мяча.

— Вот потому и немцы не сняли, кому рвань нужна, — невесело сказал лейтенант.

— Мы с товарища лейтенанта обрывки гимнастерки и нательной рубахи убрали, — продолжил Антон, — перевязать хотели. Глянули, а ранений-то и нет. Только покарябан шибко, ветками видать. Гимнастерку потом с наводчика сняли, ему она уже не нужна была. — Антон опустил голову и ссутулился.

— Хорошо, а прицел и замок от орудия где? — спросил Сергей.

Антон поднял голову, немного настороженно, глянул на того правым глазом, потом, покосившись на Колодяжного, произнес:

— Товарищ старшина в лесу где-то сховал, я не видал. Мы с Ёской и Кузей наших хоронили.

Антон кивнул на холмик у трактора.

— А чего ж вы потом на машине-то не уехали? Кузьма-то водитель.

— Водитель... трактора! И колеса там побило, а потом немцы по дороге поехали, мы раненых подхватили и в лес... — Антон вздохнул. — Только недалеко ушли. Сперва обстреляли, а потом окружили и навалились.

— Это там тебя? — Андрей указал на заплывший глаз.

— Там, а старшину убили, он с карабином был, стрелять хотел, и раненых, Гната с Мишкой, добили... Ёську потом, в скотнике уже, расстреляли... Офицер ихний на нас только посмотрел, сразу Ёске в зубы дал. «Иуда», — орет, хватя за пистолет и в Ёську.

— «Юде», то есть еврей, — сказал Андрей. — Немцы евреев за людей не считают и убивают сразу.

— Зверье, одним словом! — и лейтенант сплюнул под ноги.

— А бежали-то как?

— Нас три дня в скотнике держали, там человек триста, а то и четыреста собралось. Потом в колонну построили и к границе погнали. Мы и решили бежать. На повороте дороги Антон ближнего конвоира с ног сбил, и мы рванули в лес. За нами еще кто-то бежал, немцы палили. Мы-то первые рванулись, видно, поэтому и удалось убежать. Думали уже, что совсем ушли, вдруг слышим сзади собачий лай и мотоциклы, бросились опять бежать, а потом вы.

— Да-а, досталось вам, ребята, — со вздохом сказал Андрей. — Ну, ладно, вырвались. Теперь пора и за дело.

Сергей, прихватив для помощи Кузьму, занялся техническим обслуживанием машины. Обнаружив кучу мелких неисправностей, он предложил немного перестоять здесь, в лесу, раз уж пока немцы их не нашли. Тут же выяснилось, что неподалеку должна быть небольшая, домов в десять, деревушка. Андрей и лейтенант Колодяжный, быстро

посоветовавшись, решили сходить туда, попытаться раздобыть еды и узнать обстановку. Взяв с собой Антона с немецким карабином и кликнув собаку, они дружной компанией отправились прямо сквозь лес к деревеньке.

Семен, опять отряженный в караул, на этот раз решил взять с собой немецкий пулемет.

— Эй, положь. Ты ж с ним не справишься, — начал было Сергей, но изумленно остановился, увидев, как ловко Сема отжал защелку, проверил состояние ленты и закрыл крышку приемника.

Подмигнув и перещелкнув туда-сюда предохранителем, Сема с иронией заметил:

— Не один ты полезные книжки читаешь. Ладно, я со стороны дороги засяду вон там, справа, так что вы поосторожнее в случае чего.

— Ладно. Но и ты поосторожнее. Учти, что боеприпасов у нас не бездонный мешок, — ответил, улыбнувшись, Сергей, а затем, повернувшись к прислушивающемуся к разговору Кузьме, добавил: — Ну, чего застыл? Пошли работать. Ох, научу я тебя матчасть любить...

26 июня. 1941 год. Украина. Деревня

К деревне подходили сторожко, буквально обнюхивая, конечно с помощью Ленга, каждый сантиметр дороги. Стояла странная тишина, на улицах никого не было видно, и, поколебавшись еще минут десять, Андрей, Евгений и Антон тесной компанией, ошестившейся во все три стороны пистолетом, ружьем и карабином, с рысью впереди Ленгом вступили на единственную улицу деревни, пройдя сквозь разваленную кем-то ограду. Судя по всему, немцы здесь уже побывали. Подтверждение этого, буквально растерзанный очередью пес, валяющийся на земле, встретилось им практически сразу. Ленг заворчал, обнажая клыки, но после окрика Андрея примолк. Пройдя пару домов, в окне одного из которых вроде бы мелькнуло чье-то лицо, тройка окруженцев наконец-то поняла причину омертвления деревни. Прямо перед большой избой, в которой, скорее всего, должен был бы располагаться местный сельсовет, на столбе, вытянувшись и слегка покачиваясь, висел труп. Подойдя ближе, они увидели, что повешенный с чисто немецким педантизмом снабжен свисающим с шеи плакатом. Сделав еще несколько шагов, не обращая внимания на запахи и кружащих вокруг жирных навозных мух, Андрей придержал рукой плакат и прочел: «Еврей и комиссар».

— Ты что, и по-немецки читаешь? — удивленно спросил Евгений, пока Антон, аккуратно поставив карабин, доставал штык-нож и, придерживая тело, пытался перерезать веревку. Даже при его росте это было трудновато, но выполнимо. Как ни странно, повешен человек был не слишком высоко.

— Нет, просто латинские буквы помню, а что «юде» значит «еврей», я уже говорил, — ответил, отвернувшись и сдерживая позывы желудка, Андрей.

— Понятно. О, смотрите, и жители ожили, — невольно скалабурил Колодяжный.

Присмотревшись к пришельцам и определив, что они ничем не угрожают и даже, вероятнее всего, свои, на улицу вышли большинство жителей деревни. Они медленно собирались неподалеку от тройки окруженцев. Вездесущая ребятня, беспечная и впечатлительная, не обращая внимания на остальное, толпилась поближе к поразившему их до глубины души Ленгу, мохнатой глыбой сидевшему рядом с Андреем. Один, видимо самый смелый, даже подошел поближе, аккуратно протянул руку, но стоило Ленгу чуть-чуть шевельнуться, мгновенно отдернул, но не убежал, что, учитывая размеры пса, было само по себе почти подвигом.

Наконец, набравшись храбрости, вперед протолкался самый старый из мужиков, видимо, как подумал Андрей, местный авторитет. Оглядев еще раз всех троих, он обратился к Колодяжному, безошибочно признав в нем командира:

— Здоровеньки булы. Вы звидкиль, хлопци? Мене, до речи, Михаилом Пэтровичем зовуть.

— Здравствуйте. Лейтенант Колодяжный, артиллерист. К сожалению, попали мы в окружение и теперь к своим пробираемся, — ответил Евгений.

— Зрозумив... Чи не вас нимци сьогодні шукалы? Налэтилы, як чорты, хай господь мылуе. Пэтра вон чомусь повисылы. Вин йим объясняв, що никого мы не бачили и начальства теж никого нема. Боны його послухалы, послухалы, з ниг збылы та повисылы. И написалы мабуть якусь гыдоту. Що хоч понапысувалы-то? — зачастил Михаил.

— Еврей, написано, и комиссар, — ответил Колодяжный, оглядываясь на Андрея.

— Ото пройдысвиты непонятливые! Якой з Петра комисар, вин счетоводом у нас у бригади був. Та й на жида не схож зовсим. А собак воны зачем постриялы? И Анку до машины своейи уволоклы. И вообще, дэ наши? Чому Красной Армии не видно? — еще быстрее закидал вопросами Евгения мужик.

— Воюет Красная Армия, только не везде получается одинаково сильным быть. Вот сейчас немцам здесь повезло, а в другом месте наши в Румынии высадились, — ответил за лейтенанта Андрей.

— Це, чоловіче, зрозумило. Одне непонятно, скільки нимци тут пануваты будуть, — ответил ему мужик.

— Я что, на генерала похож? Пока сказать ничего не могу, а вот припрятать все, что можно, да девок с бабами пореже на улицу выпускать посоветую. Временно... — сказал Андрей и задумался, не стоит ли предупредить, что это может и затянуться. Но решил не рисковать. А только подмигнул мужику. Тот вдруг так хитро-понимающе изобразил улыбку, что Андрей чуть не поперхнулся вдыхаемым воздухом. А мужик опять смотрел на него с видом простого непуганого деревенщины.

— Та вы мабуть йисты хочетэ, товариши? — спросил он, пока несколько других мужиков под бабьи причитания понесли покойника к его избе.

— Да не отказались бы. Но некогда, да и немцы нагрянуть могут. И товарищи в лесу ждут, — ответил смущенно Колодяжный.

— Ясно. — И мужичок вдруг рывкнул трубным басом: — Наталя! Збери товаришам красноармейцам з собою поснидать!

Одна из голосащих баб резко остановилась, развернулась и пошла в сторону соседней избы.

— Зараз Наталка моя вам торбочку збере. А за совет вам великэ спасыби. Запам'ятаемо. Не думалы мы, шо нимци так оскотынылыся. У восемнадцатом стоялы — ничего такого не творили, тилькы харчи уси прибрали, — продолжал тараторить мужичок.

Потом он предложил закурить. Антон и Андрей отказались, а Евгений с явным удовольствием отсыпал из кисета махорки и закурил.

После перекура и разговора о погоде троица с благодарностью взяла солидный узелок, принесенный Натальей, и уже собиралась уходить, когда Андрей вдруг остановился и рассказал про убитых и захороненных сельчан на поле, да и про сгоревшую машину с Михалычем. Неопределенно вздохнув, Михайла обещал обязательно всех захоронить.

26 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Машина, она ж как женщина, любит, чтобы за ней ухаживали. Жаль, конечно, что у меня полного описания KB-2 не было. Но опираясь на армейский опыт, да и вспомнив прочитанное из книги для механиков-водителей ИС-2, которая у меня дома лежит, я с помощью Кузьмы успел неплохо поработать. Подтянули и подрегулировали что смогли. Проверили состояние трансмиссии, особенно коробки передач и бортовых фрикционов, подрегулировали топливную автоматику. Дизелек на этой серии слабоват, всего пятьсот лошадей, но ничего не поделаешь, более мощные дизели пойдут позже. Уже заканчивали работы, когда вдали послышался условный свист. Это ребята из деревни возвращались, надеюсь, не пустые.

И тут меня словно по башке стукнуло. Е-мое, ну я и тормоз. А еще Сему упрекал! Ведь тут гаубица-то укороченная стоит. Из нее полным зарядом стрелять нельзя, башню клинит, а поэтому бетонобойные снаряды бесполезны. Даже более того, запрещено их применять, не раз читал! А мы их сдуру аж пять штук засандалили. Ну ладно артиллерист, он-то этого не знал, но я-то... Бить таких надо ремнем, чтобы память лучше была.

Тут и наши как раз подошли. Кузьма, взяв карабин, подменил на посту Сему. Поели мы быстренько, что крестьяне прислали. Вкусно, но мало. Андрей сразу все на три дня раскидал. Водичку, слава Семе, неподалеку нашли, вернее, он обнаружил, пока место засады выбирал. Запили все водичкой, для дезинфекции чуть спиртиком разбавленной, Кузьму подкормили и Ленга тоже. Сема опять охранять добровольно отправился, а Андрей предложил посоветоваться, что дальше делать будем. Лейтенант сначала головой повертел, а потом вдруг да согласился. И сразу выдал, такое... а сам на оружие, в сторонке лежащее, поглядывал, что характерно.

— Товарищи, — говорит, — вы, конечно, наши, советские, но явно не те, за кого себя выдаете. — И на меня глядит. А его тут же Антон с Кузьмой поддержали. Антон и говорит:

— Вы, Сергей, отчества, простите, не знаю, командир кадровый, причем не ниже капитана.

Еще и Кузьма так на него посмотрел, да добавляет: — Воентехника или военинженера, причем наверняка танкиста, слишком хорошо в технике разбираетесь. — И ведь угадали почти чертяки. Майора-то я перед увольнением получил, а так все капитаном ходил из-за строптивного характера. А для здешнего мира я, как понял, моложе своего возраста выгляжу. Но это я так, в сторону подумал.

А Евгений-то на Андрея глянул и добавляет, что, мол, знания у вас специфические, и так тоном пониже спрашивает:

— Вы не из тех будете, кого разгоняли?

Мы так удивленно посмотрели друг на друга, дурака включаем и спрашиваем: что, мол, из поляков?

Тут лейтенант вообще серьезным стал и тихо-тихо говорит:

— Не притворяйтесь, товарищи, про партизан-диверсантов, что, не знаете? — Тут уж Андрей не выдержал и говорит им:

— Товарищи, наблюдательность у вас отличная, только выводы вы не те делаете. Мы, мол, к вам с душой открытой...

Ну и я не выдержал:

— Молодцы, товарищи. Бывший военный я, точно, и даже танкист. Просто потом и всякой другой техникой заниматься приходилось. Андрей тоже служил. А вопросы эти давайте замнем пока для ясности. Лучше решим, что дальше делаем.

Смотрю, переглянулись окруженцы наши понимающе и согласились, что решать надо. Погугурили, пообсуждали и пришли к выводу, что на восток пробиваться будем. Пока на танке, сколько получится, а там взорвем и пешком. Ну, тут я им выдал, что если все получится, то мы на танке этом прямо к нашим и выедем, за исправность ручаюсь. Пока работали, посмотрел я его. Видно, не простой танк, а показательной какой-нибудь, детали подогнаны тщательно, отделка на высоте. Так что если топливо вовремя доставать будем, масла обязательно побольше, да парковые дни делать для ремонтов, то мы на нем не то что до наших на Востоке, но и до Берлина на Западе доберемся попозже.

Я потом лейтенанта отозвал в сторону и про гаубицу танковую ему все рассказал, что помнил. Он так ехидненько улыбнулся, но промолчал, блин горелый. Тут же мы все аврально снаряды снова поразбирали, бетонобойные вытащили и вместо них по предложению Колодяжного шрапнельных положили. А уж с зарядами лейтенант сам мудрил.

Я только и смог вспомнить, что начальная скорость вроде не больше четырехсот тридцати метров должна быть. Он у меня блокнот взял, чего-то там записал для памяти, посчитал вроде, потом с гильзами повозился, дополнительные заряды вытаскивая. Жаль, все в тот раз доделать не успел...

26 июня. 1941 год. Украина. В лесу

Все разговоры и хлопоты со снарядами заняли много времени. Время же, как известно, часто дороже денег, его же не вернешь. Вот и эта задержка привела к вполне ожидаемым последствиям. Их все же обнаружили. Правда, не повезло в этом случае скорее не новоиспеченному экипажу танка, а самим преследователям.

Внезапно из-за поворота дороги метрах в пятистах показались два мотоцикла. Обалдевшие от неожиданно обнаруженного «натюрморта» из торчащего на обочине танка, разбитого трактора и орудия, они даже как следует притормозить не успели. Тут их сразу и обстреляли — из засады Семен пулеметом и от танка Антон пару раз из карабина. Неизвестно, кто из стрелявших так удачно попал, только передний мотоцикл сразу вдруг вспыхнул и, как в кино, рванул ярко полыхнувшим пламенем взрыва. Второй успел срулить в сторону, и наездники спорхнули с него, как птички с насеста, прямо в канаву. Вслед мотоциклистам выскочил еще и грузовик, практически сразу сдавший назад. Немного погодя под прикрытием огня одного из уцелевших мотоциклистов и откуда-то появившегося немецкого пулемета из-за деревьев начали постреливать пехотинцы.

26 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Ну вот, картина Репина «Приплыли». Как всегда в такие моменты, время вдруг резко замедляется, и я успеваю заметить, как рыбкой ныряет в люк Евгений, за ним, отбросив в сторону тяжелую гильзу, медленно-медленно прыгает вверх и затем в люк Кузьма, как валится на траву задетый пулей Антон... и сам практически из-за башни в два прыжка оказываюсь в люке и на месте мехвода. Как я ухитрился туда попасть? Загадка. Но сейчас не до нее. Так, запускаем движок. Медленно, черт. Ага, летеха правильно орет на Андрея с Кузьмой. Заряжайте же, черти, иначе немцы в мертвую зону войдут.

Успели, блин, в последний момент. Как шандарахнуло. Даже меня проняло. Андрей-то точно пару минут ничего соображать не будет. Тээк-с, дадим-ка задний ход на всякий случай, пока не стреляют.

— Сто... да ст...й, бл...

— Что хочешь, лейтенант? А, понял, стою!

Интересно, как там Сема с Антоном? Попробую оглядеться. Нет, в Т-62 обзор получше будет. Во, опять шандарахнуло.

— Лейтенант, ты не слишком разошелся?

— Нор...но.

— Ага, а то сейчас все немцы разбегутся или со всей округи сбегутся. Все равно в лесу ты их особо не набьешь, хотя, конечно, широтой души поразишь — из шестидюймовки по рассыпавшейся в лесу пехоте... А, так ты пулемет их накрыл!

— ... с двух выстрелов?

— Уважаю. Да шутка это, шутка. Понял, что подавил только. Кстати, чего остальные молчат?

— Не успели рты раскрыть.

— Ниче, оклемаются. Зато теперь знать будут.

Немцы, конечно, сразу отошли. Чем-чем, а дурью-то они никогда не страдали. Переть на танк, да еще поддерживаемый пулеметом, а может быть, и пехотой, они не стали, быстренько эвакуировались на свой «Опель-Блиц» и рванули подальше. Но и нам теперь задерживаться нельзя. Поэтому в темпе, оставив движок на холостом ходу... эх, черт побери, ресурс-то уходит, выскочил из люка. Вслед за мной вывалились из башенных люков Евгений и Кузьма. Андрей, похоже, еще до сих пор не отошел после стрельбы, а Кузьма покрепче

оказался и сразу рванул к Антону. Нормально, вроде задело его не сильно, как я понял.

Быстро поднимая оставшиеся гильзы, я начал подавать их Евгению, а тот наконец-то появившемуся из люка Андрею. Подбежавшему Семе и освободившемуся после перевязки Антона Кузьме я крикнул, чтоб остальное все пособирали. Хорошо, инструмент я раньше запаковал. Ну, вот грузимся мы, а сейчас вдруг опять немцы? И придется мотать с тем, что есть.

— Эй, вы куда? Да не зарывайтесь, уе... успеть надо!

Нет, ну упорные. Ладно, не зря бегали, пусть и без боезапаса, что такое для «шмайсера» один магазин, а для пулемета лента, но все ж еще две единицы автоматического оружия, как в донесениях писали, прихватили. О, даже сапоги Антону нашли!

Андрей предложил еще и зарядный ящик прицепить к танку, чтобы боезапас был. Хотя я против был, остальные уговорили. Хорошо, посмотрим, как оно будет. Жаль, машину немцы раскурочили, не потянешь и не восстановишь.

Ладно, поехали! Подожгли на прощание трактор и к машине с оставшимися боеприпасами успели дорожку бензиновую протянуть. Глянул — ничего, сильно загорелось, надеюсь, до машины дойдет. Не хрен немцев боеприпасами снабжать...

Проехали-то всего ничего, а я уже мокрый. Елки-палки, как же дальше-то будет? Всегда считал, что на наших танках тяжелое управление, но даже на Т-55 оно по сравнению с этим монстром как на «Тойоте» по сравнению с нашим трактором. Нет, конечно, и читал, и даже, когда сюда добирались, понимать начал. Но одно дело минут ...надцать, а другое — пять часов рычаги ворочать. Эх, какой-нибудь бы гидроусилитель смонтировать, что ли. Шутка юмора такая.

Никогда не пробовали по незнакомой лесной дороге на тракторе с прицепом ездить? Нет? Ну и не пробуйте. Просто спокойнее будете. Тут еще каждый час остановку делаем, состояние бочек и ящика проверяем. Причем скорость приходится максимально возможную держать, чтобы подальше отъехать. Кузьму же к рычагам я подпускать боялся, читал, какая квалификация у большинства тогдашних механиков-водителей.

В общем, вылез я из люка, да сразу на месте и сел. Прямо на траву. Ни рукой двинуть не могу, ни ногой. Старый я стал для такого экстрима, старенький...

26...27 июня. 1941 год. Украина. Лес да лес кругом

Обалдевшие от шума, тряски и спертого воздуха, пропитанного парами горючего, все медленно выбирались из танка и потихоньку расползались по поляне. Получивший от хозяина «увольнительную» Ленг подозрительно быстро исчез в чащобе.

— Отпустили погулять? — спросил Андрея Евгений.

— Да. Пусть подкормится, — ответил Андрей. Тут только он обратил внимание на обессиленно сидящего перед танком Сергея.

— Эй, ты что на земле сидишь? Прохватит. Устал сильно? — подходя к Сергею, сказал Андрей. Сергей, криво усмехаясь, с трудом встал и ответил:

— А ты как думаешь? Конечно, устал. Ничего, отдохну ночку и дальше поедem. Надо бы только уточнить, куда. А то ведь не всегда так везти будет. Километров с полсотни отъехали, а всего две речки, и немцев не встретили. Да и танк осмотреть поосновательнее после марша не помешает.

— Отдыхай лучше. Кузьма справится и без тебя. Ты ж ему все показал, пусть самостоятельно поработает. Да и стоянку пора бы организовать, — командный тон Андрея был неподражаем. Подошедший вместе с ним Колодяжный едва инстинктивно не принял стойку «смирно» и отправился «собирать личный состав». Сема было попытался увильнуть, но под строгим взглядом шефа покорно пошел таскать дровишки. Антон, как легко раненный, отправился на пост, а Евгений, Кузьма и присоединившийся к ним Андрей принялись обустраивать бивак.

Немного отдохнувший Сергей все-таки занялся осмотром состояния танка. Попросив друзей прерваться, с их помощью отцепил и сгрузил бочки, открыл люки и занялся техническим обслуживанием. Чуть позже к нему присоединился и Кузьма. Особо пугающим открытием стал неожиданно большой расход масла, получалось, что прихваченной канистры надолго не хватит. Да, вот такого Сергей явно не ожидал, несмотря на все прочитанные книги. Все-таки правы были классики: практика — основной критерий истины!

Пока Сергей с Кузьмой возились с танком, вернулся довольный и сытый Ленг с прицепившимся чуть выше носа перышком, остальные запалили небольшой костерок и приготовили походный ужин. Довольно скудно поужинав и поделив между собой время заступления на пост, все завалились спать. Усталость взяла свое, и никто не обращал внимания ни на отсутствие комфорта, ни на доносящиеся со всех сторон звуки ночного леса, наконец-то ожившего после неожиданного и пугающего вторжения ревущего многотонного чудовища. Зато под утро все вскочили быстро, организм, потеряв за ночь тепло и почувствовав выпавшую росу, выдавал сигнал на побудку лучше всякого будильника. Попавший в утреннюю смену Сема тщетно пытался согреться, нарезая крути по лесу вокруг стоянки. За ним, видимо считая, что это такая игра, практически бесшумно следовал Ленг, время от времени неожиданно наскакивая из зарослей и пытаясь напугать.

Быстро позавтракав остатками еды и подготовившись к дороге, товарищи уже собирались обсудить, куда же ехать и что делать дальше. Но тут до них долетел окрик Кузьмы: «Стой! Ложись! Стрелять буду!» Вскочившие и хватающие оружие соратники услышали и ответный крик, что идут свои, и ответ Кузьмы, что свои в овраге лошадь доедают. Тут еще один голос зло добавил, что часовой, чем называть ежеиков на вы, вызвал бы лучше начальника караула.

Сообразивший, в чем дело, Андрей крикнул: «Красноармеец Нечипоренко, пропустите. Но следите, чтобы руки на виду держали, на уровне плеч и за оружие не хватались».

Через несколько мгновений из пробитой вчера танком просеки на поляну вышла живописная группа окруженцев, увидев которую экспансивный Сема даже присвистнул. Впереди, держа руки на уровне плеч, словно собираясь заниматься физкультурой, шел невысокий крепко сбитый младший лейтенант в сапогах, начищенных до блеска, правда, уже слегка потускневших от росы. В правой руке он сжимал кожаный портфель характерной формы, сразу напомнивший Сергею виденные в армии портфели с секретными документами. За лейтенантом шел самый настоящий довоенный милиционер, такой, как в книге про дядю Степу, вращавший во все стороны головой. По покрасневшему лицу и сердитому взгляду было видно, что все происходящее отнюдь не доставляло ему удовольствия. Кроме милиционера, в группе было еще два бойца, каждый из которых нес за плечами, кроме винтовки СВТ и своего вещмешка, еще один мешок, который, судя по габаритам, должен быть очень тяжелым. По их лицам заметно было, что настроение их было почти такое же, как и у милиционера, хотя увиденная громада танка явно подействовала на них положительно.

— Ну что, руки можно опускать? — более дружелюбным тоном спросил милиционер. Младший лейтенант, покосившись назад, опустил без разрешения руки и представился:

— Младший лейтенант Скобелев, Алексей Андреевич. Разрешите узнать, с кем мы встретились?

— Капитан Мельниченко, военинженер 2-го ранга Иванов, лейтенант Колодяжный, красноармеец Змиев и товарищ Бридман, — назвал присутствующих Андрей.

— Младший лейтенант милиции Музыка, — представился милиционер. После чего Скобелев добавил, что красноармейцы — его подчиненные Казаков и Сокуров.

— Ну, вот и познакомьтесь, товарищи, — сказал прочно взявший инициативу в свои руки Андрей. — Устраивайтесь и поговорим. Что думаете дальше делать?

— К своим выбираться надо. Мне — особенно, — сказал младший лейтенант, когда все разместились неподалеку от танка.

— Секретные документы? И, похоже, деньги? — уверенно спросил Сергей.

— Откуда... как вы догадались? — напрягшись, удивленно уставился на него

Скобелев.

— Да расслабься, лейтенант. Просто не надо на виду такие портфели носить. Да и мешки у твоих бойцов характерные. Особенно бирки на них. Как ни маскируй, видны, — спокойно глядя на него и заволновавшихся бойцов, сказал Сергей.

— Ладно, успокойтесь. Мало ли кто и что должен нашим сдать по прибытии, — так же спокойно сказал милиционер, внимательно глядя в первую очередь на Андрея.

— Это точно. Поэтому давайте лучше решать, что дальше делать будем. Наши, я так понимаю, отступают, и где они сейчас, нам неизвестно. Нужен знаток местности или карта. Ну и «язык» не помешал бы, а то будет нам полный песец, когда не туда заедем, — продолжил Андрей. Аборигены удивленно уставились на него, а затем стали переглядываться между собой.

— Извини, капитан, — фамильярно обратился к Андрею милиционер, отчего лица Колодяжного и Скобелева явно перекорежило, перебив на время даже недоумение, — что-то я не понял. При чем здесь толстая полярная лисица и язык?

27 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

— Что-то я не понял. При чем здесь толстая полярная лисица и язык? — спросил Музыка.

Ну вот, опять, блин, прокололись. Так нас точно вычислят, несмотря на все попытки под местных маскироваться и тщательно припрятанную аппаратуру. Придется выручать.

— Извините, лейтенант, как вас по имени?

— Юрий Васильевич.

— Так вот, Юрий Васильевич, поясню. Язык — пленный, специально захваченный для того, чтобы узнать все о противнике. Что касается полярной лисицы, это у нас шутка такая. Секретарь райкома ругаться матом запрещал, ну вот и придумали. Сначала «писец» говорили, а потом кто-то в «песец» и переделал. Понятно?

Эх, хорошо шутка пошла! От смеха аж Ленг подскочил. Как там Штирлиц говорил — запоминаются последние слова? Вот и запомнят шутку...

Да, а вот это интересно! У интенданта кроки имеются. Что ни говори, везет тем, кто борется! Сидели бы на месте, так и утонули бы, как та лягушка в сметане. А мы лапками дрыг-дрыг — глядишь, и масло получается. Похоже, вообще, как в картах, пошла масть...

Так, значит, вот здесь их обстреляли. Ага, примерно представляю, где это. Там еще, насколько помню, городишко небольшой в наше время вроде был. Там сейчас, значит, поселок. Вообще отлично... и МТС там же расположена! Тыловики? А почему тыловики? Понятно, вполне резонно. Может быть, и тыловики, раз стреляли не очень, да и преследовать не стали.

— Го... гм... гм... Товарищи, а почему бы нам не пощупать этих «тыловиков»? Сил у нас, конечно, немного, зато танк, а там вы вроде бы ничего противотанкового не заметили. Да и дорога мимо не пройдет, это Юрий справедливо заметил. Пешком-то вы по обходной дороге пройдете, но танк, раз там местность заболоченная, скорее всего, не пройдет. То есть придется через поселок прорываться. Поэтому немцев оттуда пугнуть придется в любом случае, танк мы бросать не хотим. Давайте поближе подъедем, рекогносцировочку проведем. Эх, жаль, даже бинокля нет. Что ты говоришь, лейтенант?

— Есть бинокль, у бойца в рюкзаке.

— Есть и даже штатный для финансиста? Шучу, понятно. Молодец, что сохранил.

— Что же, считаю предложение Сер... военинженера Иванова правильным и предлагаю приступить к его выполнению, — сказал в этот момент Андрей.

Так, правильно, пусть Андрей на себя власть берет. Ему привычнее, да и мне с машиной возни много. А за языком надо следить и Андрея с Семеном предупредить. На Андрея вон злился, а сам-то, считай, чуть не испортил все насовсем. Вот ляпнул бы сейчас

«господа», по обретенной в последние годы привычке... и все, сливай воду. Никак бы потом не доказал, что не верблюд. Евгений с Юрой вон искоса поглядывают, да и остальные, хотя и помалкивают, все на ус мотают.

Ох, побриться бы. Щетина эта лезущая уже замучила. Жаль, что воды рядом нет, а то бы я всех с одноразовой бритвой познакомил... Хорошо, что интендант запасливый. Смотри, у бойцов и продукты, и бинокль, видишь, прихватил, и щетку с ваксой. Хм, и бритвы у них точно есть, но вот наверняка опасные, можно бы свою одноразовую не светить, но такими без привычки бриться — проще сразу зарезаться... ладно, обойдемся пока. А там придумаем чего-нибудь.

Пора машину к бою и походу готовить. Смотри-ка, а бойцы-то ничего, за «светками» ухаживают, опытные, видать. Нормально. Надеюсь, немцев немного будет, вдесятером роту гонять у нас точно не получится. Только бросать танк жалко, я с ним свыкся уже, прямо как те поляки со своим «рыжим». Странно, чего-то вдруг фильм, в детстве не раз просмотренный, вспомнился? Помню, в то время было заведено, как школьные каникулы, так сразу два фильма и идут по телевизору — «Четыре танкиста...» и этот, венгерский, как его... вспомнил — «Капитан Тенкеш». Утром одного фильма серия, вечером — второго. И так каждый год. Хе, а наверняка не зря припомнилось. Не назвать ли нам и наш танк «Рыжим»? А что, три танкиста, если меня, Сему и Андрея считать, у нас точно есть, не зря ж мы всякую броне- и автотехнику для перепродажи богатеям новоявленным переделявали. Аборигены все же не танкисты, они артиллеристы и финансисты, ну, а мы — три танкиста и собака, ха...

— Чего улыбаюсь? Да так, шутку одну вспомнил. Потом расскажу, сейчас некогда. А товарищу милиционеру вон карабин дайте, уж из винтовки он наверняка стрелять сумеет. Точно?

— Срочную пулеметчиком служил.

— Ну вот... еще и пулеметчик. Так пусть Сема его обращению с немецким пулеметом подучит. Сему нам в десант нельзя пускать, мало ли что, а он у нас единственный радист...

Кстати, ведь и танку без пулемета туговато будет. Жаль, для дэтэшки патронов нет.

— Разрешите доложить? У нас по сто восемьдесят патронов есть, — отозвался красноармеец Казаков.

— Что, и подсумки полные, и в пачках есть? Ну, вы молодцы! Тогда ДТ снаряжаем и в танк ставим. Лучше «ворошиловским» поставим, сзади. Он, конечно, больше пугать, чем попадать, но при бое в селе может пригодиться.

— Отлично, Сергей, иди готовь танк, — тоном приказа сказал Андрей.

— Есть, товарищ капитан, беру Кузьму и пошел готовиться.

Так, а воздуха в баллонах и не осталось. Придется аккумуляторы гонять. Нет, надо что-то думать, иначе танк действительно бросать придется. К тому же мне он все больше по душе, наш «Рыжий».

27 июня. 1941 год. Украина. Высота 282

Осторожно подогнав танк поближе к поселку и выставив охрану, Андрей, Евгений, Алексей и Сергей, прихватив бинокль финансиста, осторожно пробрались на высотку, расположенную в паре километров от поселка.

— Нет, похоже, точно тыловики или уж слишком уверены в своей безопасности. Такую точку без охраны оставили, — заметил Евгений.

— Точно. И я даже думаю, что какие-нибудь ремонтники. Видишь, на эмтээсовском дворе трейлер с танком стоит? Это такой прицеп. Пожалуй, нам везет, если удастся немцев разогнать, можно будет много полезного набрать. Главное, чтобы они машины все не угнали, — продолжил Сергей, передавая бинокль Евгению.

— Вы меньше болтайте. Засекайте лучше охрану и пулеметы, — скомандовал

Андрей. — Но ты, Сергей, не отвлекайся, дорогу как следует осмотри и прикинь лучший путь для танка.

— Так. Кое-что я засек. Три пулеметные точки на окраине. Вон там, там и там. Еще два парных пеших дозора. Но все точки и посты в пределах поселка, за пределами никого нет. Думаю, мы сможем спокойно подобраться на танке до холма, отсюда обстрелять пулеметы и потом атаковать танком. Танковый десант не нужен. Смотрите, вон там лес довольно близко к поселку подходит. Если мы атакуем и огнем немцев придавим, наши вполне смогут оттуда до огородов добежать. Как, лейтенант, поддерживаешь? — сказал, внимательно изучив в бинокль местность, Евгений.

— Я тактику как вспомогательный предмет изучал, поэтому пусть товарищ капитан решает, — ответил Алексей.

— А я вообще из запаса, поэтому давайте вместе думать, — заметил Андрей.

Пока Сергей, смотря в бинокль, пытался спланировать несколько путей движения танка, остальные командиры, перебравшись на противоположный склон высоты, спорили по плану атаки.

— Я вообще считаю, что немцев надо пугнуть и уходить. Многовато их там. Минимум рота, а нас всего десять человек. Соотношение явно не в нашу пользу, а если танк подобьют, то нам совсем плохо будет, — сказал Алексей.

— И как ты себе это представляешь? Огнем и железом вечером нагло проскочить по центральной улице и быстро убежать в лес? — сказал Андрей и, дождавшись утвердительного кивка Алексея, продолжил:

— Во-первых, они передадут наш маршрут командованию и нас просто загоняют самолетами и подвижными отрядами. Во-вторых, ничего не мешает немцам попробовать подбить танк и в этом случае. В-третьих, нам нужно топливо, масло и прочий ЗИП к танку. Найти его можно в МТС. И мы его постараемся найти. К тому же если еще и пару машин захватим, то вообще все на колесах будем. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Я так думаю.

Алексей задумчиво молчал, а Евгений полностью поддержал план Андрея, добавив, что за подавление пулеметов ручается.

— Если пехота не оплошает и прикроет танк огнем от немцев с гранатами, то им останется только отступать, сколько бы их ни было, — закончил он.

В этот момент появился Сергей, и Андрей еще раз повторил свой план. Сергей, немного подумав, предложил еще раз вдвоем осмотреть местность. Перебравшись на другой склон, он с ходу сказал:

— Шеф, извини, но ты служил поменьше, чем я. Да и опыта боевого у тебя нет. Поэтому прошу, прежде чем озвучивать планы, сначала постарайся со мной посоветоваться. Договорились?

— Понимаю и согласен. Давай конкретику, что тебя не устраивает? — ответил Андрей. Чем-чем, а уж излишним гонором он не отличался никогда и всегда готов был принять любое дельное предложение подчиненного.

— Понимаешь, план неплох, но, по-моему, неверен. Вот смотри, на машинном дворе стоит автомобиль с кунгом, видишь? — подав бинокль и указав, куда смотреть, продолжил Сергей. — Радийная машина, присмотришься, видишь — антенна растянута. Поэтому пока вы будете пулеметы подавлять да за пехотой охотиться, кто-нибудь точно доложит обо всем.

— Так. И что ты предлагаешь?

— Считаю, надо обстрелять из пулемета дальний пост. Когда немцы отвлекутся, выдвигаемся на танке вот на тот перекресток. Оттуда мы сможем обстрелять и въезд на машинный двор, и все дороги. А вот когда мы откроем огонь и подавим пулеметные точки, которые по нам могут стрелять, то и пехота атакует с той же стороны. Тогда у немцев один выход остается — по дальней дороге на север драпать, причем пешком, — изложил свой план Сергей.

— Согласен. Замотивируем изменение обнаруженной тобой радиостанцией, о'кей? —

согласился Андрей.

27 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

— Замотивируем изменение обнаруженной тобой радиостанцией, о'кей? — согласился Андрей.

— Это да. Но... послушай, шеф. Нам за словами следить надо, а то за вот такое о'кей можно оказаться далеко и глубоко, куда Макар телят не гонял. Я тоже недавно чуть не ляпнул «господа офицеры». Представляешь, что было бы?.. И еще. Что-то никак не могу припомнить, но кажется мне, что обстановка не совсем соответствует той, которая на эти дни должна быть. Не помнишь?

— Ты же знаешь, я стратегической стороной войны не увлекался. Так, немного помню. Вообще-то в этот район должна была как раз в эти дни 14-я панцердивизия выйти. Помнится, наши оборонялись севернее и южнее, так что похоже. Точные даты не припомню, но вполне, по-моему, соответствуют. Или ты думаешь, что это параллельный мир?

— Не знаю. Может, и наш, тогда точно временная петля. Знамя-то именно это, как мне кажется, в нашей истории спасли. Ну, ладно, наш ли, параллельный ли мир, неважно. Главное сейчас, ты правильно сказал, выжить. Потом уже разбираться будем. Пошли, что ли?

Вернулись мы к товарищам командирам, Андрей план измененный довел, обязанности распределил. Смотрю, командиры-то как в том анекдоте про Ильича, который «не улыбается, а глаза добрые-добрые». Только глаза у них не добрые, а хитрые. Соображают, черти, но виду никто не показывает, дисциплинку блюдут, значить... Ну и ладно. Правильно в «Швейке» написано: «Армия без дисциплины — трость, ветром колеблемая».

Не понял? Что такое? Подходим к танку, а там черте-те что. Похоже, Сема чего-то натворил.

— Так, что за праздник? Или война кончилась, что вы, про все забыв, тут собрались?

— Семен рацию наладил! И даже какую-то нашу передачу поймал!

Так, это Кузьма обрадованно вопит. Ну передача, ну наша... Стоп, наша? Это да, это радует. Глядишь, и передатчик отремонтирует позднее. Но все равно, непорядок. Никакой дисциплины. А если бы немцы подобрались?

— Отставить праздник! Немцы рядом, а вы, как на базаре, орете. Еще бы в воздух на радостях постреляли.

— Вообще не понял, товарищи со... красноармейцы! Что за... Почему посты бросили? Музыка, вы, как командир, куда глядели? Так, Змиев и Сокуров, бегом на пост! Одна нога здесь, другой не вижу. Остальным продолжать работы... Бридман, докладывайте... тьфу, ладно, Семен, рассказывай, чего учудил.

Молодец Андрей, правильно. Показал, кто главный. Не, дисциплинка-то, оказывается, не так уж и хороша, как я думал... Так, не о том я задумался, что там Семен рассказывает.

— ... приемник наладил. Поймал обрывок радиопередачи на русском. Ну, погромче включил, народ и сбежался. А так ничего поймать не удастся, одна морзянка сплошная. А я в ней не разбираюсь, увы.

Очередной, блин, прокол. Связист, тоже мне. Лишь бы остальные не зациклились на этом. Не мог промолчать, что ли.

Ладно, зато ТПУ заработало, уже плюс. Теперь хотя бы с командирского места будут мне подсказывать, куда ехать, а то в этот триплекс довоенный только секс-фильмы пуританам смотреть — все равно ни хрена деталей не различить, один общий фон. Шлемаков у нас три, как раз мне, лейтенанту и шефу будет связь. Черт, а как же Сема? Впрочем, ему шлемофон в бою не нужен, а на ходу можно будет лейтенанта грабить... Хорошо бы у немцев наушники раздобыть, шлемофонов-то у них не было...

Вот время летит — не успели рекогносцировочку провести, а уже к обеду подходит. Ну

что, будем заводиться, пехота наверняка позиции заняла.

— Заводи!

Ну, давай, «Рыжий», покажем фрицам кузькину мать!

27 июня. 1941 год. Украина. Поселок...

Внезапный пулеметный огонь немцы восприняли довольно спокойно, к обстреливаемому посту устремились всего с десятков человек — видимо, дежурное отделение. Но Семен, сумевший доказать, что без него некому будет вести огонь из второго пулемета, успешно решил главную задачу. Немцы, отвлекшись на внезапный и непонятный пулеметный обстрел, не успели отреагировать на неожиданно возникшую с другого направления более серьезную опасность. Огромная рычащая глыба танка, возникшая из-за холма и устремившаяся вниз, не сразу привлекла их внимание, кроме, конечно, пулеметчиков, прикрывавших этот участок... В общем, танк уже занял позицию, когда бросившие начатый обед немцы попытались что-то предпринять.

Колодяжный показал себя настоящим снайпером артиллерийского огня. Вторым и третьим снарядами он попал прямо в бежавшую к машинному двору группку немцев, разметав тех, кому не повезло оказаться рядом со взрывами, как кегли. Еще несколько раз выстрелив, частью по пулеметам, частью по перебегавшим по улицам немцам, танк, ревя мотором, устремился вперед в сопровождении изредка мелькавших пехотинцев, ведущих интенсивный огонь. Окончательно отбила у немцев всякое стремление к героизму пара выстрелов картечью, обрушившаяся на самые сильные участки обороны. Отнюдь не собираясь противопоставить русским тяжелым снарядам и броне карабины и ручные гранаты, немцы рассыпались и, прикрываясь плетнями, кустами и деревьями, огородами рванули к северной дороге.

— Смотри-ка, как рванули. Прямо... огородами и к Котовскому, — пошутил Андрей. — Ха, точно... свадьба в Малиновке... как там про пулеметы... — один не стреляет, другой стреляет только в своих? — добавил он, заметив, как меткая очередь Музыки бросила наземь двоих немцев.

— Отлично... получилось. Я... ё... чуть язык не прикусил. Сергей, нельзя ли поосторожнее, ха... Я за шрапнель переживал. Все-таки шестнадцатого года выпуска. Смотри-ка, ничего еще сохранилась. Вон как немцев накрыло, — добавил Евгений.

— Эй, не отвлекайтесь... лучше дорогу корректируйте. Бл... с этими триплексами надо что-то придумывать! — зло прикрикнул на них Сергей.

— Так. Тормозни! Жень, видишь — герои пытаются наших обстрелять. Ориентир — двор с синими воротами, левее два, у плетня. Заметил? — скомандовал Андрей.

— Не вижу, но по направлению понял. Счас мы их угостим. Стой! — ответил Евгений.

Танк встал и содрогнулся от очередного выстрела. Пронзительно, слышно даже на фоне работы дизеля, загудел электромотор, разворачивая башню. Медленный разворот башни сопровождался громкой руганью Евгения, затем несколькими короткими очередями дэтэшки. Башня наконец-то развернулась полностью, и Антон, стоявший у пулемета, парой очередей прошелся вслед убегавшим немцам, придав им дополнительное ускорение.

Снова загудел мотор. Башня медленно встала в нормальное положение, Сергей, не дожидаясь команды, двинул танк вперед. Корректируемый Андреем, он вырулил мимо деревенских хат к МТС и, снеся ворота, въехал прямо на машинный двор, на котором валялось несколько трупов и понемногу разгоралась та самая радиийная машина с будкой.

— Слишком ты хорошо стреляешь, Евгений! Такую машину спалил, — заметил Андрей.

— Странно. От осколков не должна была загореться. Может, открытый огонь где-то рядом был? — удивился Колодяжный.

Все вылезли из танка и стояли, осматриваясь и жадно глотая воздух, после насыщенной

парами топлива, масла и пороховым дымом атмосферы в танке казавшийся первозданно свежим. Перестрелка затихала, несколько раз звонко хлопнула винтовка, коротко протрещал пулемет, и установилась оглушительная после всего происшедшего тишина. Внезапно раздалась громкая ругань, на которую все невольно обернулись.

К снесенным воротам приближался, толкая впереди себя пошатывающегося, измазанного в земле и крови немца, Семен с пулеметом наперевес. Воинственный вид Семы так контрастировал с его обычным сугубо гражданским обликом, что первым не выдержал и расхохотался Мельниченко. Через пару мгновений смеялись все, сбрасывая накопившееся во время боя напряжение.

— Ну, Семен, молодец. Прямо спец... осназовец! Уже и языка прихватил, да и сам целехонек, — отсмеявшись, заметил Андрей. — Посмеялись, и хватит. Машину тушим, пока серьезный пожар не разгорелся, пленного привести в порядок и... ё... а кто у нас немецкий знает? Как-то мы про это забыли совсем. Да, а где остальные?

— Вон Скобелев ведет. Еще пару пленных прихватили, черти. И что мы с ними делать будем? — ответил Сергей, оставшийся рядом и приглядывавший за пленным, пока остальные начали выполнять приказ Андрея.

К машинному двору шли Музыка, Скобелев и Казаков, конвоирующие двух пленных. Подойдя к Андрею, они посадили немцев на землю рядом с ранее приведенным, и Музыка доложил: «Бой завершен благополучно, потерь нет. Красноармеец Сокуров оставлен для охраны. Захвачены двое пленных, судя по нашивкам и погонам важные».

— Отлично. Молодцы. Это, конечно, хорошо, что захвачены. Вот только кто их допрашивать будет. Немецкий кто-нибудь знает? — сказал Андрей.

— Я знаю. В детстве рядом с немецкими колонистами жил, а после, конечно, как все, и в школе, и в училище учил, — ответил Скобелев, смущаясь.

— Ну, тогда тебе и карты в руки. Красноармеец Змиев! Ко мне! — продолжил Андрей.

Из-за машины подбежал улыбающийся Антон.

— Что смешного увидел, Антон? — спросил Сергей.

— Да вот, товарищ военинженер, нашли причину пожара. Немец за машиной прятался, курил. Его осколком срезало, а от окурка понемногу трава и бензин загорелись. Тут ведь трава вся то маслом, то бензином пропитана. Непонятно, как и растет, — ответил Антон.

— Ну что, убедились теперь, чем заканчивается курение на посту? Вот то-то, — наставительно заметил Андрей. — Сделаем так. Ты от своего ранения еще не оправился, смотрю, тяжести тебе еще таскать трудно, видел, как снаряды с трудом тягал. Поэтому поступаешь в распоряжение товарища Скобелева. Пленных связать, разместить в отдельных помещениях и допросить. Помогашь во всем, понял? А Казаков, после того как пленных разместите, пойдет на западную окраину, охранять. Можешь занять пост на холме, откуда неплохо все подходы видны. Да, здесь у немцев в машинах наверняка должны быть сигнальные пистолеты. Неплохо бы такой Казакову, а получится, то и Сокурову дать. Сергей, займись! А Юрию, я думаю, надо будет поселок обойти, собрать всех работников МТС, кто остался. Будем агитировать добровольцев. Иначе нам отсюда все не увезти, да и с танком один Сергей не управится.

Пока Музыка обходил поселок, а Скобелев с Антоном возились с пленными, Андрей, Евгений, Кузьма, Сергей и Семен попытались разобраться в трофеях.

27 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Нет, нам определенно везет. Дуракам и пьяным счастье... вон сколько всего полезного нашли. Черт, как же все это увезти-то. Интересно, немцы далеко ушли? Я б на их месте в лесу перекапывался, выходящая из окружения часть долго в поселке задерживаться не будет, дураку ясно. Ага, вот и ракетница. Так, к ней пять ракет черного дыма и три красного... неплохо. Жаль, вроде больше нет. Ладно, отдам Казакову...

А, бл..! Немцы-то умнее, чем я думал. Стреляют. Ну ладно, сейчас мы им...

— Евгений, давай. Покажем им еще раз, где танки зимуют!

Так, тронулись. Хорошо, хоть вчетвером залезть успели. Скорострельность, конечно, ни к черту... А, им хватит... Так... стою!

— Евгений, видишь их? Так чего ждешь, стреляй!

Опять шандарахнуло. Даже шлемофон слабовато спасает. Еще неплохо бы вентилятор какой приспособить...

— Ага, не нравится!

— Ленг, ты-то чего лижешься? Плохо тебе в танке, понимаю... и хозяина нет... Привыкай, малыш... Ну что, лейтенант?

— Немцы в лес рванули.

— Ага, побежали. Отлично. А чего так быстро?

— Сам не понимаю!

— Что, Евгений, не знаешь? Вот и я тоже.

— Ого, кто-то из наших такой огонь открыл. Музыка с Семеном с пулеметами прибежали, что ли?

— Хорошо, если так... Только бы все сюда не сбежались. Что немцам мешает наш прием повторить?

— Не думаю, но лучше давай-ка назад вернемся!

— Поехали!

Разворачиваюсь, и вперед. Тут лейтенант изумленно так вскрикнул, что у меня в наушниках зазвенело.

— Ты чего? Аж оглушил!

— Так Юрий не только сам пришел. С ним еще несколько человек с винтовками! Укрываются плохо, явно гражданские!

— Вот это здорово! Интересно, кого же Музыка сумел сагитировать? Ладно, позднее разберемся...

Быстро гоню по уже известной дороге к машинному двору. Надеюсь, немцы все ж не настолько соображают... Вроде спокойно. Так, встанем здесь, отсюда, насколько помню, обстрел лучше должен быть.

— Ну как, нормально? Чего молчишь, Евгений?

— Да осматриваюсь. Интересно, эти конструкторы сами-то в танке сидели? С командирского места и так плохо видно! Ага, встал точно, отсюда мы все подходы обстрелять можем. Вокруг вроде тихо... А, твою...

— Что, сглазил? Немцы?

— Да, нашу уловку повторить пытались, но танк увидели и притормозили. Цепью идут, придется еще раз попробовать картечью стрельнуть.

Чего они там долго возятся, не пойму. Хотя... достать снаряд, выставить трубку времени требует. Ну вот, наконец-то.

— Ну что, попали?

Клевок! Но немцам хватило, назад рванули. К тому же, кажется, их еще и наши обстреливают, только что один упал, явно убитый.

Нормально получилось. Хорошо, что успели, да и немцы все же не из линейных частей. Тыловики, они и есть тыловики, что у них, что у нас. Впрочем, помнится мне, здесь недалеко наша дивизия двадцать второго июня немцев не только остановила, а и на три километра от границы отбросила. Так там такая паника среди фронтовых юберменшей была...

Надо будет шефа спросить, может, случай этот помнит. Вроде бы он мне про это и рассказывал.

— Что, Евгений, стоим пока? Или все?

— Вроде все! Вон товарищ капитан рукой машет!

— Тогда вперед, на двор заедем. Корректируй!

Черт, опять вроде не так сказал. Но Евгений не реагирует. Блин, это ж артиллерийский

термин, е-мое. Скоро от любого слова в ступор впадать начну, правильно сказал или нет...

Ну, «Рыжий», приехали. Вымотал ты меня опять... как бы управление полегче сделать, эх...

Да-а, пока мы туда-сюда мотались, столько всего собрать можно было. Не прощу фрицам! Ладно, вылазим.

— Как, Андрей, нормально?

— Неплохо. Пока мы тут лазили, Музыка, молодец, группу добровольцев набрал. Прислал мне гонца, доложить. Гонец, правда, того...

— А чем он тебе не нравится? — глядя на выражение на лице Андрея, спросил я совсем негромко. Тут из-за Андрея гонец и вышел... вышла.

Блин, разве ж можно такую красоту, да на войну! Прямо Клара Лучко в сельском варианте. Но что интересно, одета не как сельчане, вон они подходят. Похоже, городская. И наверняка «комсомолка, спортсменка и, наконец, просто красавица...». Товарища Саахова бы сюда... расплылся бы вмиг, точно... Хотя и на меня подействовало... был бы собакой, наверно, хвостом бы завилял. Придется ее с собой забирать, под немцем она долго не проживет — или изнасилуют, или сама чего-нибудь натворит. Как, интересно, она сейчас немцам не попалась? Кажется, я опять торможу. По нынешним временам она идеалу красоты и не очень-то соответствует. Но все одно, надо ее от немцев спасать.

Эх, забрал бы все население с собой, но как? Да не все и пойдут, даже по приглашению Музыки совсем немного народу собралось.

Посмотрели мы друг на друга молча... и разошлись... Ну вот пусть Андрей с местными разбирается, раз уж пошел. Тем временем мы с Кузьмой лучше быстро «Рыжего» обходим и еще трофеев присмотрим...

Эй, что там за шум? Опять Сема что-то натворил?

27 июня. 1941 год. Украина. Поселок... МТС

Завернув за танк, Сергей невольно рассмеялся, увидев, что произошло. Семен, дорвавшись до сокровищ, не удержался, и теперь рядом с танком выросла гора из ящиков, ящичков и приборов в кожаных чехлах. Стоя перед разгневанным Андреем, Сема размахивал руками и с появлявшимся в его речи при волнении отцовским акцентом почти кричал:

— Таки да, все это мне нужно! Авометг', конечно, необходим! А уж о лампах таки молчу. Кг'оме того, есть еще куча спг'авочников на немецком, со схемами и ящички, которые я еще просмотреть не успел!

— Ну и куда мы все это засунем?! Ты головой думаешь?! У нас что, автофургон или танк?! — кричал на него в ответ Андрей. — Ищи ящички и пакуй, на броне закрепим!

— Какая броня, шеф, ты что!.. До первой ямы, все же побьется! А если обстреляют? — ответил Семен, слегка успокоившись.

— Тогда отдельную машину бери. Вон Кузьму посадим, если что. Может, даже добровольца-водителя найдем. Ладно, оттаскивай в сторону, присмотри грузовик. Будем думать, куда твое добро грузить, — тоже остывая, ответил Андрей.

Тут его добил Сергей, заявив:

— Не волнуйся так, Андрей! Сейчас еще мое имущество будем собирать. Хорошо, что у немцев уже готовая ремонтная мастерская есть. Кроме нее, еще пару тонн загрузим и танк прихватим. Вот на него Кузьму и посадим. Да еще надо пару бензовозов захватить, один из которых неплохо бы дизтопливом залить.

Андрей промолчал, с безнадежным видом махнув рукой. Впрочем, времени на переживания у него не было, на площадке перед машинным двором уже собрались сельчане. Народу было на удивление немного, в основном молодежь и несколько человек постарше. Пока они собирались, к машинному двору подтянулся отряд Музыки. Браво вышагивавший впереди Юрий с пулеметом наперевес, за ним трое сельчан с немецкими карабинами, двое из

которых вели какого-то мужика. Мужик время от времени пытался вырваться и кричал, что ни в чем не виноват.

Увидев подошедших, в толпе зашептались, заговорили. Голоса сливались в единый гневный шум. Подойдя к Андрею, Музыка что-то негромко ему доложил, после чего Мельниченко поднял руку, и постепенно установилась полная тишина. Сергей придвинулся ближе, на ходу обратив внимание, каким взглядом девушка смотрит на Андрея и подошедшую группу. Тем временем Музыка, что-то сказав добровольцам, отдал одному из них пулемет и куда-то ушел, позвав с собой Кузьму.

— Товарищи! — начал Андрей. — Все вы знаете, какая беда обрушилась на нашу страну. Коварный враг, внезапно напав на наше миролюбивое государство, используя свое превосходство в готовности и боевой технике, сумел временно отбросить Красную Армию и захватить часть нашей Родины. Пропаганда врага уверяет, что они пришли спасти нас! Но подумайте сами, от кого они собираются нас спасать? От народной власти? От завоеваний нашей великой революции, уничтожившей эксплуатацию человека человеком? Нет, они пришли за нашей землей! За тем, чтобы, уничтожив сопротивляющихся, превратить всех оставшихся в рабов! Некоторые из наших граждан, поддавшись на вражескую ложь или будучи врагами Советской власти, помогают врагу. Вот и этот предатель, живший долгие годы вместе с вами, евший наш хлеб, пользовавшийся всеми благами, перешел на сторону врага! Он выдал немцам всех коммунистов и семью ваших соседей, евреев Гольдманов! Немцы, как вы знаете, всех их расстреляли!

Именем Советской власти, как старший воинский начальник, по закону военного времени, приговариваю предателя нашей Родины к высшей мере социальной защиты — расстрелу! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно!

Державшие предателя за руки добровольцы поволокли его, обмякшего и потерявшего всякую способность к сопротивлению, к забору. Затем один из них, молодой парень, сдернул с плеча карабин и, передернув затвор, выстрелил в предателя почти в упор, крикнув: «То тебе за Ганнусю!» Во взволнованной толпе истерично вскрикнули несколько женщин.

Появившиеся из-за танка Антон и Кузьма с недоумением смотрели на открывшуюся их глазам картину — валяющееся у забора тело, рядом блюющий парень с немецкой винтовкой, взволнованная толпа... Сергей повернулся к ним и коротко рассказал о случившемся. Понятливо кивнув, Кузьма доложил, что товарищи Музыка и Скобелев допрашивают немцев. Он же с Антоном осматривали машины и в одной обнаружили склад, кажется, немецких трофеев. Там оказались ящики с одеждой, советской формой, с какой-то посудой, несколько швейных машинок и еще один ящик с деталями неизвестного оружия.

Оставив Мельниченко продолжать разговор с сельчанами и Антона с ним на всякий случай, Сергей с Кузьмой пошли осмотреть находки. Но дойти до машины не успели, их перехватил вышедший из здания мастерской Музыка, на ходу расправлявший правый рукав гимнастерки.

— Хорошо, что вы мне встретились. Товарищ капитан занят, поэтому вам докладываю. Немцев удалось разговорить, раскололись п...

Закончить он не успел, остановленный приступом неудержимого, хотя и негромкого, хохота, охватившим Сергея. В ответ на непонимающие взгляды Сергей, справившись со смехом, объяснил:

— Знал я в свое время милиционера, про него разные шутки ходили. Говорили, что он известен на весь мир. Ну, вы наверняка слышали, что древние египтяне тела своих мертвецов сохраняли, так чтобы они храниться вечно могли. Такие сохранившиеся тела называют, как известно, мумиями. Вот... англичане, которые сейчас Египтом управляют, эти мумии в научных целях выкапывают и изучают, ну и споры о них ведут. Вот и рассказывали, что никак англичане сами решить не могли, какая мумия какому царю принадлежит. Спорили они, спорили... И вспомнил один из них про нашего милиционера, назовем его Пронин. Привезли к нему в кабинет мумии. Тот выслушал и говорит, мол, мумий оставьте, выйдите и

обождите... Англичане вышли, полчаса у кабинета подождали. Пронин выходит, рукава раскатывает и говорит: заходите, мол... раскололись падлы... показания пишу.

Только полная неуместность смеха не позволила Музыке и Змиеву расхохотаться во весь голос. Зажимая рты и неудержимо фыркая, они вошли в цех, где в разных углах сидели привязанные к станкам и верстакам немцы и где их встретил Скобелев, с удивлением рассматривающий неудержимо смеющихся друзей.

Музыка пересказал ему шутку, после чего все опять расхохотались. Отсмеявшись, друзья подошли поближе к приведенному Семей немцу, с удивлением и испугом глядевшему на развеселых русских в непонятной форме. Судя по выражению лица, немец готовился к самому худшему.

27 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Так, значит, Музыка их припугнул, разговаривать стали. Интересно...

Как Алексей доложил, это чудо — командир ремонтной роты, капитан Рашке. Понятно. Староват капитан, однако. Ветеран Первой мировой, что ли...

— Алексей, спроси, он в прошлую войну воевал?

Медленно Алексей говорит, явно с ошибками... и переводит, кажется, не очень. Жаль, я сам немецкий не знаю. Но он не переводчик, точно. Финансист, хе. Понял, в портфеле-то наверняка ведомости на получку! Они ж секретные... Странно. Ведь казначей, насколько помню, интендант 2-го ранга должен быть... Хм... запомним на всякий случай...

— Его зовут гауптман Рашке... он командует сорок первой ремонтной... ротой. Да, он старый солдат... воевал в восемнадцатом.

Так, ремрота на х... с номером на четверку... где-то я это уже читал... читал... во тормоз, это ж наверняка четырнадцатая танковая дивизия! Старый папаша Мюллер, Гильдебрандт который... не пивной ресторан... читывали, и кое-что в голове сохранилось.

— Спроси, почему они в поселке оказались? По плану или случайно?

— ...эээ... обер... старший... лейтенант Каммхубер... заблудился. Поэтому часть... роты... два, как их, подразделения... нет, взвода... оказалась... в стороне от маршрута. Пришлось поэтому остановиться в первой же подходящей деревне... развернуть радиостанцию и связаться со штабом дивизии. Оттуда, конечно... пришли соответствующие данному случаю... эээ... «поздравления». Все это потому, что накануне Рашке слегка... перебрал по случаю дня рождения, понадеявшись на этого... думкопфа... дурака...

Понятно. Все как в нашей армии... Один понадеялся, другой не проверил, третий не туда повернул. Армия. Вечный пожар в бардаке во время наводнения... Но если случайно — значит, мы севернее пути этой дивизии. Там, кажется, пехота немецкая была. Это хуже, пехота и в лесу может запросто встретиться. Бл... полцарства за мой ноут с книгами по истории!

— Повезло, что в этой деревне оказались... неплохо оборудованные заводы... мастерские... Кажется, так он называет машинно-тракторную станцию. Главное... рота захватила несколько грузовиков и тракторов, неповрежденный цех со станками и локомотивом, а есть еще... рабочие из поселян. Вполне можно... развернуть неплохой ремонтный пункт, надо... охрану поставить да население проверить и рабочих... набрать.

То, что выходящие на восток группы... отряды... русских могут... э-э-э... прорываться через населенный пункт, он знал... Вчера его посты обстреляли русский грузовик. Большинство его пассажиров скрылись в лесу, но... по спокойствию вокруг он думал, они перепуганно забились в глубь леса... Поэтому он и не верил всерьез в возможность такого... А ведь если бы его идея удалась, то можно было рассчитывать не только на прощение, но и на... награду... поощрение...

Ишь, разговорился. С чего бы?

— Ну-ка, спроси, чего он так испугался?

— Эээ... он говорит... что их предупреждали... про русских комиссаров из... ГеПеУ... которые зверски пытаются пленных...

Ну, ГеПеУ я и сам разобрал... и что? Понял, блин! Мы ж не в армейском, да еще у Музыки форма вообще другая. Вот он нас за гэбистов принял, причем явно решил, что мы спецназ какой-нибудь, не просто так по их тылам шаримся... Логично, черт... В соображаловке ему не откажешь... Ладно, не будем его разочаровывать...

— А ну-ка, про пытки и пленных — кто приказал мирное население расстреливать?

— Он... он не виноват... Он ничего не успел сделать... когда он прибыл... приехал в деревню... Каммхубер уже приказал всех, на кого рассказчик... доносчик указал, расстрелять. К тому же... есть инструкции и приказы... он ничего не мог отменить.

Понятно. Я не я, и лошадь не моя, я только выполнял приказ... Знакомая песня.

— Спроси-ка его про танк. Не помнишь? Панцер по-ихнему...

— Танк... А что танк, он почти готов, осталось только установить аккумуляторы, они на зарядке стоят... а, танк... Вы за немецкой техникой охотитесь... Понятно. Ну орднунг... порядок у вас... отступаете же... а говорили, русские ни на что не способны.

Да уж, разговорился. Придумал себе объяснение и теперь все в него укладывает. Хотя, пожалуй, большинство людей так и думают. Вот его точка зрения, и все, что в нее не вписывается, — неправда... Что-то меня на философию потянуло. Вредное влияние немецкого духа, хе. Ладно, шутки в сторону. Что-то с пленными делать надо. Ладно, капитана можно прихватить. Какой-никакой, а капитан, трофей, подтверждающий наши подвиги в тылу врага, так сказать. А тут еще двое. Куда их? Один, если я правильно запомнил нашивки, мастер-оружейник, а второй вообще не пойму кто. Расстрелять? Ну и кто этим займется? Одно дело в бою, а так... Что-то не с руки. Взять с собой? Лишняя обуза...

Интересно, что Андрей об этом думает? Да и как там у него дела с митингом?

— Ну что, нужное мы все узнали. Пойдем глянем, что там в машине... А, черт... Ну-ка, Алексей, спроси, чего там они в машину спрятали, что за барахло... то есть вещи... ну в эту...

— Справа, у забора, с цифрой 5 на бампере.

Хорошо, что Кузьма подсказал, как же я сразу не догадался уточнить... Что-то гауптман наш задержался, пугаться-то ему вроде больше некуда... ты смотри, сблелнул весь...

— Он говорит, что они ничего не... брали... не воровали. Это все найдено в разбитых складах и магазинах... военный... э-э-э... трофей. Все законно, солдат имеет право на трофеи... Смотри, перепугал ты его как! Бойтся, что за мародерство расстреляем. Тьфу, фашист проклятый...

— Да не фашист, нацист... фашисты в Италии. А испугался правильно... мародеров на месте уничтожать надо. Только переводить ему не вздумай, а то со страху помрет. Он нам еще пригодится. Представляешь, пленного нашим доставим, да не простого, капитана. Надо будет его сберечь...

— Да, а что там за ящик с оружием? Спроси.

— Он говорит, что этот старший лейтенант, родственник какого-то ихнего генерала... а тот коллекцию оружия собирал... собирает. Вот и взяли на складе ящик с каким-то списанным неизвестным оружием русских для коллекции. Там... и книга-рассказ... а-а, описание должно быть... Как старший лейтенант хвастал — автоматический гранатомет-миномет.

Автоматический миномет? Что-то я такого не помню у нас перед войной. Да еще и на складе, списанный. Странно. У немцев точно такой миномет был, но у наших? Не вспомню никак... Ладно, посмотрим.

— Интересно, где же этот ваш исполнительный Каммхубер?

— Рашке говорит... вы ж его еще не допросили.

— Что?! Кто, этот вот мозгляк? Так. Что же, товарищ Музыка, прошу отвести его к товарищу капитану Мельниченко. Придется ему решать. Алексей, а тебе нужно еще здесь

побыть, чтобы ничего не случилось. Мы к машине, поглядим, что за трофеи, а оттуда к Андрею. Потом тебя подменим...

Были сборы недолги, от Кубани до Волги... мы скорей собирались в поход. Как не спешили, а собрались только к вечеру. Один Семен почти тонну оборудования собрал. Никогда не думал, что он и в лампах соображает, а оказалось... Даже и не подозревал, что современные супернавороченные усилители для знатоков выпускаются только ламповые. Звук, видишь ли, при этом более естественный получается. Так что музыка, которую мы у него на квартире однажды слушали, именно такой аппаратурой и выдавалась, оказывается. Век живи...

Хорошо, что нам местные помогали, а то мы и за два дня бы не управились. Впрочем, мы им за это все ненужные немецкие трофеи оставили. Пока они помогали загружать машины, я с Кузьмой быстро за зарядным ящиком, на тягаче немецком съездил. Эх, управление после кавэшки — песня! Ну ладно, все равно для нашего «Рыжего» чего-нибудь рано или поздно придумаю. Жаль, что с автоматическим минометом некогда разобраться. Хотя я и так примерно догадываюсь, что это. Скорее всего, гранатомет Таубина. И оказался он на складе, вероятно, после испытаний. Ничего, будет время, разберемся подробнее, а пока в новую форму переодеться не помешает. Спасибо запасливому Рашке!..

Да, а родственничка-то этого генеральского Андрей все же расстрелял. Может, и правильно. Пусть знают, что будет с теми, кто конвенции нарушает...

В общем, нехилая такая колонна получилась. Наш КВ, трейлер с «трешкой», тягач полугусеничный, два грузовика-трехтонки «Мерседесы», с дизелем которые. Красивая машина наяву оказалась, на старых снимках не так импозантно смотрится. Да, ремонтная мастерская еще, на «Опель-Блице» и автоцистерна с дизтопливом, а самое главное — «Мерседес» кюбельваген. Его сразу себе Андрей облюбывал, как командирский и разведывательный, еще и пулемет на него приспособил.

Хм, теперь «Рыжий» полностью в моем распоряжении. Придется Кузьму на мехвода натаскивать, иначе не справлюсь. Евгений — артиллерист классный, пусть с орудием и возится, а мне командовать придется.

Эх, ну что, «Рыжий», поехали! Ничего, отъедем подальше, я тебе полную переборку сделаю. И доработку тоже!

Сначала рванули мы по восточной дороге, но через пару километров наткнулись на отсутствующую на немецкой карте развилку и свернули на север...

28 июня. 1941 год. Украина. Лес да лес кругом

Колонна машин и танк, ревя моторами, углублялась в лес по еле видимой дороге, ведущей на север. Метрах в трехстах впереди, изредка пробуксовывая, двигался «Мерседес 170V». Постепенно начинало светлеть, хотя солнце еще не взошло. На заднем сиденье «Мерседеса» разместился молодой доброволец, уверявший, что эту дорогу он знает хорошо и она должна вести через лес прямо к железнодорожному мосту через Стырь. Рядом с ним на полу дремал, иногда просыпаясь при сильных толчках и недовольно ворча, Ленг. Сидящий за рулем Андрей, ориентируясь в слабом свете фар и стараясь не застрять или не наскочить на какой-нибудь торчащий корень, слушал сидящего рядом Музыку.

— Нет, ты все же неправильно поступил. Ну зачем все оставшиеся трофеи населению раздал? И предателя с немцем самовольно расстрелял. Ну, предателя ладно, может, и простят. Зато немца точно припомнят. Это ж нарушение международного права, он пленный! И какой-то чин к тому же. В бою или после боя сразу все бы незаметно прошло, а так... расспросят всех наших, и начнется! — говоря, Юрий одновременно настороженно оглядывался по сторонам. В полутьме, особенно густой из-за нависающих ветвей и света фар, это было, в принципе, бесполезным занятием, но Музыка все равно пытался что-то разглядеть. Как потом оказалось, не напрасно. Именно он первым засек что-то непонятное и

дернул Андрея за руку. Тот инстинктивно тормознул и пригнулся. Ленг зарычал и вдруг черной молнией вылетел из машины в кусты. Одновременно на дорогу с шумом рухнуло дерево. Андрей и Юрий, не сговариваясь, выпрыгнули из машины, в которую практически немедленно врезалась очередь из пулемета. «Прыгай, твою мать! — крикнул Андрей сидящему на заднем сиденье и не успевшему ничего сообразить пареньку из местных. — Прыгай... крестовину мать!» Пулемет, начавший было вторую очередь, внезапно замолчал, а из кустов раздалась полузадушенные испуганно-возмущенные вопли и рычание Ленга. Одновременно Андрей и Юрий во всю глотку выразили свое отношение к нехорошим бойцам, имеющим вредную привычку портить чужие трофеи и стрелять, не разбирая, где свои, где чужие. В ответ из-за деревьев раздался громкий уверенный голос:

— Эй, кто там матерится! Хенде хох! И выходи сдаваться! А то всех перестреляем. Вам и танк не поможет — у нас пушка есть.

Переключка на повышенных тонах продолжалась недолго, глуша всех ревом мотора, к месту засады подтянулся КВ. Плюнув на маскировку, Сергей включил фару, осветив парящую разбитым радиатором машину, перекрывшее дорогу дерево и выходящего из-за кустов бойца лет под сорок с автоматом ППД. Тот остановился и, прикрыв глаза от режущего света фар, с недоумением и восторгом пытался разглядеть танк.

В танке открылся люк, и показалась голова Сергея, во всю мощь своих легких высказывающего мнение об идиотах, устраивающих дурные засады на танки и за прошедшие дни войны так и не понявшие, что немцы ночью, тем более по лесу, не ездят. Его перебил громкий командный голос Андрея, позвавшего Ленга, а затем крикнувшего, чтобы командир этой ё... засады подошел к ним.

— Точно наши... немцы так ругаться не могут. Да и танки видел такие у танкистов, что неподалеку стояли! — раздалось из леса.

Из-за деревьев по одному стали появляться настороженные, готовые каждую минуту открыть огонь красноармейцы. Некоторые невольно дернулись в стороны, когда из-за их спины на дорогу выскочила стремительная огромная тень, материализовавшаяся в собаку, усевшуюся у ног Андрея.

С опаской поглядывая на алабая, к Андрею и Юрию подошел боец. Он забросил автомат за спину, осмотрелся и, с недоумением обнаружив отсутствие знаков различия на новенькой форме, все же отдал честь и представился:

— Старшина пограничных войск Григорьев.

— Капитан Мельниченко, младший лейтенант милиции Музыка. Как же вы нас обстреляли-то? Неужели не подумали, что немцы ночью не ездят, да и танк у нас есть? Ведь раскатали бы вашу засаду в блин.

— Вот, вот. Я так и собирался сделать, — добавил подошедший Сергей и представился: — Военинженер 2-го ранга Иванов.

— Да, ошибочка получилась, товарищи командиры, — с улыбкой признался Григорьев. — Виноваты, но приказ есть приказ, сами понимаете.

— Кто приказал, и почему он к нам не вышел? — спросил Андрей.

— Да раненый он, товарищи командиры. На поляне его оставили, — ответил старшина и предложил: — А вы с нами пройдите, сами с ним и объяснитесь.

Тут всеобщее внимание привлекла громкая ругань выбирающихся из кустов бойцов. Один, постарше, тащил на ремне ручной пулемет, второй, без пилотки и винтовки, в разорванной на плече гимнастерке, орал на весь лес: «Где это чертово собачье привидение, я его сейчас...» — но тотчас же замолк, увидев внимательно глядящих на него неизвестных в новеньком, явно командирском обмундировании.

— Что, товарищи бойцы, познакомились с моей собакой? Она, знаете ли, не любит, когда ей спать мешают, — с иронией сказал Андрей, вызвав взрыв насмешек и хохота у окружающих, впрочем, сразу же остановленный командой старшины.

— Ладно, пошутили, и хватит. Ведите, товарищ старшина, — сказал Андрей. Но сразу уйти не удалось, от колонны, вызвав оживление среди бойцов, подбежала Елена Горелова, та

самая посыльная, а по специальности еще и фельдшер. Справедливо решив, что перестрелка обязательно закончится чьим-нибудь ранением, она несла с собой санитарную сумку. Оказалось, что решила она правильно, у красноармейца в порванной гимнастерке все плечо оказалось в царапинах от Ленговых когтей. Андрей заметил, что бойцу повезло, попади он Ленгу на клыки, ему было бы намного хуже. Пулеметчик, наконец опомнившись, показал всем следы на прикладе от Ленговых зубов. Красноармейцы, наблюдавшие за перевязкой и дававшие шутливые советы, примолкли, с уважением и опаской поглядывая на спокойно сидящего у ног Андрея алабая.

— Ну и собачка! Медведь и тот, наверно, поменьше будет, — пошутил кто-то из бойцов.

— Товарищ капитан, а откуда такая порода? — спросил, покосившись на бойцов, старшина.

— Азиатская овчарка. Из Средней Азии, — ответил Андрей. — Там ее для охраны овечьих отар используют. Очень умная и легко дрессируется.

— Понятно. А на вид — почти медведь, только симпатичнее. Ну, что, товарищи командиры, пойдете? Пусть остальные пока тут побудут? — предложил старшина.

28 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Ну, блин, мы и везунчики... Пару десятков километров без приключений проехать не можем. Как говорил нам, молодым лейтенантам, тот же незабвенный капитан Копылов, вечно вляпаемся не в навоз, так в историю... Интересно, а ведь у этого фантаста, что Сема с шефом обсуждали, главный герой тоже, помнится, кого-то из начальства спасал. Кажется, это ему потом здорово помогло легализоваться. Может, и нам повезет? О, вот и пушка... сорокапятка, блин, еще старая, колеса-то явно деревянные. Со спицами... Хотя какая она старая, вариант 32-го года, кажется, но и против КВ, и даже против немецких трешек и четверок не сильно эффективна — снаряды там, помнится, некачественные, и бронепробиваемость меньше записанной оказалась.

— И вы с этим собирались нашего Ры... наш танк обстреливать? Разве что если бы в гусеницу попали. Снарядов-то у вас хватило бы?

— А снарядов у нас всего пять, из них два бронебойных. И все.

— Ну, вы герои... с голой пяткой на танки. Будь тут немцы, разнесли бы вашу засаду и поехали дальше, не особо напрягаясь. Воевать-то тоже с умом надо...

— Вот, вот. Ваша задача не героически погибнуть самим, а заставить героически погибать противника! — громко добавил Андрей, когда мы уже вышли на поляну со стоящей на ней телегой и привязанными по периметру лошадьми.

— И кто к нам такой умный пришел? Фашистов надо бить, а не думать, кто и когда погибать будет.

Тэк-с, вот тебе и на... Неужели упертый фанатик какой-то попался? Если так, то нам с ними не по пути. Надо будет помочь, чем сможем, и сваливать... Иначе здесь будет чей-то труп, так, помнится, мой ротный реагировал на наши неверные ответы.

— Представьтесь, товарищи.

Хм, это уже другой голос. К тому же явно слабее и старше звучит, скорее всего, раненый, похоже, постарше чином, чем этот, хм... «фанатик», командирские интонации заметнее. Ага, вижу. На телеге лежит. А тот, что рядом присел, — явно политрук и есть.

— Военинженер 2-го ранга Иванов.

— Капитан Мельниченко.

— Лейтенант Колодяжный.

— Батальонный комиссар Кравцов, 87-я стрелковая дивизия. А это мой помощник, политрук Скрипченко.

— Политрук Скрипченко, секретарь комитета комсомола 87-й стрелковой дивизии. А

вы, разрешите узнать, из какой дивизии?.

— А мы сборная солянка. Из танкистов, артиллеристов, финансистов и даже запаса. Есть и добровольцы из местных жителей.

Правильно Андрей отбрил этого ферта. А вот выражение лица сего лейтенанта мне совсем не нравится. Тэк-с, похоже, очередной «инженер человеческих душ», чтоб его. Попробуем найти общий язык с батальонным. Мужик, похоже, серьезный, жаль, вроде ранен тяжело. А с этим сталинским соколом, который политучилище закончил, каши явно не сварить. Этот наверняка лозунгами будет шпарить и героически всех на гибель посылать. Самый нелюбимый мной тип: партактивист-карьерист. Такому все равно, коллективизацию устраивать, кукурузу на Северном полюсе или несогласных с его, истинно партийной, точкой зрения сажать. Ох, сколько такие вот Скрипки мне крови испортили во время службы...

— Так что вы там, товарищи, говорили о нашей засаде?

— А что говорить-то. Непрофессионально и непродуманно. С сорокапяткой с двумя снарядами и столь плохо стреляющими бойцами засады устраивать не просто глупо... неправильно, а очень неправильно. Интересно, что ж ваши бойцы так плохо стреляют? В упор — и никого даже не ранили, только хороший трофейный автомобиль испортили.

— Ваша точка зрения понятна, товарищ военинженер. Что вы хотите, все бойцы, кроме артиллеристов и вот старшины с напарником, — это призванные из запаса на большие учебные сборы. А вы что думаете, товарищ капитан?

— Что тут скажешь, Сергей правильно отметил. И, кроме того, пора бы уже заметить, что немцы пока по ночам не воюют и тем более по лесным дорогам по ночам не ездят.

— Понятно. Что же, похоже, мы с товарищем политруком ошиблись, такой приказ отдавая. Жаль, что вы нам раньше не встретились, профессиональных военных нам не хватает. Тем более что пограничники еще и охраной перебежчика заняты.

— Извините, товарищ батальонный комиссар, а вы разве не профессиональный военный?

— Нет, меня в армию всего полгода назад призвали. Прямо с секретарей заводского комитета партии. Товарищ политрук у нас политическое училище закончил, а не командное.

Вот, вот... точно угадал. Замполит, бл... самый худший вариант. Делать ничего не можем, даже программу партии своими словами изложить, а амбиции как у императора... Черт, я так надеялся на везение. Ну, не все пьяному халява, иногда и вытрезвитель бывает...

А картина фантастическая, черт возьми! Поляна, фыркание лошадей, отдаленный гомон стоянки и приглушенный шум моторов подошедшей колонны, восходящее солнце, освещающее группу людей, собравшихся вокруг телеги и обсуждающих возможности выжить и победить в тылу самого опасного противника, с каким сталкивалась русская армия в двадцатом веке. Бл... опять отвлекся. Что-то меня на лирику потянуло...

— ... предлагаю вам взять командование группой в свои руки. Я буду вашим замом по политчасти...

— Остальных командиров разрешите назначить мне самому?

— Ну что ж, товарищ капитан, вам и карты в руки. Командуйте.

Ага, уже лучше. Странно только, что комиссар так быстро согласился. А для летехи этого я уже придумал великолепную должность. Вот только с Андреем вдвоем останемся, я ему подскажу...

Кстати, а за Еленой не догадались послать! Пусть раненых осмотрит. Политрук-то тоже ранен, оказывается, сейчас засек. Но держится неплохо, виду не показывает. Может, я и ошибаюсь, зря про человека плохо думаю? Увы, но слишком уж он на моих знакомых «политических воспитателей» похож...

— Фельдшера пригласить надо, пусть товарища комиссара посмотрит.

— Точно. Молодец Сергей, правильно сообразил, а то мы слишком увлеклись разговорами. Сейчас, товарищи, мы вам нашего фельдшера пришлем, а сами пока делами займемся.

Ну, пошли. Глянем, как там «Рыжий», да и на перебежчика надо было бы глянуть. Во, ищщо мысля. А финансист вроде с той же дивизии, может, его эти политотдельцы знают.

— Скажите, а такой лейтенант Скобелев, финансист, не из вашей дивизии будет?

— Да, есть такой. Я лично его с финансовыми документами и кассой в тыл отправил. А в чем дело?

— С нами он сейчас. Не доехал до тыла, немцы быстрее прорвались.

— Понятно. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Документы и деньги он, надеюсь, сохранил?

— Конечно.

— Ну и отлично. Надеюсь, выйдем вместе к нашим, сдаст по назначению.

Отлично, вот и проверил. По крайней мере, этот, похоже, не шпион. А то мелькали у меня подозрения...

Так, что у нас тут? Неплохо устроились. Танк и машины на поляны загнали, ветками маскируют. Молодец Скобелев, сообразил. А путь, интересно, замаскировали? Не хватало, чтобы немцы по нашим следам сюда пришли. Не, молодец «финик», неплохой офицер получиться может. Причем строевик... Хм, а как же Музыка? А, вот и он. С пулеметчиками занимается. Тоже неплохо.

— Андрей, можно на минутку?

— Да, сейчас, народ распределяю, и на отдых.

— Отлично. Тогда жду у танка.

Ну, и как тут у нас? Тэк-с, Кузьма не подвел, машину довел нормально и техобслуживанием занимается. Помогу, пока Андрей освободится...

28 июня. 1941 год. Украина. На лесной поляне

Утро собравшееся на полянах в лесу войско встретило подготовкой к отдыху. Быстро позавтракав (или, вернее, поужинав, если учесть перевернутый график жизни), отдыхающие бойцы расположились в машинах и на охапках ветвей, а те, кому не совсем повезло, отправились на посты. Закончивший техобслуживание кавэшки Сергей, освободившийся Андрей и Семен собрались втроем на уже знакомой поляне. Делая вид, что осматривают лошадей, они отошли на самый край поляны. Устроившись на корягах и дождавшись, когда Ленг, настороженно обошедший лошадей, приляжет неподалеку, получив от Андрея команду охранять, попаданцы наконец-то смогли откровенно поговорить обо всем, что с ними случилось.

— Кажется, гос... товарищи, первый этап нами пройден. Худо-бедно, но мы легализовались. Хотя есть некоторые сомнения, но пока выжили... — как всегда, по праву начальника инициативу в обсуждении взял на себя Андрей Мельниченко.

— Выжить-то выжили, а вот насчет легализации не уверен. Еще ведь через линию фронта выходить. Как там нас гэбисты встретят? Ни документов, ни приличной легенды. Заметут, на х... И ничем нам наши подвиги не помогут, как Рычагову и Смушкевичу не помогли, — ответил пессимистично настроенный Семен Бридман, выглядевший как воплощение безнадежности. Лишь изредка, когда его взгляд устремлялся к стоящей на другой стороне поляны телеге, у которой продолжала возиться с ранеными Елена, лицо его ненадолго озарялось, но практически сразу его сменяло выражение хмурой безнадежности.

— Не дрейфь, Сема. Если мы будем вести себя по-прежнему да не дадим свой отряд разбить, то сто процентов нас ни один особист проверять не будет. И учти, что в армии ГБ нет. Есть особые отделы. Они же должны подчиняться командиру. Любой командир в нынешних условиях, получив в свое распоряжение боеготовый отряд, даст особисту два часа на опрос, а отряд бросит в бой, — постарался развеять сплин коллеги Сергей и, улыбаясь, продолжил: — Хуже другое. Как бриться будем? Ладно, сейчас в поселке удалось по одному быстренько побриться. А потом? Местные точно одноразовых бритв не поймут. Да и их у

меня всего пять штук, то есть уже только две свежие остались.

— Вечно за вас шеф думать должен, — с иронией заметил Андрей. — Я уже три несессера офицерских затрофеил. Так что учитесь золингеновской опаской бриться. Только осторожно, трупы мне не нужны. Но давайте-ка лучше к предыдущей теме вернемся... о проверках... есть у меня поганое чувство, что кто-то из встреченных нами засланный казачок... и, думаю, скорее всего, ГБ.

Сергей и Семен внимательно посмотрели на Андрея. Его феноменальное чутье на засланцев из налоговой или от братвы не раз спасало фирму от неприятностей. Поэтому к таким заявлениям шефа его ближайшие сотрудники всегда относились с уважением.

— Хм. Есть у меня кое-какие подозрения. Правда, я на немцев грешил. Да и как могли конкретно к нам человека заслать, не понял? — заметил Сергей.

— Почему обязательно к нам? Просто «независимое изучение» положения дел в армии, попал в окружение и прибил к нашему отряду, — ответил Андрей. — Так что все наши ляпы могут уже быть запротоколированы и готовы для доклада наверх.

— Тогда точно, как я и говорил, нам полный песец. И закрутят нам руки за спину... — опять пессимистично начал Семен, но договорить не успел. Ленг заворчал, предупреждая о появлении посторонних. К беседующим попаданцам подходили Колодяжный, Музыка и Скобелев, беседующий о чем-то со Скрипченко.

— Разрешите присоединиться, товарищи командиры? — весело спросил Музыка.

— Присаживайтесь. Что, не отдыхается? — ответил Мельниченко.

— Какой тут сон... — вздохнул Колодяжный.

— Ничего, Евгений, сейчас я вам задачи нарежу и сразу спать захочется. Слушайте. Всех бойцов опросить, проверить знание оружия и военную специальность. Пожалуй, этим займутся военинженер Иванов, лейтенант Колодяжный и политрук Скрипченко. Им помогают лейтенанты Скобелев и Музыка. Товарищ политрук будет помощником товарища комиссара и заместителем начальника штаба по строевой части и делопроизводству. Поэтому ему иметь полный список личного состава с указанием военной специальности, оружия... ну и все необходимые данные соответственно. Далее: лейтенант Колодяжный, военинженер Иванов, отобрать подходящие кандидатуры для экипажей танков. Если не удастся набрать пару экипажей, второй танк пока будем везти на трейлере. В перспективе на базе этих танков создаем взвод под командой Иванова. Это будет наша основная ударная сила. Военинженер Иванов одновременно будет моим начальником штаба и заместителем по технике, а лейтенант Колодяжный — по артвооружению.

Поэтому лейтенанту Колодяжному проверить состояние орудия и знания артиллеристов.

Артиллерийский расчет оставляю под командованием... кто там командовал, товарищ политрук?

— Командир орудия сержант Рогальчук, — вздрогнув от неожиданного вопроса, ответил Скрипченко.

— Отлично. Вот он и будет командовать расчетом. Когда товарищ военинженер разберется с трофеями, то из артиллерийского расчета и трофейного миномета делаем взвод поддержки. Командира взвода назначу позднее.

После опроса организуем два... хм... взвода стрелков. Командовать ими будут Скобелев и Музыка. Технические специалистов сводим в отделение технической поддержки. Наши же пограничники будут разведывательным отделением. По окончании опроса и распределения жду от товарища политрука установочный приказ по отряду. Всем ясно?

— А что с перебежчиком делать будем? И с пленными? — спросил Сергей Иванов.

— Для охраны пленных будем выделять по человеку с каждого отделения. Что касается перебежчика... Раз он добровольно к нам перешел, то ему дороги назад нет. Распределим по воинской специальности.

— Вы не слишком рискуете? Вдруг это немецкий шпион? Сбежит и нас выдаст? — спросил недоверчиво Музыка.

— Если он заслан для длительного внедрения или сознательно перебежал — не сбежит. Да и что немцам дадут сведения о небольшом отряде, когда целые наши дивизии в тылах шатаются. А после выхода пусть с ним компетентные органы разбираются.

В это время сидевший с расстроенным видом Семен вдруг дернулся, словно пытаясь встать. Оказалось, что к беседующим подошла Елена, закончившая обрабатывать раны комиссара. По ее словам, Кравцов просил Андрея подойти к нему. Извинившись, Мельниченко с трудом поднялся со своей неудобной коряги, чуть не уронив сидевшего на ней же и неотрывно смотревшего на Елену Семена, и пошел к телеге. Остальные собеседники тоже начали подниматься и расходиться. Полученные задания требовалось выполнять, а пока бойцы будут отсыпаться после бессонной ночи в засаде или за рулем, можно было недолго отдохнуть и самим. На месте остался только Сергей, с иронией следивший за Семеном, который, пристроившись рядом с Еленой, молча шел, «незаметно» искоса поглядывая на девушку.

28 июня. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Хм, кажется, Сему зацепило, и серьезно. Давненько я его в таком состоянии не видел. Пожалуй, только года два назад он так вокруг новенькой секретарши увивался. Стихи даже сочинял, пока не выяснилось, что она лесби... Вот облом был. Так он эти два года и ходил словно в воду опущенный. Смотри, смотри, даже хандра у человека пропала... Эх, молодежь! Это мне уже, как тому мужику из анекдота, и отсюда все хорошо видно, а он еще не нагулялся...

Интересно, о чем там Андрей с батальонным так долго разговаривают? Еще странно, чего это вдруг батальонный резко к нам хорошо относиться начал?

Эх, а самое главное Андрей и пропустил. Кто нас кормить будет? Шеф-повара надо, однако. Хорошо, что кухня полевая у Рашке тоже с собой была и продуктов запас. Вот и надо кого-нибудь подобрать, чтоб готовить мог, а то сухомятка достала. Словно первые дни после развода, но тогда мне и жрать особо не хотелось...

Бл... ё... во все щели! Это что ж получается, Максимку-то я теперь уже и не увижу никогда? Конечно, бывшая моя, стержовная Светка, и так особо с ним встречаться не давала, да и он последнее время не очень рвался встретиться. Да, заканчивать институт будет он уже без меня. Не-е-е, плохо, когда время свободное появляется... Пока одно за другим дела наваливались, некогда и подумать было... Теперь понял, чего Сема так хандрит. Он у нас натура тонкая, армией не огрубленная, вот первым и осознал... твою ж мать... Так что осталась моя квартирка пустая, и что будет без меня Мурка делать? Ну, пока за ней соседка присмотрит. А потом? Ведь Светка ее точно выкинет. Эх, мурлыка моя... И Максим...

Да, а шеф вообще молоток. Не скажешь, что переживает. Впрочем, у него с женой тоже какие-то контры были. А ведь двух своих дочек он очень любит... Эх, а где моя фляжка...

Тьфу, давно неразбавленный не пил... задохнулся... Полегчало? Не пойму...

Попробую лучше вспомнить, что в эти дни на этом направлении творилось. Тэк-с, что я помню? Ну, Попель с Рябышевым, эти далеко на юге, под Дубно дерутся. Потом вроде где-то восточнее какую-то панцердивизию наши авиацией долбают, пока Попель ей снабжение перекрыл. Но вот что здесь было? Черт, не помню... Стоп, стоп, кажется, завтра-послезавтра дождь должен сильный пойти. Точно! И в наступление наши попробуют перейти! Как раз где-то в этом районе. Девятнадцатый или двадцать второй мехкорпус, не вспомню никак. Им еще эсэсовская дивизия во фланг ударит.

Но вообще-то это все в пользу бедных. Все равно мы дня два простои... Надо парковый день на технике сделать, надо реорганизацию выполнить и, пусть «пеший по-машинному», учение провести. «Рыжего» доработать не мешает, пусть даже воздухофильтр дополнительный поставит. Благо место я уже присмотрел, а реммастерская у немцев неплохая. Да и автоматический гранатомет собрать и посмотреть. Вроде бы во втором ящике

даже и гранаты были...

Черт, все равно перед глазами Максим, Мурка и даже Светка... В первые, самые счастливые, наши дни... О, Ленг, ты что ко мне прибежал? Андрей идет, ясно. Еще, что ли, принять?

— Все пьешь? Небось прошлое вспомнил? Дай-ка и мне, нечего в одну глотку употреблять. Думаешь, одному тебе плохо?

— А, Андрей! Держи. Выпей за тех, кого с нами нет и не будет. Глоток. Вот у меня и сухарь завалялся зажевать.

— Глоток приму. И даже два. А больше — нет. И тебе запрещаю. Не до того. Встряхнись... Кхе-кхе... Хорошо пошло... на, глотни.

— Уффф... Ну, о чем вы там с батальонным говорили?

— Уффф... Хрм... О чем... смеяться будешь... Как в романе каком дамском... хрм... Он, оказывается, в Средней Азии с прадедом моим вместе против басмачей воевал. Потом на гражданку ушел, а прадед так и погиб от пули басмача. А в том году, видишь, Кравцова призвали.

— Погоди. Это с тем, что в тридцать седьмом погиб? Я думал, он под репрессии попал, ты ж про басмачей не упоминал. А что батальонного призвали, это ж знаменитый, резунистами расписанный, призыв номенклатуры в армию, что ли?

— Ну да, он и есть. А я, кажется, говорил, что на прадеда похож. Говорил? Ну вот, Кравцов меня сразу за родственника своего боевого друга и признал.

— Теперь понял, чего это он так к тебе сразу доверием воспылал. То-то я все голову ломаю. Ну, и что ты ему сказал?

— А что я ему могу сказать? Сказал, что родственник. Что с Азии сюда переехал. Он Ленга признал, помнит эту породу. Удивился только, что большой такой и окрас чисто черный. Ну и пытался расспрашивать, где да как... Ё...ь, еле от его вопросов общими фразами отделался и на доклад о предстоящих действиях переключился. Только это и спасло. Расколют нас при более-менее глубоком бурении, тут Семен прав. Где служили, с кем работали... сколько хлеб стоит. Ты помнишь? Нет? Я, когда последний раз в Россию ездил, купил книгу одну по истории, было там кое-что... Попробую вспомнить на досуге и тебе с Семеном рассказать. Вот теперь все. Отдыхать срочно. Пару часов у нас с тобой есть... Вот так... Как там в песне: «Ну что ж, друзья, коль наш черед, так будет сталь крепка. Пусть наше сердце не солжет, не задрожит рука...»

— «...И что положено кому, пусть каждый совершит». Все, шеф. Идем отдыхать.

Дааа, шефа тоже скрутило. Давненько не помню, чтобы он так выглядел. Пожалуй, даже когда банда Сталкера наехала и грозили всех родственников в фарш превратить, он невозмутимей выглядел. Вон даже на стихи потянуло. И это после семидесяти грамм спиртяги. Бл..., поймать бы ту сволочь, которая это с нами совершила и глаза на ж...у натянуть! Если, конечно, они у нее есть — глаза и пятая точка.

Ладно, спать, спать, спать...

28...30 июня. 1941 год. Украина. В лесу

Вторая половина дня 28 июня на нескольких полянах и проделанной танком просеке, на которой расположился отряд Мельниченко-Кравцова, началась с побудки, обеда и построения. А затем закипела бурная, хотя и замаскированная ветвями деревьев от внешних наблюдателей, работа. Разбитые на несколько групп красноармейцы опрашивались, данные на них записывались и передавались Скрипченко. Последний, сидя за раскладным столиком из комплекта ремонтной мастерской, едва успевал заполнять огромную тетрадь из запасов того же незабвенного Рашке или, вернее, его фельдфебеля. Через пару часов все красноармейцы были уже переписаны и разбросаны по соответствующим подразделениям, но работа нисколько не затихала. Вокруг машин и КВ собирались небольшие группы людей

из специалистов и помощников, занимавшихся их переборкой и необходимым ремонтом. В ремонтной мастерской самые опытные из работников, стараясь не мешать друг другу, что-то резали, точили, варили и клепали под наблюдением Сергея Иванова. Негромко, но явственно даже на фоне работы других машин слышалось татаканье работающего компрессора, заряжавшего баллоны сжатым воздухом.

Более тихой, но не менее напряженной работой занимались стрелки. Группами, усевшись в кружки вокруг Скобелева с Сокуровым и Музыки с Казаковым, они внимательно изучали особенности винтовок СВТ. За занятиями следил Андрей Мельниченко, обходя поляны, внимательно все осматривая. Все занимающиеся были освобождены от караула, а несущие караул должны были заниматься завтра.

Неподалеку от дороги, где по-прежнему стояла на подготовленной позиции сорокапятка, артиллеристы под наблюдением лейтенанта Колодяжного тренировались в свертывании, разворачивании, зарядании и разрядании орудия. При этом сержант Рогальчук ворчал себе под нос, командуя и наблюдая за действиями подчиненных: «Гэта хто мне гаварил, што учебныя снаряды не нужны? Га? Маладзеж...» Евгений Колодяжный очень внимательно анализировал действия каждого члена расчета, особенно наводчика, и после каждого упражнения проводил разбор с каждым из артиллеристов. Подошедший понаблюдать за положением дел Андрей только утвердительно кивнул и, ничего не говоря, двинулся дальше.

Несколько приутихнув к вечеру и полностью прекратившись с наступлением темноты, с утра эта деятельность продолжалась с той же интенсивностью. Другие солдаты, сменившиеся вечером с караула, теперь также сидели кружками, изучая винтовку СВТ, так же возились возле машин механики и водители. Кроме того, на одной из полян собралась небольшая группа отобранных в пулеметчики. С ними должен был провести занятия по пулемету МГ-34 Сергей Иванов, но из-за того, что он не успевал с работами на КВ, Андрей уговорил провести занятия Семена Бридмана. Сначала Сема отказывался, но, увидев, что к кружку пулеметчиков присоединилась Елена, согласился. Вокруг Семы, прямо на траве лесной полянки, сидели с десятков мужиков самых разных возрастов: от двадцати пяти до сорока. Кто-то поглаживал шикарные усищи «как у Буденного», кто-то отирал пилоткой гладко обритый лоб «а-ля Котовский». Но все они производили впечатление гражданских, зачем-то вырядившихся в военную форму. Впрочем, совсем недавно они и были гражданскими. Пока не были призваны на сборы...

Недоверчиво поглядывая на собравшихся, Семен, первоначально запинаясь и стараясь объяснять как можно проще, постепенно разговорился. Бойцы тоже не ленились задавать вопросы, особенно в части зарядки пулемета и смены нагретого ствола. После теории занялись практикой. И, глядя, как ловко руки бойцов справляются с крышкой ствольной коробки или переходником, Сема понял, что сметливости и памяти у мужиков в достатке. Даже если не все в порядке с грамотностью, как утверждалось в будущем во время споров на разнообразных форумах.

Тем временем Сергей, закончив работы на КВ, вместе с Колодяжным и Кузьмой, устроившись неподалеку от реммастерской, пытались разобраться с загадочным русским оружием. Вскоре к ним присоединился и один из добровольцев, в Первую мировую служивший старшим оружейным мастером, Григорий Федорович Нечипорук. Вчетвером они собрали довольно странно выглядящую конструкцию, что-то вроде короткого минометного ствола с приемником под ленту, на колесном станке. В ящиках, кроме самого оружия, нашлись и две ленты к нему и даже гранаты, вот только взрывателей оказалось всего десяток. Причем Григорий сразу опознал гранаты, вставленные в короткие латунные гильзы, как винтовочные гранаты Дьяконова. А вот взрыватель был совсем другим, на винтовочной гранате стояла дистанционная трубка, как на шрапнели, в этом боеприпасе использовался ударный вариант. Но Нечипорук предложил выход. В каждом стрелковом отделении Красной Армии по штату должен был находиться один гранатомет. Правда, бойцы всячески пытались избавиться от этой неудобной, утяжеляющей винтовку штуки, но у окруженцев

оказалась одна такая винтовка и даже два десятка гранат, которые тащили несколько добросовестных бойцов. Григорий и предложил выкрутить у этих гранат взрыватели, установить трубку на максимум и стрелять выстрелами с такими взрывателями. Загоревшийся идеей Сергей попытался получить у Андрея разрешение на пробную стрельбу, но Мельниченко решил не демаскировать расположение отряда. Мало ли что. А пробные стрельбы приказал провести позже.

Так прошли два относительно спокойных дня. Немецкие самолеты, изредка пролетавшие над лесом, отряд так и не обнаружили. Вечером двадцать девятого командиры провели несколько тренировок с личным составом по развертыванию колонны и действиям при столкновении с противником. Еще позднее вернулись посланные на разведку пограничники. В полной темноте Мельниченко, Иванов и Колодяжный долго обсуждали что-то, изредка подсвечивая карту трофейным ручным фонариком.

Первая половина тридцатого июня прошла в непрерывных тренировках. Мельниченко, Иванов, Скобелев, Музыка, Рогальчук с небольшими перерывами на завтрак и обед тренировали подчиненных действиям в различных ситуациях. Чувствовавший себя немного лучше Кравцов с помощью Скрипченко обошел все места занятий. По нему было видно, что все происходящее ему очень понравилось, но комиссар еще был очень слаб и, посмотрев на занятия, вынужден был устроиться на отдых в кузове полугусеничника, где для него соорудили подрессоренную постель, чтобы не бередить раны в дороге. Мельниченко навестил его после обеда и рассказал о подготовке отряда и планах на будущее.

После ужина и отдыха колонна отряда тронулась в путь по дороге, ведущей на восток.

30 июня...1 июля. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Ну что, «Рыжий», застоялся? Я тоже. Ничего, сейчас разомнемся.

Поехали! Ну, Кузьма, теперь ты у нас будешь на рычагах качаться. А я уж на командирском месте устроюсь. Жаль, что башенку командирскую в таких условиях не переставишь, а то бы я точно с трешки на «Рыжего» ее уволок. Эх, на заводик бы нормальный дней на пять... тут бы я развернулся. А вообще, интересная вещь получается. Мы, конечно, о танке заботимся, да и сборка у него не рядовая, вручную, похоже, каждый винт полировали, но все же — едем, едем, и ни одной, тьфу-тьфу не слгазить, серьезной поломки. Даже пальцы вроде реже из гусеницы выскакивать стали... Подружились с танком, хе-хе.

Ну, вот и дождь пошел. Конечно, после дневной жары даже приятно, но неудобно в люке сидеть, накидкой дыры прикрывая, чтобы вода внутрь не попадала.

— Кузьма, стой. Сейчас я быстро к нижнему люку переберусь и дальше поедем.

Так, подстилку с собой, плащ-накидку, и вперед. Молодец Семен, догадался переходники сделать. Теперь, сидя на броне рядом с люком, можно со всем экипажем разговаривать. Удобно, черт побери!

Хм, а дождь-то все сильнее и сильнее. Не ошиблись мы, задержавшись? Как бы дороги не развезло совсем. Во будет номер, если технику бросать придется. Вместо удара по тылам врага будем пешком по лесу пробираться. Черт, не помню, долго дождь шел? Кажется, всю ночь, но наутро и наши и немцы спокойно передвигались, значит, я зря беспокоюсь.

Да, вот и дождик в моросящий перешел. Так что все нормально, доедем. Если все, как задумали, получится, должны мы немцам сюрприз устроить. Э-э-э, а вот так не пойдет!

— Кузьма, ты меня слышишь? Ты что, совсем о...л! Сколько тебе говорить, что так делать нельзя. Сломаешь, на х..., я тебя тогда точно вместо фрикциона в моторное отделение засуну и заставлю самого крутящий момент передавать! Понял? Ну, раз понял, давай потихоньку вперед! А ты, Семен, не хмыкай! Еще раз услышу — будешь всю дорогу метлой помехи от радиостанции отгонять. Блин, распустились совсем, развиздзя.

Черт побери, сколько же можно объяснять! Вроде и не тупой, а вот как привык на

тракторе, так и на «Рыжем» норовит... Ничего, я из него танкового аса сделаю, из тракториста деревенского. И не таких натаскивали. Е..., как вспомнишь какого-нибудь Блинмухамедова из аула... Ничего, через полгода всю танковую полку исполняют. Правда, иногда таакие экземпляры попадаются. Типа того Рахмонкулова, из-за которого мой друг Семен Привалов пострадал, в Германии ротным служа. Мало того что этот Рахмон с сержантом вместе танк на рельсы загнали, так он еще и ухитрился мотор заглушить, да так, что запуститься заново уже не мог. Правда, смелый, из танка уже перед самым столкновением выскочил, не как сержант, который сразу убежал. Там, бл..., как раз скорый откуда-то с Западной Германии шел. Ну, куча трупов... раненые... немцы с протестами, а офицеры-танкисты потом с год в гражданке по командировкам и в отпуска ездили. Аборигены на них с кулаками бросались... И с чего бы? Шутка такая... грустная...

— Правее, правее и аккуратнее!

Нет, все же Кузьма поопытней таких новобранцев будет. Нормально. Пару таких неторопливых маршей, да бой... и можно будет на него надеяться...

Так, что там встали? Конная разведка из погранцов, которую Андрей вперед послал, встретила что-нибудь? Похоже, так... Ну, схожу гляну. О, а мы, оказывается, давно уже едем, а я и не понял, время как-то незаметно пролетело.

— Семен, дай-ка шмайсер. Пойду гляну, чё там происходит. Колодяжный — старший.

Конечно, я знаю, что МР38, который мне дал Сема, никакого отношения к изделию господина Шмайсера не имеет. Но зачем лишний раз выделяться своим знанием? Называли его наши фронтовики «шмайсером», и черт с ним. Жаль, магазин всего один. Но для танкистов больше и не надо. Наше оружие — танк, а все остальное «для поддержки штанов».

Так, а это что за явление? Чьи это, дай бог памяти? Ага, вспомнил, Музыки.

— Младшего лейтенанта Музыку сюда, остальным не расходиться!

Ждем-с... ага, вот и он, голубчик.

— Музыка, ваши бойцы на ярмарку собрались или на войну? Что тут за сборище и базар с перекурком? Они что, не усвоили, что и как в случае неожиданной остановки делать? Разберитесь своей властью. Понятно? Ну, а раз понятно — действуйте!

Ну, и что мы имеем? Стоят шестеро гавриков, что характерно — в нашей форме. Очередные окруженцы, понятно. Один явно тюрок, не русский. Стоп, а петлички-то у пятерых — танковые! Вот только где их танки... Да и оружия что-то не наблюдаю. А танкисты нам нужны, эх! Послушаем, подумаем...

— Лейтенант Махров, командир танковой роты разведбатальона 87-й стрелковой дивизии. Со мной два моих подчиненных и два красноармейца из 41-й танковой дивизии.

— А танки ваши где?! И оружие?!

Ого, как Скрипченко грозно на него наехал!

— Танки... большинство в боях потеряны, часть пришлось уничтожить самим. Без горючего и боеприпасов, сами понимаете, много не наездишь и не навоюешь. А личное оружие ваши разведчики отобрали.

— Разведчиков всего двое, а вас шестеро. И вы дали себя разоружить? Вдруг это немецкие диверсанты были?

Тэк-с, теперь Андрей... Действительно, интересно, а как они оправдываться будут?

— В карауле в это время красноармеец Петров должен был стоять, но он куда-то исчез. Мы спали все. Вот ваши разведчики и сумели незаметно подобраться. Да и оружия у нас было всего два нагана и винтовка — все, что с собой прихватить сумели. Да и не шестеро нас, восемь человек было.

Ну, что сказать... Правдоподобно. А Петров этот, похоже, ноги сделал, причем, возможно, с напарником. Хорошо, если к немцам не ушли. Знаю я таких Петровых, сколько их повылезало из всех щелей в девяностые и все о кровавом сталинском режиме да бессмысленном сопротивлении кричали. Недострелянные, бл...

Тэк-с, что это шестой окруженец так с лица сбледнул? Ага, Ленг прибежал.

Похоже, напугался, бедняга, собачки. Чего он там шепчет? «Не ешь меня кара-

шайтан?» Стоп. Кара-черный, шайтан — дьявол. Это он Ленга так обозвал? Интересно, с чего бы? Надо бы расспросить позднее.

Кого-то Ленг учуял?.. Ааа, стоим тут на свету, как три тополя на Плющихе, и охранение врагов прое...ло, идиоты!

1 июля. 1941 год. Украина. Лесная дорога

Когда Ленг вскочил и зарычал на ближайшие кусты, стоявшие на дороге невольно вздрогнули. До всех сразу дошло, что если в кустах кто-то есть, то они, стоящие тесной группой в свете фар, — идеальная мишень для противника, особенно вооруженного чем-нибудь автоматическим.

Но никто не успел ничего сделать, даже Андрей не успел Ленгу что-нибудь скомандовать. Из кустов на русском языке с непонятным, но смутно знакомым акцентом сказали:

— Командир, удержи собачку, однако. Я выйду.

Андрей крикнул:

— Фу!

Ленг, услышав команду, успокоился и сел, поводя головой, а из кустов вывалился... леший. По крайней мере, появившаяся фигура настолько напоминала этого персонажа русского фольклора, что такая мысль мелькнула у всех практически одновременно. Но тут человек остановился, сбросил с себя плетенную из ветвей и веревочек конструкцию, чем-то напоминающую современную снайперскую «лохматку», и перед изумленными друзьями предстал явный «коренной обитатель Севера», держащий в руках немецкий карабин с оптическим прицелом.

— Разрешите? Красноармеец Номоконов.

— Ага, вот он, наш восьмой! Только он без винтовки был! — облегченно выпалил лейтенант Махров.

— Понятно... Где оружие раздобыли, товарищ красноармеец? — спросил Андрей.

— Недалеко, однако. Там немецкий гарнизон стоит, и Петров туда побежал. А я увидел и за ним пошел. Немцы Петрова к себе увели, винтовку он с собой, однако, забрал. Я тогда их начальника поймал, убил и винтовку его себе взял. Хороша винтовка!

— Чем убил? А маскировочная накидка откуда?

— Ножом, однако. И накидку сам сделал.

— Точно, он весь вечер возился. Мы еще над ним подшучивали, — добавил Махров.

— Тут гарнизон недалеко, говоришь? Не понял?

— Почему наша разведка молчит, да и вы зачем рядом с немцами ночевать устроились? — недоуменно протянул Сергей, одновременно оглядываясь на колонну, в которой часть машин так и не заглушила двигатели. А ведь звук ночью разносится далеко, даже в лесу.

— Недалеко, недалеко, командир. На машине поди больше пол часа ехать, пешком дольше, однако. И гарнизон не простой, офицеров с погонами много да машин. Не таких, как у вас, а поменьше, для людей, — невозмутимо продолжил красноармеец, доставая откуда-то из глубины штанов небольшую искривленную трубку и кисет с табаком.

— Ничего себе, недалеко. Я уже черт знает что подумал... — Облегчение в голосе Сергея было столь явным, что у всех, слышавших его, на лице невольно появились улыбки, которые, впрочем, тут же исчезли. Андрей Мельниченко осмотрел всех «командирским» взглядом, окончательно заглушив последние остатки веселья, и приказал Скрипченко опросить и переписать всех вновь прибывших. После этого он достал из трофейного планшета сложенную правильным образом карту, расстелил на капоте ближайшего автомобиля и, подсвечивая фонариком, вместе с Сергеем Ивановым принялся наносить на нее полученные данные.

— Похоже, штаб какой-то стоит. Черт, сколько у них народу может быть? Человек четыреста-пятьсот или меньше?

— Не думаю, что меньше. С охраной, связистами и тыловиками и побольше может быть. В нашей дивизии по штату почти триста девяносто человек только в управлении было, — заметил Сергей.

— Что же, вполне может быть. А нас всего с новичками 68 человек. И оружие одно. Да и снарядов маловато... Пожалуй, придется обойти. Благо по карте в обход поселка три дороги и все ведут к станции. А разведку я как раз до станции и моста послал. Будут они обратно к рассвету. Подумаем... Так, есть такое решение. Основными силами идем к станции и готовим после доразведки захват моста. Вот здесь, южнее поселка, оставляем маневренную группу из танка и автомобиля с пулеметчиками. Обстреливаем штаб, наводим шухер и уходим по дороге к востоку, а здесь по этой дороге сворачиваем на север к станции. Тем временем основные силы дожидаются маневренную группу. Потом совместно захватываем станцию и мост и собираем трофеи.

— Хм, надо подумать. Если учесть, что где-то вот здесь должны наши наступать... что отвлечет внимание немцев... и если ударить внезапно... А что, может красиво получиться. Немцы решат, что это прорвалась какая-то часть наступающих. Плюс возможна потеря управления, пусть временная, что поможет нашему наступлению. Интересно бы сведения о станции получить заранее. Эх, не устроить ли... Эврика! — воскликнул Сергей, явно придумавший что-то неординарное. — Сейчас нашего Попова напрягу, пусть генератор помех делает... Представляешь, задавим им помехами радио, а проводную связь, если есть, разведчики порвут. Под обстрелом немцы вряд ли ее восстановят. Неплохой психологический удар может получиться. Да, и танк второй тоже можно попробовать задействовать. Сейчас новичков проверю, и можно второй экипаж сформировать.

— Неплохо. Ну, тогда двигаемся вперед вот до этой точки, готовимся и ждем там данных разведки. Да, а этого, как его... Номоконова тщательней опросить надо. Глядишь, чего интересного расскажет.

— Подъедем на место, я танкистами займусь, а ты и опроси его, договорились?

Колонна, свернувшись, опять тронулась по дороге, только вместо пограничников, отправленных в дальнюю разведку, теперь в охранении ехало несколько красноармейцев, умевших скакать на лошади охлюпкой, то есть без седловки и с импровизированной веревочной уздечкой.

«Воздух! Секретно. Начальнику Особого отдела ЮЗФ тов...

Районе Владимир-Волынский начале боевых действий пропал сотрудник НКВД, выполнявший особое задание НКВД и НКО, Мурашов Юрий Владимирович. Может иметь документы свое подлинное имя, либо командирскую книжку НКО имя... или на имя сотрудника НКВД... Проверить возможность его наличия госпиталях медсанбатах частей фронта. Ориентировать командный состав заградотрядов немедленном докладе случае обнаружения таковых фамилий группах выходящих окружения. Обнаружении принять меры эвакуации Москву.

Михеев, Колыбанов».

«Из дневника начальника Генерального штаба вермахта генерал-полковника Гальдера.

30 июня. Напряженная обстановка в районе Дубно разрядилась. Опасное вклинение противника довольно серьезно мешало продвижению 16-й и 14-й танковых, 16-й моторизованной дивизий, а также на несколько дней задержало 44-ю, 111-ю и 229-ю пехотные дивизии... Особую опасность представляла угроза окружения в связи с появлением в тылах 14-й танковой дивизии сильной механизированной группировки противника. Но последние сведения позволяют предположить, что она не смогла продвинуться дальше, будучи лишена

снабжения успешными действиями наших войск...»

«Разведсводка штаба ЮЗФ от 22.00 1 июля:

Противник, нанеся сильные удары при поддержке авиации по частям 15 м(еханизированного) к(орпуса) и 37 а(рмейского) к(орпуса), занял Буск, Броды, Золочев. Главные усилия он по-прежнему прилагает на броды-тарнопольском направлении».

1 июля. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Ну что ж, друзья, коль наш черед... Вот теперь нам предстоит действительно серьезное испытание, и я слегка мандражирую. Черт, только бы подчиненные не заметили. Еще и с «Рыжим» придется временно расстаться, среди танкистов хороших механиков-водителей не оказалось. Поэтому поставлю командовать Колодяжного, все равно «Рыжий» с места стрелять будет. А сам за рычаги «трешки» сяду.

Во, наконец-то и погранцы появились. Так, и чего мы имеем?

— Внешним наблюдением выявлено, что охранение немцами усилено. Внешние посты вот тут и тут, с пулеметами. Патрули, до пяти, в каждом по три человека, обходят улицы. Отмечено наличие стационарных постов в этих местах. У этого и этого дома — часовые. Здесь и здесь расположены броневики, а дорога с этого направления прикрыта самоходной установкой на базе танкетки или легкого тягача типа «Комсомолец» с противотанковой пушкой. Что часть штабная, подтверждается наличием большого количества легковых и радиоавтомобилей, кроме того, нами засечены несколько десятков грузовых автомобилей и несколько автобусов, — доложил старшина Григорьев.

— Отлично, старшина. Ну что ж, сверим часы, и ровно через полчаса начинаете рвать связь. Товарищ Бридман, у вас все готово?

— Так точно! Генератор установлен, к использованию готов.

— Тогда все по местам! Сигнал к обстрелу — первый выстрел КВ.

Интересно, как себя покажет гранатомет? Расчет вроде с ним освоился. Нечипорук клятвенно обещал, что отстреляются нормально. Правда, одно дело тренировки, другое — реальная стрельба, да еще сразу в боевых условиях. Кроме того, ленту выделили всего одну, пятнадцать гранат и каждые две из трех с трубкой... Зато, если получится, немцы решат, что там целая минометная батарея. Нам такое на пользу, глядишь, и численность нашу преувеличат.

— Ну, не подведи, Семен. Да, ты к пулеметчикам не лезь, вообще особо не рискуй... Смотри. Зазря под пули подставишься — накажу!

— Да понял я, Сергей, понял. Не волнуйся, все будет тип-топ...

— Язык!

— Ну, не нервничай, никто не услышит.

— И у кустов бывают уши, Сема.

— Да ладно, не парься, Сергей. Пошли лучше по местам.

— Рановато, но, пожалуй, пошли.

Ну, вот я и в танке...

— Как, лейтенант, не забыл? Стреляем только с коротких остановок, команду «Короткая» даешь после предварительного прицеливания. Выстрел — и вперед. Запомнил?

— Да помню. Я вас уверяю, товарищ военинженер второго...

— А вот если кто начнет так во время боя распинаться, из танка выставлю и заставлю сзади с криком «ура» бежать, чтобы дошло. Говорить надо коротко и ясно, по-спартански.

— А как это, товарищ военинженер?

— Все, некогда, после боя объясню...

А теперь — сюрприз! Хороший такой осколочно-фугасный, килограммов сорок весом, сюрпризец рвется где-то в поселке. Надеюсь, Колодяжный опять подтвердит свою славу снайпера, и противотанковой самоходке резко поплохеет. Хотя теперь не до размышлений. Захлопываю люк, запускаю движок и говорю сидящему рядом, на месте радиста, бывшему мехводу Т-38 Леониду Орлову:

— Включи рацию, Соколов!

— Простите, товарищ воен... — Боец вспоминает мою нотацию и продолжает: — Но я Орлов.

— Сокол ты, Орлов, поэтому и путаю.

В наушниках раздается смех экипажа, слышавшего наши переговоры по ТПУ. Ну и отлично, пусть смеются, а не переживают перед очередным боем с уже успевшим потрепать их противником. Наконец Орлов включает рацию, и в наушниках раздается рваный, громкий и все заглушающий звук, напоминающий визг бензопилы. Хм, Сема не подвел, и теперь весь прием в радиусе километров двадцать, а то и на все пятьдесят, заблокирован начисто. Давайте, паникуйте и вызывайте подкрепление, сволочи!

— А теперь потанцуем! — невольно кричу я в боевом азарте, и, быстро набрав мощность, с ревом двигателя мы устремляемся к ближайшему посту. Мне, конечно, видна только дорога, хотя приборы наблюдения в «трешке» и получше, чем на КВ. Но теперь за обстановкой должен следить лейтенант как командир. И вводные в бою решать ему же... А я смотрю на дорогу, «рулю» и все жду — дойдет ли до немцев, что мы не удираем от русских, а атакуем. Судя по молчанию Бориса, все идет так, как мы задумывали. Ага, вот уже и окопчики видны. Пора, ближе подъезжать опасно, можно и на гранату нарваться, успеваю подумать я, и в этот момент, услышав приказ Махрова: «Короткая!» — притормаживаю. «Бамс» — непривычно резко хлопает пушка. Куда ей до солидного грохота шестидюймовки «Рыжего». «Осколочным!» «Бамс» — еще раз. Тэк-с, спаренный заработал. Леонид тоже слегка добавил из курсового. Правильно, главное — побольше шуму. Ого, что-то разошелся командир: «Осколочный заряжай!» Не пора ли? Ага, вот оно.

— Направо, полный ход!

Во, по-спартански заговорил. Молодец. А вправо сворачиваем потому, что там кустарник и ложбинка. Не близко, но нам на полной скорости и не далеко, вряд ли фрицы успеют среагировать и нам в бок вклепать какой-нибудь подарочек.

— Левее! И стоп!

Понял, понял, резко делаю отворот влево и успеваю заметить, как правее впереди вырастает несколько «кустиков». Разрывы. Маловато для чего-то солидного, пожалуй, что-то вроде автоматической пушки БМП, миллиметров двадцать или тридцать... Бл... Разведка чего-то упустила.

— Вправо десять и короткая!

Машинально кручу рычаги, выполняя команду, а в голове вихрем проносятся фото- и тактико-технические характеристики оружия вермахта. Прочитанное, увиденное на фото, в кино и в Интернете мигом всплывает в памяти, автоматически сортируется, и вот уже маячит ответ — двадцатимиллиметровка или тридцатисемимиллиметровка, автоматическая, зенитная, или не зенитная, а установленная на бронебике. Хрен редьки не слаще. Чего медлит командир?

— Молодец Колодяжный! Как он ему вклепил!

— Чё было-то, командир?

— Огонь! Осколочный!

Очередной выстрел, команда Махрова:

— Вперед направо! — и затем он поясняет нам с Леонидом: — Бронеавтомобиль немецкий с пушкой автоматической. Чуть в нас не попал. Колодяжный засек и рядом снаряд вклепил. Бронебик перевернуло несколько раз, да так вверх ногами... Короткая! Огонь! Осколочный!

Но всякой забаве, как всегда, приходит конец. Вот и этой, «второй гусарской», тоже.

По команде Махрова даю задний ход, и мы начинаем отползать в сторону леса. В этот момент танк как-то странно дергается, раздается непонятный скрежет — не скрежет... что-то явно пробilo броню... Но командир молчит, я лишь добавляю оборотов и, достигнув первых же деревьев, разворачиваюсь и, маневрируя, проскакиваю между ними в лес, чтобы обследованной заранее полянкой выскочить на знакомую дорогу. В этот момент ТПУ оживает, и Махров сообщает слегка севшим голосом:

— Вилен убит, Сергей ранен, мне слегка зацепило ногу осколком брони.

Черт, что же в нас попало? И откуда?

Ладно, разбираться будем потом... Сейчас важно уйти. Как рассказывал один знакомый летчик, самое сложное в воздушном бою — не сбить противника, а выйти из боя, чтобы не сбили тебя... Вот это-то нам, похоже, и не очень удалось... черт. Но чем же в нас попали? На снаряд не похоже, пуля? Из чего? Немецкое противотанковое ружье нашу броню взять не должно. Или возьмет? Неужели они сумели подобраться метров на пятьдесят? И как их никто не заметил?

Нет, больше никаких героических подвигов в духе РККА. Только совместно с пехотой, и никак иначе. Зарвались мы сегодня, привыкли, что все на ура получается, что самые крутые... а успей они нам еще пару раз попасть? Амба... Нас извлекли б из-под обломков... И залпы башенных орудий в последний путь проводят нас...

Обидно, убит один из башнеров из сорок первой танковой дивизии. Черт, остались трое с «тридцать восьмых» и один башнер с «бетушки». Но он нужен на КВ. Или... Надо подумать...

Всю обратную дорогу до трейлера меня трясет от злости и недоумения. Ну чем нас могли достать? Чем?

1 июля. 1941 год. Украина. Поселок. Штаб 298-й пехотной дивизии

Ночь и начало утра для охранения штаба выдались беспокойными. Сначала на один из постов выскочил идущий из лесу одинокий русский. Пока часовой раздумывал, пристрелить или попробовать захватить странного русского в плен, он неожиданно бросил винтовку и, подняв руки, стал громко кричать, устроив переполох. Когда прибывшие на пост фельджандармы захватили этого идиота, решившего таким путем сдать доблестным немецким зольдатам в плен, разводящий специально проверил вне графика все посты. Каждому часовому он довел, вместе с поднесенным к носу кулаком, сведения о группе вооруженных русских, выходящих из окружения, и о необходимости быть очень внимательными.

Раздраженные же внезапной побудкой фельджандармы отвели пленного русского, кричавшего, как перевел один из них, что: «Он, Петров Юлий Иванович, добровольно сдается в плен», в сарай. Из сарая, в котором двое наиболее злых немцев «учили русскую свинью уважению», еще доносились буцающие звуки, когда опять поднялась тревога. Теперь пропал разводящий, обер-ефрейтор Вильдман из разведвзвода, отличный снайпер, всегда ходивший со своим K98к с оптикой и как-то на спор поразивший мишень на звук, с завязанными глазами. Поиски продолжались до утра, пока наконец окончательно разозленные и невыспавшиеся солдаты не нашли спрятанное в кустах далеко от маршрута караула тело.

С рассветом, когда злые солдаты собирались на завтрак, а фельджандармы, уже позавтракав, готовили группу на поиски русских, осмелившихся провести диверсию прямо в расположении штаба, с одного из постов сообщили о шуме моторов с востока. Но никто еще ничего не успел сообразить, как до поселка донесся грохот выстрела тяжелого орудия и среди стоящих на выгоне автомобилей вырос столб разрыва...

1 июля. 1941 год. Украина. Лесок у поселка со штабом 298-й пехотной дивизии

— Да ладно, не парься, Сергей. Пошли лучше по местам, — сказал Семен. Услышав в ответ: «Рановато, но, пожалуй, пошли», — дружески ткнул Сергея в плечо и быстрым шагом направился к КВ.

После пробега по мокрой дороге танк был покрыт рыжеватой грязью, и, когда утром Сергей принародно назвал танк «Рыжим», все восприняли это как очень удачное описание внешнего вида. Только трое попаданцев печально и понимающе улыбнулись друг другу. Подойдя поближе, Семен на секунду приостановился от удивления, разглядев неровные, выведенные кистью, белые буквы на очищенном от грязи борту танка: «Рыжий». Тут он вспомнил случайно увиденных Кузьму и старшину Григорьева, о чем-то беседующих с одним из добровольцев, выполнявшим в отделении технической поддержки роль кладовщика. Но времени оставалось мало, поэтому Семен выбросил из головы все посторонние мысли и начал проверять готовность генератора помех к работе. Убедившись, что все в порядке, он глянул на часы и тут же присел, заткнув уши и открыв рот. Оглушительно, выбивая воздух из легких, выстрелило орудие. Даже стоя за танком, Семен получил свою долю грохота и ударной волны. Осмотрев генератор помех и убедившись по пробегавшей по разряднику дуге, что все работает, Семен боковой тропкой обошел танк и, привычно уже пригибаясь при выстрелах орудия, прикрываясь деревьями от возможного обстрела, побежал к вырытому на опушке окопчику.

В окопчике, наблюдая в бинокль и что-то время от времени говоря в трубку полевого телефона, приспособленного Семеном для работы совместно с ТПУ, корректировал огонь Колодяжный. Стараясь не отвлекать его, Семен передвинулся чуть левее и осмотрелся. Видно было плоховато, но очередной разрыв, как и поднявшийся после него столб пламени, он заметить успел.

Тем временем Евгений, увидев Семена, быстро показал ему жестом, что все работает как часы, выставив вверх большой палец. Этот как-то раз неосмотрительно показанный Семеном жест стал весьма популярным в отряде в последнее время.

Тут внимание Евгения и Семена отвлекло новое событие — отрядную «трешку» обстрелял неизвестно откуда выскочивший броневедомитель. Промашнувшись, броневики попытались скрыться за домами, но орудие «Рыжего» было уже заряжено, и немецкому экипажу ужасно не повезло. Близкий взрыв сорокакилограммового снаряда подбросил и перевернул легкий броневирик, осколки с ужасающим скрежетом и визгом пробili в нескольких местах броню борта и днища. Перевернувшись по инерции несколько раз, броневедомитель наткнулся на угол избы и застыл в таком положении, только медленно крутилось единственное чудом уцелевшее правое переднее колесо. Экипажа не видно и не слышно. Похоже, эти юберменши уже получили свой кусок жирного русского чернозема. Длинной так метра в два и шириной в метр... каждому.

Поселок, в отблесках горящих машин и вскипающих в разных местах фонтанах взрывов, с мелькающими то тут, то там фигурками в форме мышино-серого цвета, напоминал муравейник, разоряемый охотим до вкусного деликатеса медведем. Лежащий в кустах неподалеку от одного из постов невысокий худощавый человек в самодельной маскировочной «лохматке», не торопясь, выцеливал среди появляющихся на виду немцев всех, кто в фуражке и блестящих погонах. Да, сегодня он уже сможет нанести на трубку три точки, традиционным для таежного жителя способом подсчитывая количество удачно подстреленной «дичи». Семен Данилович вспоминал добрым словом этого русского военного, командовавшего отрядом, но нашедшего время, чтобы поговорить с ним, и даже показавшего, как надо обращаться с этим диковинным прицелом. Сначала, захватив ружье у врага, который почти заметил его и которого впервые в жизни пришлось зарезать, как не добытого пулей зверя, Номоконов никак не мог понять, почему в этой трубке все предметы расплываются. Теперь ему это все было известно. А прицел хорош!

Размышления охотника прервала внезапно увиденная интересная картинка. На крыльце

одного из самых больших домов появился раздраженно кричащий толстый немец без фуражки, в штанах и рубахе. Офицер или нет? То, что кричат и ругаются в армии обычно офицеры, таежник уже понял. Но все же не хотелось бы ошибиться, патронов в магазине всего два, а потом надо, осторожно и незаметно двигаясь, перезарядиться. Тут в прицеле появилась фигура явного офицера, подбежавшего к крыльцу и, вскинув руку, начавшего что-то говорить толстому. Семен Данилович начал плавно выбирать свободный ход спускового крючка. В этот момент отворилась дверь, и вышедший из дома немецкий солдат накинул «толстому» на плечи мундир и подал фуражку. Сверкнувший желтым шитьем погон и фуражка заставили Номоконова сменить цель. Ружье мягко толкнуло в плечо, толстяк дернулся и сломанной куклой упал с крыльца. Второй офицер еще ничего не успел сделать, как Номоконов быстро передернул затвор и снова выстрелил. Пятый! Но перезарядиться снайпер так и не успел. Повернувшись, он заметил мелькнувший в оговоренном месте кусок чего-то белого. Еще через несколько минут и выстрелов большой пушки в небо поднялась ракета черного дыма. Но Номоконов этого уже не видел, уже потихоньку ускользая со своей лежки...

Получившие сигнал к отходу солдаты по очереди покидали свои места и углублялись в рощу, за которой ждал автомобиль. Последним уходил расчет пулемета. Дожидаясь, пока гранатометчики выпустят по немцам последнюю короткую, всего из трех оставшихся гранат, очередь, пулеметчик короткими скупыми очередями давал немцам понять, что еще ничего не закончилось. Выпустив несколько очередей, расчет быстро разобрал пулемет. Носильщик со станком сразу устремился в лес, а оставшиеся номера, сменив позицию, добавили еще немного свинцового душа в хаос, царящий в поселке. Затем они с чувством исполненного долга прекратили огонь, отползли назад и, скрываясь за деревьями, побежали к машине. Некоторое время со стороны поселка до них доносились звуки беспорядочной стрельбы, но вдруг резко все стихло, видимо до немцев дошло, что по ним уже никто не стреляет.

Подбежавших к машине пулеметчиков втаскивали в кузов уже на ходу, машина резко прибавила газ, пристраиваясь за трейлером. За ней из леса неторопливо выползала громадина кавэшки. Собравшаяся колонна устремилась на северо-восток, к основному отряду...

1 июля. 1941 год. Украина. Неподалеку от г. Рожиче

Собравшись на поле за холмами и небольшой рощицей, защищающей их от наблюдения со стороны железнодорожной станции, отряд готовился к предстоящему делу. Вся техника была по приказу Мельниченко максимально замаскирована от наблюдения с воздуха. Выяснилось, что ни бойцы, ни Музыка со Скобелевым не знают, как маскировать технику на открытой местности. Пришлось Андрею личным примером показывать и лично контролировать маскировку на каждой машине. Удивленно-раздосадованный Музыка спросил у Андрея после того, как все закончилось:

— Не помню, чтобы на срочной нас этому учили. Откуда вы знаете?

— Вот именно! В училище такого не давали, точно, — добавил Скобелев.

— От родственника моего. Он до Средней Азии и на Дальнем Востоке попартизанить успел. Так они там у американцев пару автомобилей выцыганили, а чтобы белые не нашли — прятали. Таежники так умело их маскировали, что казаки в двух метрах проезжали и не видели, — выкрутился на ходу Андрей.

— Как это — выцыганили? — вмешался находившийся неподалеку и составлявший очередную бумагу Скрипченко. — Наши партизаны беспощадно против оккупантов воевали...

— А чего против американцев воевать-то? Их много было, но не лезли они никуда. В городке сидели и всего боялись. Вот японцы всюду воевали. За двумя зайцами погонишься... Поэтому наши временно с американцами перемирие и заключили, а с японцами воевали. Причем американцы под этот договор две машины и пулемет партизанам отдали, — со

смехом вспоминал рассказываемую отцом байку Андрей. Скрипченко недоверчиво посмотрел на Мельниченко, но промолчал и опять склонился над бумагами.

В это время в сопровождении Елены появился батальонный комиссар Кравцов, обошедший часть расположения отряда и побеседовавший с красноармейцами. Поговорив с Мельниченко, все еще неважно чувствовавший себя Кравцов посидел, наблюдая за работой штабной группы, и ушел отдыхать.

Железнодорожный мост и станция неподалеку от города были уже осмотрены в бинокли Мельниченко, Музыкой и Скобелевым. Но разглядеть в бинокль удалось немного. Самое главное, неизвестной оставалась численность немецких войск в городе. Обсуждение возможностей разведки зашло в тупик, когда к командирам подошел доброволец Степан Петренко, тот самый, расстрелявший предателя юноша.

— Дозвольте, товарищи командиры? — спросил он и, дождавшись разрешения Андрея, продолжил: — Я в городе на курсах трактористов учился, и знакомые у меня есть. Могу переодеться в гражданское, с собой взял...

После короткого спора командиры, из которых против был только Скрипченко, согласились с предложением. Проинструктированный Андреем, Петренко, переодевшись, кружными тропинками отправился на станцию.

Примерно через час после его ухода из города на юг вышла колонна автомобилей с пехотой и буксируемыми легкими пушками, за которой пылила еще одна, но уже пешая.

Больше до появления группы, обстреливавшей штаб, ничего существенного не произошло. Петренко появился чуть раньше пограничников, которые, как обычно, на лошадях двигались в авангарде. Пока он докладывал обстановку, к штабной группе подошли Сергей Иванов, Евгений Колодяжный и Семен Бридман. Сергей доложил о нападении на немецкий штаб:

— ...У нас убит один, ранены трое, из них двое легко. Потери немцев можно оценить не менее чем в десяток офицеров, в том числе пять от снайперского огня, из них один генерал, до роты пехоты, два броневика, самоходная противотанковая установка и до полусотни автомобилей, — закончил он.

Пока Сергей докладывал, Андрей обратил внимание на увлеченно пишущего что-то в тетрадь, на обложке которой четким писарским почерком было выведено «Журнал Боевых Действий», Скрипченко и, осторожно, показав жестом Сергею продолжать, поднялся. Зайдя Скрипченко за спину, он заглянул через плечо и невольно улыбнулся. Как только Иванов закончил доклад, Мельниченко сказал: «Отлично. Полчаса на отдых и готовьтесь к атаке станции», — а потом спросил не ожидавшего такого Скрипченко:

— У вас в училище по математике что было?

— Пятерка, — недоуменно ответил Юрий.

— Да, я так и думал, — заметил Андрей, успевший прочитать в журнале о том, что немцы потеряли полсотни офицеров, двух генералов, взвод бронеавтомобилей, несколько самоходок и сотню грузовиков. Недоумевающий Скрипченко повернулся и посмотрел на Андрея. Тот стоял с абсолютно невозмутимым лицом и, выдержав паузу, добавил:

— А по марксизму-ленинизму тоже?

— Конечно.

— Ну и отлично. Значит, я правильно подобрал для вас должности. Извините за вопросы, я вас, сами понимаете, знаю плохо и вынужден проверять свои решения.

Все еще недоумевающий Скрипченко в ответ смог только пожать плечами.

— Теперь пишите боевой приказ, — продолжил Андрей...

Как всегда перед боем, для большинства время вроде бы тянулось и тянулось, но все равно пролетело незаметно. Казалось бы, только что начатые профилактика на танках, ремонт «трешки» и осмотр оружия плавно перешли в выдвижение на исходные. Все замерло, как перед грозой. И точно так, как бывает перед грозой, откуда-то с востока донесся отдаленный, напоминающий раскаты грома звук...

— Похоже, наши наступают, — ни к кому конкретно не обращаясь, констатировал

Андрей, высовываясь из люка «Рыжего» и поднимая вверх ракетницу. Хлопок... И в небе над станцией расцвел цветок ракеты красного дыма.

1 июля. 1941 год. Украина. Станция, берег реки Стырь

Охранявшие станцию и мост часовые больше внимания уделяли грохоту, доносившемуся с востока, чем подъезжающей к станции колонне. Ну, а на что было смотреть, если честно? Едет себе подкрепление для дивизии, немецкий танк впереди, трофейный танк «Иванов» сзади и техническое замыкание — тягач в конце. Подкрепление, прямо скажем, небольшое, так ведь и танков у немцев не так много, как у этих проклятых «иванов». «Интересно, где они столько денег на такое множество танков нашли, одной проданной японцам железной дороги мало, что бы доктор Геббельс ни говорил. Да и не могли столько танков им англичане продать. У них самих во Франции танков мало было», — вяло обдумывал увиденное один из часовых.

Вот танки подъехали вплотную к шлагбауму, из трофея в открытый верхний люк высунулся танкист в русском, тоже, скорее всего, трофейном, шлеме, и зачем-то вдруг выпустил в небо ракету. Часовой еще пытался сообразить, что происходит, когда очередь пулемета сбила его с ног. Одновременно, взревев форсируемым мотором, «трешка» резко сбила шлагбаум и рванула к мосту. Наводчик дежурной зенитки, одной из четырех, охранявших мост и установленных попарно на восточном и западном берегу, пытался успеть навести ее на неожиданных гостей, лихорадочно крутя рукоятки.

Но «трешка», притормозив, повернула башню, раздался выстрел, и рядом с зениткой вырос небольшой, но очень яркий кустик разрыва пятидесятимиллиметрового снаряда. Звук взрыва уже никто услышать не смог, его заглушил еще более мощный рев тяжелого орудия русского танка. На месте караулки, из которой только начали выбегать солдаты бодрствующей смены, также взвилось облако взрыва, окруженное разлетающимися обломками и остатками чего-то, недавно бывшего живыми людьми.

Одновременно из кузова тягача выскочили с десятков русских солдат и перебежками устремились вслед за танками к мосту, к домам, в которых квартировали зенитчики, и к позиции стоявшей на западном берегу второй зенитной пушки. Немцы, несмотря на внезапность нападения, сориентировались быстро и начали отстреливаться. Пулемет, открывший огонь из окна одного из домов, заставил атакующих залечь. Но, как известно, против лома нет приема, если нет другого лома. Как раз «лома» у немцев под рукой и не нашлось. Проскочившая через мост «трешка» раздавила одну из стоявших на той стороне зениток. Пока танк ерзал туда-сюда по останкам зенитки, пытаясь избавиться от застревавших между звеньями гусеницы обломков, пулеметные очереди и несколько пушечных выстрелов разогнали бежавший ко второй зенитке расчет. Немцам, пытавшимся отстреливаться из дома, повезло еще меньше. Если, конечно, считать везением то, что тебя всего лишь расстреляли из пулемета, а не разорвали на куски взрывом шестидюймового снаряда, потому что несколько выстрелов КВ полностью разнесли и этот дом, и еще один рядом.

Хуже обстояло дело у складов. Петренко не заметил или не понял, что склады охраняет другой караул, из тыловых частей. Поэтому атаковавший склады взвод Скобелева попал под огонь не только замаскированной пулеметной точки, но и не менее чем полнокровного взвода стрелков. Позабыв в горячке боя все наставления, Скобелев пытался поднять лежащих на земле, картинно вскочив с пистолетом в руке с криком «За нашу Советскую Родину!» — но тут же упал, пронзенный как минимум десятком пуль. Оставшиеся без управления солдаты начали потихоньку расползаться в стороны, отвечая на массированный немецкий огонь редкими неприцельными выстрелами. Положение спас сержант Рогальчук со своей сорокапяткой. Не обращая внимания на обстрел, расчет установил ее практически напротив пулеметной позиции и со второго снаряда подавил пулемет. Немцы на время

притихли, но после того как пушка, выпустив последний осколочный снаряд, замолчала, опять беглым огнем заставили залечь ободрившихся было красноармейцев. Пока атакующие и обороняющиеся перетягивали канат удачи в свою сторону, стоящий на запасных путях паровоз, один из немногих захваченных в первые дни войны, разводил пары и уже собирался стронуть состав, как вдруг, словно коверный в цирке, на арену боя ввалился «Рыжий». Правда, вместо музыки и аплодисментов его выход сопровождал рев мотора и грохот выстрела, раздавшийся сразу же после остановки. Паровоз вдруг резко запарил и дернулся назад, затем неподалеку от немецких окопов вырос внушающий уважение столб взрыва второго выстрела.

Неожиданно на стоящем танке открылся люк радиста, и из него выскочил Сема Бридман с автоматом в руках. Подскочив к ближайшему красноармейцу, прикорнувшему за маленьким, едва защищавшим его камешком, Сема пнул его и что-то крикнул.

— Что творит, что творит, зараза, — прозвучал в наушниках шлемофона голос Сергея. — Вперед, Кузьма!

«Рыжий», рыкнув мотором, устремился вперед, пытаясь прикрыть корпусом атакующих. Впрочем, пример Семы оказался заразительным, и красноармейцы дружно рванули в атаку. Бежавший рядом с Семеном Рогальчук успел даже расслышать, что же орал этот обычно скромный и тихий парень:

— Вперед, мужики! Или вы хотите жить вечно?!

— Вот долбодятел, убьют ведь. Нее, точно, если убьют, накажу расп...я так, что неповадно будет, — сквозь зубы матерился Сергей. Внезапно его внимание привлекла смутно различимая в прибор наблюдения знакомая фигурка. «Елена... с ранеными возится», — понял он. Но тут танк вплотную подъехал к немецкой траншее, и Сергею стало не до посторонних мыслей...

Семен Данилович удовлетворенно хмыкнул, увидев, что пулеметчик на крыше пакгауза ткнулся каской в пулемет. Это был второй и последний из пулеметчиков на постах, охранявших военнопленных. Теперь оставались еще пулеметчик и стрелки у ворот, закрывающих вход в пакгауз. Снайпер аккуратно отполз назад и стал перезаряжать по одному патрону карабин.

Внезапно по позициям немцев у пакгауза пронесся ливень маленьких разрывов. Это расстрелял выделенную ему порцию гранат расчет автоматического гранатомета. Не успевшие опомниться от столь плотного минометного, по их понятиям, огня немцы неожиданно столкнулись в рукопашной с десятком красноармейцев. Но сильнее испугало их не это. Больше всего на немцев подействовала ворвавшаяся в траншею огромная, как медведь, абсолютно черная собака, с ходу перекусившая руку пытавшемуся выстрелить в нее фельдфебелю Шмультке. Бой был недолгим. А уцелевшие позавидовали мертвым, когда из ворот пакгауза вырвались освобожденные русские пленные...

Ближе к вечеру на восточном берегу реки к поспешно укрепляемым дополнительными огневыми точками позициям вышли передовые части отступающей немецкой пехоты, но, обстрелянные из пулеметов и орудий, отошли, свернув на юг вдоль берега. Позднее к нашим постам вышли преследующие немцев части сто девяносто третьей стрелковой дивизии...

1...2 июля. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Ну что, повоевали, господа... то есть товарищи командиры. Сейчас найду Семена с Андреем и выскажу все, что о них думаю, пока боевой азарт не кончился. Разп...и, иху м... через коромысло! Один, понимаешь ли, командовать из танка не может, пошел на КП, а сам в атаку полез, без него не справятся. Второй вообще из танка без команды выскочил, героя изображает! Герои, ё...! Ух, попадись они мне!

— Ну и где они, лейтенант?

— По донесениям, капитан Мельниченко все еще у пакгауза, организует проверку,

прием и распределение пленных. Семен Бридман в медпункте, его фельдшер Горелова перевязывает, — Музыка явно не по себе от брызжущей из меня злости. Ничего, обойдется.

— У пакгауза, говоришь? Ладно, пойду в пакгауз. Вы с сержантом организуйте пока оборону на восточном берегу. Траншеи проверить, при необходимости углубить. Все пулеметы — на ту сторону. Да, и где Скобелев?

— Убит.

— Как убит? Черт... Не вовремя... Вечная память. Тогда так... Лейтенант — выполняйте приказ, сержант — со мной, будем организовывать оборону с запада. А Скрипченко уже у пакгауза? Да? Ясно. Ну, вперед!

И где он, начальник наш героический? А, вижу, с пограницами фильтр для пленных организует. Делать ему больше нечего. Пусть этим Скрипченко занимается...

— Товарищ капитан, разрешите обратиться? Можно вас для доклада?

Зашли за угол. Сержант сообразительный, остался со всеми, молодец.

— Так, теперь нас никто не слышит... Шеф, ты что? Адреналин в голову ударил? Недовоевал, ё...? Подумал, что будет, если тебя убьют? Мне прикажешь командование брать? И вообще... ты чего увлекся этими пленными? Забыл, что частью командуешь? Я пока команду дал, чтобы с востока оборону крепили, если наши наступают, немцы в первую очередь оттуда полезут. Музыку послал. А с запада и командовать некому, Скобелев убит...

— Вроде не убит, тяжело ранен. Елена доложила.

— Хрен редьки не слаще, все равно кого-то надо ставить. Думай. Я предлагаю старшину. Да, и покормить людей надо, бывших пленных в первую очередь.

— Это я уже распорядился, тыловики уже кухню разворачивают. Помнишь этого туркмена, Рустама? Он поваром оказался. Так что одной проблемой меньше. А вообще старшина нужен, хозяйство все разрастается... — Тут Андрей поворачивает за угол и зовет:

— Скрипченко!

Подбегает Скрипченко и получает от Андрея «ценные указания» по распределению пленных. Когда Андрей его отпускает, я вспоминаю про Семена:

— Ты про Семена-то слышал уже? — и, увидев утвердительный кивок Андрея, предлагаю: — Пошли с него стружку снимем... С героя... последнего.

Но ничего у нас не выходит. Едва мы с Андреем начинаем чихвостить это чудо, гордо несущее нам навстречу обмотанную белым бинтом голову и руку, как откуда-то внезапно появляется Елена и запрещает нам «нервировать раненого бойца». Приходится извиняться перед нашим доктором и идти по своим делам. Андрей уходит в штаб, расположившийся на восточном берегу реки, в домике обходчика. А я иду к танкам и застаю там почти до вечера. Даже стрельба на восточном берегу почти не воспринимается...

Все же дырку в «трешке» нам удастся заделать полностью, благо она совсем небольшая, миллиметров восемь в диаметре. Получается, что в нас попали из противотанкового ружья. Пока мы делаем профилактику танкам, я пытаюсь припомнить характеристики таких ружей. Похоже, «трешку» могли поразить либо из чешского, но оно начало выпускаться в конце года, либо из трофейного польского. Скорее всего, это был именно трофейный польский «Ур».

А вот кое-кого из конструкторов я бы все же расстрелял из того же «Ура». Особенно за фрикции и гусеницы. Надо как-то этого, как его, Шамшурина отыскать. Помню, что он нормальную коробку передач для КВ предлагал... Мечты, мечты... кто нас с фронта отпустит и куда? Разве что в знаменитое задание «Госужаса», а там, боюсь, не только Шамшурина, но и друзей уже не увидишь.

Едва заканчиваю возню с танками и сажусь за принесенный Кузьмой котелок с кашей и смальцем, как меня вызывают в штаб. Черт, а жрать-то охота... Беру котелок с собой и, недовольно вспоминая всех родственников немцев и нашего командования, а также их противоестественные сексуальные связи, бреду через мост. Часовой, узнавший меня, пропускает без оклика, за что получает втык. Нет, ну объясняешь, объясняешь...

— ...Пусть хоть сам товарищ Сталин проходить будет, ты обязан остановить и

проверить! Понял?

Дождавшись утвердительного «Так точно!», иду через мост. Вот это мы в них все же вбили, хотя Скрипченко до сих пор иногда морщится от наших старорежимных замашек. Ну что это за боец, когда он на приказ с ленцой так отвечает «да» или «нет». Дисциплина начинается с мелочей. Часовой на восточном берегу бдительней и окликает меня заранее. Услышав ответ и приказав осветить лицо, что я и делаю, выйдя в круг света небольшой висящей сбоку лампы, он внимательно осматривает меня и затем пропускает. Настроение немного поднимается.

Вхожу в штаб и сразу натываюсь взглядом на незнакомого командира... Тэк-с, капитан, судя по знакам различия. С ним еще один, тот скромно держится в сторонке. Ага, младшой, понятно. В углу два незнакомых солдата уплетают из котелка кашу. Невольно сглатываю слюну. А народу-то! Все собрались, даже Кравцов здесь. Похоже, с нашими мы встретились. Интересно, надолго? И как к «линии Сталина» отступать будем, вместе или растащат по частям? Но твердо знаю одно — разоружить себя, как симоновские герои, не дам. Пошли они...

— Знакомьтесь, товарищ капитан. Мой начальник штаба и зампотех, военинженер 2-го ранга Иванов, — представляет меня Андрей.

— Рад знакомству. Капитан Таругин Кирилл Григорьевич.

Жмем друг другу руки. Хм, чем-то он мне сразу становится симпатичен. Младшего лейтенанта представляют как Сергея Олеговича Сергеева. Приношу извинения и быстро доедаю кашу. Вкуса уже не ощущаю — не до того...

Почти до полуночи совещаемся, а потом на местности уточняем линию обороны, хотя капитан и предупредил, что наступление наших отвлекающее и, по имеющимся сведениям, уже получен приказ отводить части фронта на линию укреплений старой границы. Стараюсь не показать, что это для меня не новость. Читал в свое время об этом приказе Кирпоноса, читал. Не уверен, что он был правильный, но ход рассуждений командующего понятен. После неудачных контрударов так хочется спрятаться за что-то прочное и «нерушимой стеной, обороной стальной»... Только вот из чего стену-то составлять? Из остатков дивизий и старых, не выдерживающих обстрела современной немецкой артиллерии дотов? Невольно улыбаюсь, вспомнив визги о подрыве этих укреплений накануне войны из книги Резуна. Прочитав первый раз, помнится, чуть ли не катался от смеха. Придумать же надо — взорвали, чтобы не затрудняли доставку грузов. Уржаться легче... Так и видишь себе Великую Китайскую стену, протянувшуюся сквозь наши леса, с узенькими такими воротами для въезда. Прочитав эту главу, сразу понял, что все эти произведения — липа. Ну не может офицер написать такую ерунду. Он что, ничего по фортификации не читал? Как укрепрайоны строятся, не знает? Это какой-нибудь шпак такую шизу может сочинить, и такие, как он, лохи в это поверят. Тут английская разведка явный прокол допустила. Зато когда появились рассекреченные документы о том, что ничего не уничтожалось... Тут меня отвлекают от этих мыслей, и я возвращаюсь к реальности.

Итак, что мы имеем? Наш отряд, скорее уже батальон, двести пятьдесят человек, два танка, две зенитные установки, сорокапятка, автоматический гранатомет, стрелковое оружие и автомобили... Так, трофеи — боеприпасы, бензин, сено, оружие в упаковке, мины... ё-мое, мы же дивизионный обменный пункт захватили! Еще трофеи — наши пулеметы, в том числе три дэтэшки... тэк-с-с, хорошо... винтовки, два Т-38 на ходу, придумаем, куда их лучше применить. О, неплохо — две сорокапятки с боекомплектom каждая! А что у коллег? Ага, батальон неполного состава с пятью батальонными минометами восемьдесят два миллиметра и тремя ротными, станковые пулеметы, ручные ДП и даже два БА-10, отлично. И два батальонных миномета они нам оставили и несколько связистов своих тоже. Совсем неплохо...

Наконец все распределено и каждый занял свой сектор обороны. Несколько саперов из бывших пленных изучают по моим беглым запискам немецкие «теллеры» и готовятся до утра заминировать все танкоопасные направления. Коллеги укрепляют северный фас

обороны, направив в город передовой дозор. Хозяйственный взвод хоронит убитых. Ждем транспорт из дивизии для вывоза раненых и немецких пленных, часть из которых сейчас помогает рыть могилы и таскает грузы.

Бужу Андрея и собираюсь поспать до утра сам. Не спится... сквозь полудрему пробивается неожиданный разговор между Музыкой и Андреем.

2 июля. 1941 год. Украина. Станция, берег реки Стырь

Войдя в комнату, в которой разместился штаб, Музыка осмотрелся. В углу у телефона примостился задремавший сидя связист, на кровати прикорнул Иванов. Скрипченко и Кравцов недавно ушли проверить состояние бойцов в медпункте и окопах. На столе, рядом с картой, тускло светила керосиновая лампа. У стола с расстеленной картой о чем-то размышлял Андрей Мельниченко. Подойдя к нему, Музыка сказал:

— Товарищ капитан, давно хотел вас спросить. А где вы служили?

— Служил? А зачем вам? — искренне удивился Мельниченко, потом, чуть помедлив, добавил: — Мы же все рассказывали. В двадцать пятой стрелковой...

— Как же, слышал. Вот только несуразностей в вашем рассказе многовато. Да и поведение ваше... причем всех троих, я бы сказал, резко отличается от обычного. Да и знания...

— Ну, насчет поведения вам, как «милиционеру», со стороны виднее. По-моему, ничего особо выделяющегося в нас нет. Граждане СССР, правда, довольно часто бывавшие в ситуациях, когда другого начальства, выше нас, нет. А знания... Есть такое слово — увлечение. Для нас троих таким увлечением всегда была армия.

— Что, и для Бридмана тоже?

— Ну, Семен вообще-то неплохо считает, если вы успели заметить...

— Это точно. Прямо Вольф Мессинг какой-то.

— Кто?

— Мессинг. Вы что, о нем не слышали? Он и в уме считает, и даже мысли угадывает.

— А, этот артист. Да, немного похоже. Вот из-за этого мы с Семеном и подружились. Вообще его больше всякие радиоприемники и усилители привлекают. Ну, а мы немного посчитали, используя наши знания, и получилось, что в случае внезапного нападения Германии наши войска могут отступить чуть ли не до Киева и Москвы...

— Что-о-о? Да вы... да как вы такое подумали? — Музыка явно шокирован словами Андрея, и рука его невольно скребет по кобуре нагана.

— Успокойтесь, Юрий. Сейчас я вам все объясню. — Мельниченко казался спокойным, но расстегнутая кобура и лежащая на рукояти нагана рука (вот гдегодились шуточные тренировки «под ковбоев»!) недвусмысленно показывали, что он готов ко всему. Музыка, поняв намек, успокоился, и следующий час Андрей описывал ему причины поражений наших войск в приграничных боях, от отсутствия автотранспорта в войсковом тылу до неправильной организации и использования механизированных войск. Лекция изредка прерывалась, когда связист в полудреме начинал вызывать «Сосну» или отвечать сам, что «Береза» слушает. Один раз ее прервал появившийся сержант-сапер, доложивший о готовности к началу минирования, и лишь однажды — сам Музыка, спросивший: «Но как быть с секретными сведениями?» Усмехающийся Мельниченко заметил, что у немцев есть великолепная пословица, которую не раз вспоминал перебежчик Отто Лисовски, а именно: «Что знают двое, знает и свинья». И добавил, что секретные сведения могут оставаться секретом, только пока они в голове нескольких человек и паре документов.

Разговор прервало появление в комнате сержанта Рогальчука, сообщившего о прибытии автомобилей из дивизии. Разбудив и оставив за себя Сергея, Андрей вышел вместе с Рогальчуком.

Быстро ополоснув лицо из стоящего в углу кувшина, Иванов, привычным жестом

оправляя форму, подошел к столу. Продолжавший сидеть и разглядывать карту Музыка посмотрел на него и уже собирался что-то спросить, когда в комнату толпой ввалились Кравцов, Скрипченко, Мельниченко и Горелова с незнакомым, невысокого роста полноватым человеком с медицинскими знаками в петлицах.

— ...Все же я считаю, что нет никакой необходимости в моем отъезде, — говорил на ходу Кравцов, обращаясь к медику. — Благодаря Елениным заботам я почти выздоровел, а бросить отряд накануне боя вообще считаю недостойным для большевика.

— Но как же, я имею категорическое указание комдива... — начал было медик.

— Передайте ему, что я не брошу вверенные мне войска. И все об этом, — отрезал Кравцов и, заметив в этот момент Музыку, кивнул Скрипченко: — Что там у тебя было? По поводу откомандирования всех не принадлежащих НКО?

— Да, Особый отдел дивизии на основании приказа Особого отдела фронта требует откомандирования всех сотрудников НКВД к ним, — доложил Скрипченко, доставая из кожаной трофейной папочки какую-то бумажку.

— Понятно. Сразу после боя и уеду, — ответил Музыка. — Как правильно заметил товарищ батальонный комиссар, недостойно бросать вверенный мне боевой участок накануне боя.

В этот момент Мельниченко окликнул связист, получивший какое-то сообщение по телефону:

— Товарищ капитан. Вас вызывает старшина Григорьев. Немецкая разведка...

2 июля. 1941 год. Украина. Неподалеку от г. Рожыще. Сергей Иванов

Пережидаю очередную порцию разрывов и осторожно открываю люк. Так, что мы имеем? Ага, вот они, голубчики... Накапливаются под прикрытием артогня. Тэк-с, сейчас подумаю. Нет, позиция уж слишком хороша, подождем, когда поднимутся в атаку.

— Андрей, думаю, пока стрелять не будем. Пусть в атаку пойдут. А вот батарее пора бы и ответный огонь открыть.

— Передал уже. Сейчас уточнят данные.

Так, вот и ответный огонь, похоже. Где-то в районе рощи, за которой мы перед атакой укрывались, вижу какой-то дым. Попали, что ли?

Вот и немцы в атаку пошли. Нагло, во весь рост. Эсэсовцы, ёптыть. Непуганые...

Пора...

— Ориентир четыре, правее три, шрапнель, трубка пятнадцать! Огонь.

Отлично накрыли! Теперь спеси поубавится. Ага, вот и еще один из броневиков загорелся — или Рогальчук, или Махров на ять сработали. Да, это вам не во фланг атакующей без пехоты советской танковой дивизии наступать, как в реальности было.

— Что ты говоришь, Андрей?

— Меняй позицию, на правом фланге туго.

— Понял. Кузьма, поехали. Сема, связь с Махровым!

Да, такого я не ждал... Приехали, ё... через коромысло. «Не использовали немцы французские танки, не использовали». Нет, они на них любовались, ё... Хотя как они у СС оказались? АХЗ... Ползут гады... Пять «Сомуа» и три «Рено», еще один «Сомуа» весело дымит, похоже, подорвавшись-таки на mine. Жаль, что мин мало. А пушек на этом фланге у нас вообще нет. Просчитались. Так! Вот и пехота...

Что это... Бл... Даже Б-1, что ли? Вместе с пехотой ползет, чудо-юдо французское. А артобстрел-то какой! Тот, что до этого был, так, семечки...

Мрак... И в тот момент слышу в наушниках Сему... вот уж от кого не ожидал:

— Здесь птицы не поют,
Деревья не растут...

- И только мы плечом к плечу вырастаем в землю тут, — подхватывает Андрей.
— Что это? — слышу шепот кого-то из экипажа и подхватываю вместе с остальными:

Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым.
Так, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим!

- Держись, славяне! — кричит Андрей. — Мы русские, мы выдюжим!..
— По танку, осколочно-фугасным, установка на фугас. Ориентир двенадцать, лево шесть, ближе один... Наводить под башню! Огонь!
— Есть! Всосал гадюка! Смотри, как перевернуло!
— По пехоте осколочным!

Дальнейшие полчаса сливаются для меня в единую какофонию криков, рева мотора, треска пулеметов и солидного размеренного грохота орудия нашего «Рыжего». Один раз немцы почти врываются в окопы, но мы проходим сбоку, не обращая внимания на удары от снарядов немецких тридцатисемимиллиметровок, и давим, давим, давим, добавляя огоньком всех трех дэтэшек... Молю бога только об одном — лишь бы не попали в гусеницы...

Внезапно все стихло, и только рев мотора еще некоторое время терзает мой слух. Укрываемся в заранее отрытый капонир... Вылезаю, вдыхаю такой чистый, пьянящий, как молодое вино, воздух... и только сейчас понимаю, как изменилось все вокруг. Догорают немецко-французские танки, дымят вторично подожженные остатки домов и станционных сооружений, а справа на поле чадит... Господи, как же так?.. Наша «трешка»... Линии окопов, ранее почти незаметные на фоне травы, сейчас выделяются из-за огромного количества воронок вокруг, иногда накрывающих сами траншеи. Слышны стоны раненых, особенно громкие на фоне наступившей тишины...

На месте домика обходчика догорают развалины...

Оглядываюсь на «Рыжего»... Да. Такое только фотографировать... Вся броня в крапинах и рывинах, сбоку маски торчит остывший полуоплавленный кусок бронебойного снаряда. Хорошо, что все внутри обшили войлоком и ледерином — типа подбой, иначе, скорее всего, на нас живого места бы не было, мелькает мысль. Поворачиваюсь к «трешке». Выжил ли кто-нибудь из экипажа? Дай бог!

Ладно, пора в штаб. Хорошо, что сразу догадались погребок под убежище для штаба приспособить... Подведем итоги...

«Из утреннего сообщения Совинформбюро от 6.07.41 г.

В ночь на 6 июля продолжались бои на ОСТРОВСКОМ, ПОЛОЦКОМ и НОВОГРАД-ВОЛЫНСКОМ направлениях...

На НОВОГРАД-ВОЛЫНСКОМ направлении наши войска нанесли контрудар по частям противника, разбив 298-ю пехотную дивизию и освободив город и станцию Р...

На остальных направлениях и участках фронта в течение ночи происходили бои местного значения и велась разведка.

Н-ские части советских войск прорвали фронт противника. Развивая наступление, отряд капитана М. прорвался в тыл немецкой пехотной дивизии и разгромил ее штаб. При этом убит генерал Греснер — командир дивизии. Потери немецко-фашистских войск составляют не менее сотни офицеров и две тысячи солдат, десятки броневиков и самоходных орудий. Немецко-фашистское командование поспешно сняло войска с других участков фронта и пытается контратаками вернуть потерянные позиции. Отряд капитана М. отбил уже три атаки отборной немецкой моторизованной дивизии СС „Адолф Гитлер“. Захвачены пленные и трофеи.

2 июля. 1941 год. Украина. Неподалеку от г. Рожнице

Тон Сергея сух и академичен:

— Таким образом, противник атаковал нашу оборону в трех местах, два из них в зоне обороны отряда и один — обороны батальона капитана Таругина. Количество уничтоженной бронетехники позволяет предположить, что удар на левом фланге и по соседям были вспомогательными, атака же по нашему правому флангу — основная. Предположительно противник планировал этой атакой отсечь наши обороняющиеся части от моста и затем уничтожить. Все атаки отбиты, но противнику удалось вклиниться в оборону батальона капитана Таругина. Мы и соседи понесли серьезные потери, следствием чего явилось оставление передовой линии обороны на всех участках. В настоящее время нами удерживается тет-де-пон, вся тяжелая техника эвакуирована на восточный берег реки. Боеприпасов для стрелкового оружия в наличии до двух боекомплектов, для ПТО — по трети боекомплекта, для танка — шесть снарядов, зенитные установки имеют по два боекомплекта, а приданная батарея двадцатидвухмиллиметровых гаубиц сто девяносто третьей дивизии — всего по двадцать снарядов на оставшиеся три орудия. По моему мнению, необходимо отвести все войска на восточный берег, взорвав мост.

— Не понимаю, а почему мы не можем удержать позиции на западном берегу? Противник понес серьезные потери, только танков подбитых пять штук осталось и четыре броневики. — Скрипченко подозрительно глядит на стоящего у стола с картой Сергея и сидящего напротив Андрея. Кажется, назревает очередная, говоря языком девяностых, «разборка», но в это время в укрытие, пригнувшись из-за низкого потолка, входит высокий человек с откуда-то знакомым лицом и нашивками батальонного комиссара. Из-за него протискивается Антон, стоявший на посту, и с виноватым видом докладывает:

— Товарищ капитан, к вам корреспондент «Красной звезды» и начальник Особого отдела дивизии.

По лицу Андрея быстро проносится выражение типа «а не послать ли их на три буквы», но тут же сменяется нейтрально-приветливым. Гости, да, пожалуй, и большинство из присутствующих, кроме Сергея, не успевают ничего заметить. Улыбаясь, корреспондент представляется:

— Специальный корреспондент «Красной звезды» Симонов Константин.

Тут же из-за корреспондента, отеснив Антона, появляется такой же высокий, подтянутый командир, представляющийся начальником Особого отдела дивизии капитаном Неманом Оскаром Фридриховичем.

— Капитан Мельниченко, а это мой заместитель, батальонный комиссар Кравцов, начальник штаба военинженер второго ранга Иванов и политрук Скрипченко. Чем обязаны присутствию столь высокого гостя? — Мельниченко демонстративно уделяет основное внимание Симонову (черт побери, неужели тот самый!), извинительно-примиряюще улыбнувшись особисту. Мол, что поделаешь, ты свой, а тут такой гость.

— Командирован в ваш отряд. Буду писать о ваших подвигах статью.

Недоумевающие взгляды Мельниченко, Кравцова, Иванова да и Скрипченко были так красноречивы, что особист не выдерживает и с тем же невозмутимым видом сообщает:

— Сегодня немцы официально передали о гибели командира двести девяносто восьмой пехотной дивизии генерала Грёсснера.

— Ого! — вырывается у экспансивного Скрипченко от неожиданности. Симонов с улыбкой смотрит на него несколько секунд, затем переводит взгляд на Мельниченко и спрашивает:

— Я хотел бы побеседовать с командирами и с наиболее отличившимися бойцами. Кроме того, со мной фотограф, он сделает несколько снимков.

— Конечно, конечно. Если только немцы не помешают. Пусть комиссар Кравцов вам поможет, — отвечает Мельниченко.

— Я прошу подготовить список отряда и донесение на имя командира дивизии о ходе боевых действий. Кроме того, согласно приказу Особого отдела армии я забираю с собой всех сотрудников НКВД и лиц, не принявших присягу.

— Сотрудников НКВД... Жаль, конечно, но раз есть такой приказ, — с искренним сожалением в голосе говорит Мельниченко, — а вот личного состава, не принявшего присягу, у нас нет. Властью командира и комиссара отряда мы приняли присягу у всех добровольцев. Все необходимые документы предоставит замначштаба по строевой части политрук Скрипченко.

— Добровольцы? И много их у вас?

— Да немного. Сами знаете, население здесь не слишком... поэтому добровольцы только из сотрудников ...ской МТС, приехавших сюда с востока. Да двое молодых комсомольцев из того же поселка.

— Понятно. Тогда полчаса на подготовку документов, и мы убываем. Справитесь?

— Даже быстрее, товарищ капитан. Списки у меня в двух экземплярах, остается только донесение написать.

— Отлично. Как, товарищ корреспондент, вы успеваете?

— Думаю, да, — отвечает Симонов, отвлекшись от разговора с Кравцовым.

Пока Симонов беседует с Кравцовым, а Скрипченко быстро оформляет боевое донесение, фотограф успевает сходить с Ивановым и Мельниченко к «Рыжему» и отщелкать несколько кадров своей редкой компактной «лейкой». Потом Сергей Иванов сопровождает его на западный берег, где, скрываясь за развалинами, он фотографирует панораму поля боя, с впечатляющим количеством сгоревших танков и валяющихся вражеских трупов.

Не успевают уезжающие разместиться в машинах, как наблюдатели докладывают о появившихся немецких самолетах. Машины с гостями, Музыкой, пограничниками и перебежчиком быстро отъезжают, а с запада наплывает противный звук немецких авиадвигателей.

2 июля. 1941 год. Украина. Неподалеку от г. Рожиче

Машины еще не успели скрыться за ближайшей рощицей, а в небе над районом обороны неторопливо на взгляд попаданцев и стремительно для аборигенов появилась девятка «Хейнкелей-111». Разделившись на три звена, бомбардировщики с крестами на крыльях так же неторопливо (скорость для повышения точности бомбометания всего двести пятьдесят километров в час) стали на боевой курс и раскрыли бомболюки. На позиции и остатки станции со свистом посыпались пятидесяти- и стокилограммовые бомбы. Вот тут точно «кто не был, тот будет, кто был — не забудет». Вжавшись в спасительную землю, каждый из бойцов мысленно подгонял время, которое, как всегда в такие моменты, тянулось нестерпимо медленно. Вот падают первые бомбы, сотрясая землю, выворачивая наизнанку, оставляя огромные, долго не зарастающие оспины на теле Земли. Даже и через шестьдесят лет, бродя по местам бывших боев, потомки увидят эти воронки и ужаснутся происходившему и почувствуют гордость за предков, выстоявших в этом аду. А предки в такой момент хотят только одного — выжить... Летят с противным, почти не слышимым в грохоте разрывов визгом, осколки, пронзая встречающиеся препятствия и мягкие человеческие тела. Вот одна из «соток» по закону подлости попадает точно в укрытие. И, несмотря на все три наката, на верхнюю земляную насыпь, на глубину укрытия, во все стороны летят остатки того, что когда-то было думающей организованной материей, способной вместить в своем разуме всю вселенную, перемешанные с кусками оружия, дерева и комьями земли. И все... «Имена же их Ты, Господи, веши». Ведь никто точно не видел и не переписывал их, пытавшихся найти убежище в том укрытии. Вот так и появляются те самые

«без вести пропавшие», которых потом долго ждут седые матери и жены, о которых спорят историки и архивисты, которые бывают всегда во всех самых победоносных войнах и которые никогда не лягут в свои могилы.

Но реалии этой войны сыграли злую шутку с самоуверенными немецкими пилотами. О, война — это величайший шутник на свете! Только шутки у нее своеобразные, глумливые и всегда негуманные.

Привыкнув к отсутствию зенитного прикрытия у «иванов», немецкие бомбардировщики зашли на цели на высоте в тысячу метров, вполне защищающей от огня пулеметов, но позволяющей прицельно отбомбиться по линии обороны. У этих же «коварных азиатских варваров» оказались целых две пусть малокалиберные, но зенитные автоматические пушки. Конечно, эффективность огня на такую высоту двадцатимиллиметрового орудия, обслуживаемого непрофессиональным расчетом, невелика. Зато боеприпасов у этого расчета сколько угодно, шансов увести пушку с собой почти нет, да и знания о предельной длине очереди и тепловом режиме стрельбы приблизительные. Поэтому стреляют они с максимальным темпом, едва успевая менять опустевшие магазины, практически до перегрева ствола, пока появившееся над ним марево нагретого воздуха не остужает горячие головы. И вокруг самолетов, выше, ниже, мелькают трассеры небольших, но от этого не менее опасных, снарядов, а кроме того, осмелевшая пехота тоже поднимает головы и открывает по самолетам огонь из всего, что стреляет.

Немцы, показывая неплохую выучку, продолжают держать строй, переходя в набор высоты, но просто по закону больших чисел один из снарядов попадает точно в бензобак ведущего третьей тройки, вызывая пожар. Не успевает упасть загоревшийся самолет, вокруг которого уже раскрываются белые купола парашютов, как осколки еще одного снаряда попадают в воздухозаборник двигателя замыкающего бомбардировщика. Дымя мотором, тот начинает снижаться, и пущенная ему вслед очередь дополнительно пронзает фюзеляж. Бомбардировщик, истекая дымом, уползает вслед за уходящими на аэродром коллегами, но постоянно отстает, снижается и в конце концов скрывается за ближайшей рощей.

Еще были в воздухе моторы немецких бомбардировщиков, еще Сергей Иванов не успел вернуться в штаб от своего «Рыжего», когда прибежавший посыльный сообщил Андрею, что капитан Таругин контужен и на позициях западного берега не осталось ни одного командира.

Ругнувшись, Андрей приказал Скрипченко передать Иванову, что Сергей остается за него, и, прихватив трофейный «шмайсер», вышел вслед за бойцом. За ним, уже привычно, по-фронтовому, стелась у самой земли, черным привидением пробежал Ленг.

Появившись несколькими минутами позже, Сергей смог выразить свое отношение ко всему происшедшему только всем известными фразами на великом и могучем командно-матерном языке. Но он не успел ничего предпринять, на позиции отряда обрушились снаряды очередного огневого налета немецкой артиллерии.

Под прикрытием артиллерийского огня немцы понемногу накапливались перед окопами. Сержант Рогальчук, наблюдая в бинокль за немцами, непрерывно корректировал наводку последней оставшейся сорокапятки. Вот наконец-то скопившиеся за кустарником немцы создали вполне подходящую цель. Да, непростительное упущение для фронтовиков, вполне объяснимое уверенностью, что у русских не осталось никакого тяжелого оружия. Вот вам и аргумент против — небольшой, но весьма эффективный осколочный снаряд, заставивший уцелевших метнуться в стороны, словно попавших под тапку тараканов. Тут же один из приподнявшихся, в офицерской фуражке, мешком ткнулся в кусты. Добавится точек на трубке снайпера! Вот это меткость, притом что он стрелял с другого берега. Молодец, однако. Но наконец налет закончился, и началась привычная противотанкистская работа.

— Ориентир шесть, правее восемь, ближе два, бронебойным, наводить на полкорпуса вперед! Огонь!

Треск пулеметов, щелканье винтовочных выстрелов, в том числе сливающиеся почти в очередь щелчки самозарядок, тархтенье пистолетов-пулеметов, грохот выстрелов танковых

пушек и взрывов противотанковых, минометных мин и снарядов своих и немецких орудий сливались в уже привычную для слуха Андрея мелодию боя. Да, обстановка складывается тяжело, отойти под таким огнем по мосту практически нереально, но и удержать тет-де-пон до вечера тоже вряд ли удастся. Ну, что ж, остается только подороже продать свои жизни, мелькает в голове Андрея, пока, сопровождаемый Ленгом, он бежал по полуразрушенной траншее к умолкшему пулемету. Так, все убиты, патроны еще есть. Да и пулемет неплохой — дегтяревский станкач. Конечно, по сравнению с «максимом» посложнее и менее надежный, зато воды не надо, ствол сменный, да еще с ребрами для охлаждения. Так что держитесь, юберменши, вспомним молодость, когда на полигоне лейтенант Мельниченко получил благодарность от министра обороны за отличное выполнение комплекса упражнений по стрельбе из ПКС. Вот так, подтянем винт для лучшего рассеивания в глубину. «Ага, обрадовались и рванули вперед, эсэсманы... Вот вам хрен по всей морде».

— Ленг, лежать!

Мельниченко, охваченный боевым азартом, бил короткими, скупыми и точными очередями. Тем не менее немцы приближались все ближе и ближе, постепенно полуокружая практически единственную стрелявшую пулеметную точку. Но тут с фланга их обстреляли подоспевшие на помощь командиру Рогальчук и еще один боец. Немцы отошли, и Андрей, воспользовавшись передышкой, перебрался к своим спасителям, затем вместе с ними, огибая занятые немцами участки, перебежками от воронки до воронки добрался до берега реки. Уже смеркалось, но было еще неплохо видно, что немцы сосредотачиваются для последней атаки на уцелевшие островки обороны: у моста и в том месте, куда добрался Андрей.

Опять обрушивается на уцелевшие пяталки обороны ливень снарядов, опять накопившиеся под его прикрытием немцы по команде дружно бросаются в атаку. Но тут все звуки боя покрывает страшный грохот взрыва, мостовая ферма словно подпрыгивает и прямо в воздухе медленно и методично разваливается на куски. Это кто-то из оставшихся в живых бойцов в окопе у моста, понимая, что отбить немцев уже невозможно, крутанул ручку подрывной машинки. Андрей незаметно для окружающих смахивает набежавшую от волнения слезу и оглядывает свой участок обороны. Да, не сахар. Всего четверо бойцов, сержант и он с собакой. Два ручных пулемета, десяток немецких «колотушек». Впрочем, вполне достаточно, чтобы продержаться еще немного, разменяв свою жизнь на несколько немецких. Ленга только жалко, но он ни за что не оставит хозяина.

Эти мысли еще мелькают в голове Андрея, когда немцы устремляются в атаку. Огонь, взрывы своих и чужих гранат, чье-то тяжелое дыхание на лице, упругое сопротивление входящему в тело внезапно оказавшемуся в руке охотничьему ножу, чей-то дикий крик, мат и рычанье Ленга, несколько выстрелов... И все гложет в грохоте очередных разрывов. Отсечной огонь, подсказывает профессиональная память. А взгляд упирается на лежащего в окопе со странно перекошенным лицом немца, чью руку держит в своей пасти Ленг, упираясь лапами в грудь лежащего.

— Фу! — Инстинкт срывает раньше сознания, и команда невольно вырывается из рта Андрея. Немец, отпущенный Ленгом, поворачивается на бок, и его начинает неудержимо рвать. Но заниматься им некогда, огонь нашей артиллерии затихает, и на его фоне слышен странный звук, как будто от работающего мотора и лязга гусениц. Рогальчук, выглянув из окопа, радостно кричит:

— Наши!

Рядом с окопом останавливаются два плавающих Т-38 со снятыми башнями. Из первого появляется Сергей, из люка второго выглядывает голова Кузмы.

Сергей кричит, стараясь перекрыть грохот от взрывов ответного немецкого огня:

— На танки и уходим!

К танкам бегут всего лишь четверо: Мельниченко, раненый и поэтому прихрамывающий Рогальчук, незнакомый Андрею красноармеец и подгоняемый рычащим Ленгом оборванный эсэсман, нежно баюкающий на бегу правую руку.

И тут, как это бывает летом, внезапно опускается ночная тьма...

3 июля. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Слава богу, удалось в последний момент Андрея с того берега вытащить! Бл..., я уже всякую надежду потерял, когда мост подорвали. Думал — все, прощайте, товарищи и Андрюха тоже. Ну и рванул туда с Кузьмой на «плывунах», которые, по моей идее, техники пытались в подобие легкой разведывательной машины переделать. Сначала на левый фланг, где бой без бинокля видно было. Думал спасти всех, кто уцелел. Смогли четырех раненых бойцов спасти, да младшего этого, тезку моего, Олеговича. С трудом вернулись, в танк Кузьмы несколько пуль попало, вроде без последствий. Смотрю в бинокль, а бой на правом фланге еще продолжается. Опять рискнули, пока Колодяжный огнем оставшихся гаубиц руководил, отсекая заградительным огнем тот район от немцев. Добрались, я, как Андрея с Ленгом увидел, обрадовался. Ну, загрузились по-быстрому и назад. Но сколь ни делай из дерьма конфетку, оно дерьмом и остается. «Тридцать восьмой» Кузьмы затонул на обратном пути, хорошо, что у самого берега, никто не утонул. А на втором я гусеницу сорвал при въезде на берег. Не-е, на хрен, на хрен. Пусть немцы себе это счастье забирают и с ним мучаются. Так на берегу оставшийся и бросили...

Тут и приказ подоспел об отходе. Еще первого числа отданный. Да, при такой оперативности неудивительно, что немцы нас бьют. Эх, сколько же всего менять надо... и скольких жертв это будет стоить.

Так что опять отступаем. Сiju на своем привычном месте, рядом с люком, и руковожу Кузьмой, одновременно поглядывая на едущую впереди машину, в кузове которой примостился невозмутимо посасывающий свою трубочку Номоконов. Вот так же невозмутимо он вчера стрелял, устроившись в кустах у самой воды. Все же здорово нам повезло, что с ним встретились, отличный снайпер. А его шкурка барсука, на которой он сидит, уже массу подражаний вызвала. Сначала-то из-за этого «нарушения устава» к нему Скрипченко пытался прицепиться, но ему я популярно объяснил пользу подстилки для сбережения здоровья и, значит, боеспособности бойца. Потом сам демонстративно сделал «поджопник» из войлока, обшитого ледерином, и стал на нем сидеть на привалах. Теперь почти все бойцы щеголяют со свертками за поясом. Да еще и Елена помогла, лекцию о вреде переохлаждения и перегрева для мужских органов прочитала. В общем, внедрили кое-что из опыта будущего. Хотя народ здесь, конечно, поздоровее, чем в наше время, но береженого бог бережет...

Черт, опять мысли в сторону ушли. Все же непонятно одно, как помнится мне, Номоконов где-то на севере должен был воевать, да и призван был после начала войны, а не до. Неужели все же параллельный мир? Или мы своим появлением уже внесли возмущения в историю. Как в том сериале про суперменов из Москвы, «полководец проиграл все свои битвы, потому что неправильно провели церемонию его похорон»? Интересно, жаль только, все равно правду не узнать.

Так, чего там опять? Болото огибаем, ясно. Да, эти гаубицы здорово нас задерживают. Сто двадцать два, конечно, отличный калибр, но уж больно тяжелые орудия. Лошадей специальных надо, а те, которые у нас, еле тянут. И к машине не прицепишь, ход неподдрессоренный. Образец ноль девятого, мать его ети, года, модернизированный в тридцать седьмом. Как там во времена СССР писали? У немцев артиллерия образца восемнадцатого года, а у нас новейшие образцы? Этих бы писак сюда, «новейшие» образцы обслуживать, бл... Которые почти на три километра уступают в дальности стрельбы немецким и буксируются только лошадьми! Вот и войой в таких условиях. А потом удивляемся, что потери большие. При таком «превосходстве» в артиллерии РККА спасает только превосходство в количестве стволов.

Эх... Вот и у нас от двух батальонов снова практически две роты осталось. И опять «Рыжий» в одиночестве. Хорошо только, что весь экипаж «трешки» уцелел. Ничего, найдем

для них еще машину, не последний день воюем. Да, интересно, удастся хотя бы чуть-чуть ход войны поменять в нашу пользу, к начальству не пробиваясь. Я вон с Андреем по поводу его ночного разговора ругался, а когда узнал, что он еще и записку для Музыки Скрипченко надиктовал, то вообще офигел. Подставились же, думаю. Андрей же, наоборот, считает, что Музыка все это передаст куда надо. Рисковый, черт. Надеюсь, оправдается его прогноз, как и во многих других случаях раньше. Иначе сидеть нам где-нибудь взаперти и доказывать, что мы не верблюды...

Ну, вот светлеет, пора и оборону занимать. Помнится, что пятая армия успела благополучно и практически без боев отступить, но кто его знает.

— Кузьма, правее и треугольник! Стой!

Снарядов у нас уже нет, зато пулеметных патронов завались и броня. В случае чего давить будем...

«На фоне общего отхода войск фронта 5-я армия нанесла контрудар по северному флангу немецкого наступления. В журнале боевых действий группы армий „Юг“ эти бои были отражены записью: „1-я танковая группа встретила у реки Горынь упорную оборону противника и подверглась сильным контратакам его танковых частей. В течение сегодняшнего дня ей также не удалось выйти на оперативный простор“ 252.

Особого успеха достигли советские войска, выходящие из окружения. Несмотря на отсутствие документов, очевидно, что удар группы Мельниченко-Кравцова был неплохо согласован с наступлением частей 5-й армии. Уничтожение штаба и части сил 298-й пехотной дивизии, захват города и важного моста вызвали в штабах противника серьезное беспокойство. В Журнале боевых действий группы армий „Юг“ мы находим такую оценку возможностей советских войск на этом направлении: „Во время телефонного разговора с оперативным отделом группы армий начальник Генерального штаба сухопутных сил лично выразил озабоченность по поводу потери моста в Рожнице, возможного окружения 298-й пехотной дивизии и частей 3-го армейского моторизованного корпуса“.

В результате немецкое командование было вынуждено ввести в бой свой резерв — моторизованную бригаду „Лейбштандарт Адольф Гитлер“, которую первоначально планировали использовать для удара во фланг наступающему 22-му механизированному корпусу и развернуть с юга на север 44-ю пехотную дивизию. Эти действия облегчили выход из окружения группы Попеля и общий отход на восток 5-й и 6-й армий. Любопытно, что, недооценив силу обороны советских войск у Рожнице, эсэсовцы атаковали с ходу, в лоб, практически без разведки и понесли сравнительно тяжелые потери. В дневнике Гальдера встречается упоминание о жалобе Рейхенау на высокие потери эсэсовских войск. При этом в мемуарах командира разведывательного батальона „Лейбштандарт Адольф Гитлер“ отмечено общее убеждение, сложившееся в дивизии, о халатности и безграмотности армейских командиров, оставивших без прикрытия левый фланг наступающей танковой группы.

Алексей Исаев. От Дубно до Киева. М., 1997 г.»

3...4 июля. 1941 год. Украина

Днем отряд укрывался в лесу, отдыхая и проверяя технику. Единственное, что мешало отдыху, — непрерывно висящие в небе немецкие самолеты. Спасала от бомбежек только хорошая маскировка да присутствие других более заманчивых целей из отступающих колонн советских войск. Тем, похоже, доставалось изрядно. С командованием связаться не удалось, поэтому вечером колонна продолжила отступление по прежнему маршруту.

С наступлением сумерек немцы летать перестали, поэтому колонна двигалась с зажженными фарами. Ехали осторожно, Андрей и Сергей отлично помнили, что отступающие наши войска широко применяли заграждения и рвали мосты. Но или дороги были выбраны не те, на которых ждали немцев, или командование все же помнило про отступавший батальон Таругина и отряд, но никаких препятствий пока не попадалось. Зато вот немцам, идущим сзади, они точно встретились — два уцелевших сапера и несколько бойцов посообразительней, проинструктированные Сергеем, заседали полосу отступления немецкими же «теллерами», «шпрингминами» и растяжками из ручных гранат. Парочку встретившихся мостов тоже рванули, а на берегах с обеих сторон брода на берег поставили мины. Колонна шла не очень быстро, поэтому саперы отстать не боялись. Уверенности прибавлял и неторопливо грохочущий в хвосте колонны «Рыжий».

Так шли почти до рассвета, когда колонна остановилась на очередной развилке, не обозначенной ни на советских, ни на немецкой картах. Вперед выслали разведку во главе с младшим лейтенантом Сергеевым. Он тоже был контужен, но не так сильно, как Таругин, и, оклемавшись, принял под командование уцелевших в бою солдат батальона. Разведка вернулась неожиданно быстро.

— Там колонна... Наша, — доложил, сдерживая тошноту, Сергей Олегович. — Под бомбежку попала на открытом поле...

— Ясно. Что-нибудь полезное есть? — Голос Андрея Мельниченко невозмутим и холоден.

— Бойцы заметили пару автоцистерн, на вид целых, я лично видел целый БТ-7, брошенный, еще несколько танков, вроде поврежденных, стоит, ну и на убитых оружия много, можно попробовать собрать. — Сергеев уже опомнился и отвечал вполне спокойно.

— Так. Уже рассветает, — Андрей посмотрел на виднеющийся среди нависших ветвей кусочек неба, — не думаю, что немцы второй раз прилетят. Поэтому останавливаемся, маскируемся и собираем все, что можно. Лейтенанту Сергееву организовать похоронную команду. Все, приступаем.

Выставив охранение и наблюдателей за небом, отряд вместо отдыха приступил к работе. Все свободные от нарядов собирали останки красноармейцев, документы, оружие, осматривали технику, копали длинную общую могилу...

Работа, грязная, угнетающая и тяжелая, продолжалась почти весь день, с небольшим перерывом на обед. Ели солдаты неохотно, некоторые вообще отказывались от пищи. Подумав, Андрей приказал отложить марш на три часа, а для снятия стресса разлить по сто граммов разведенного спирта из трофейных запасов. Но даже и это не слишком подняло дух бойцов. Проходя по стоянке, Андрей только ругался себе под нос. Но вдруг откуда-то раздались странные, непривычные на войне звуки — гитарный перебор. Мельниченко резко развернулся и пошел на звук, заметив, что многие сидящие с усталыми, какими-то безнадежными лицами бойцы встrepенулись. Кое-кто начал подниматься и тоже потянулся к небольшому костерку, разведенному в яме около «Рыжего». У костра, изредка освещаемый его неверным светом, сидел Сергей, настраивая семиструнную гитару. Рядом пристроился гордый Семен, поглядывая на сидящую на той же коряге Елену. Вот еще один перебор, и, наконец, зазвучала песня. Красноармейцы переглядывались, слушая непривычную, чем-то незнакомую и в то же время хватающую за душу песню:

Отзвенели песни нашего полка.
Отстучали звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка,
Санитарка юная убита.

К костру понемногу подтягивались люди, и в ночной тишине, прерываемой лишь треском костра, щелчком сухой ветки под сапогом или криком птицы, слышалось:

Спите себе, братцы, все вернется вновь,
Все должно в природе повториться.
И слова, и пули, и любовь, и кровь.
Времени нельзя остановиться.

Прозвучали заключительные аккорды, все начали переглядываться, Кравцов, незаметно подошедший во время пения, уже собирался что-то сказать, когда гитара зазвучала вновь. Теперь мелодия была другой, хотя и по-прежнему печально-лирической:

Здесь птицы не поют, деревья не растут,
И только мы, плечом к плечу, вырастаем в землю тут.
Горит и кружится планета, над нашей Родиной дым.
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.
Одна на всех — мы за ценой не постоим.

Кое-кто из красноармейцев пытался подпевать, кто-то еще только слушал, но настроение уже менялось:

Нас ждет огонь смертельный, но все ж бессилён он,
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Наш танковый ударный батальон.
Наш танковый ударный батальон.

Последние слова подхватили уже многие, негромко, но с вызовом. Андрей стоял как на иголках, непрерывно оглядывая собравшихся и вслушиваясь в переделываемую на ходу Сергеем песню:

Едва огонь угас, звучит другой приказ,
И почтальон сойдет с ума, разыскивая нас.
Взлетает красная ракета, бьет пулемет, неутомим.
Так, значит, нам нужна одна победа.
Одна на всех — мы за ценой не постоим.
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна победа.
Одна на всех — мы за ценой не постоим.
Одна на всех — мы за ценой не постоим.

Последние слова подхватили уже практически все, и звучали они слитно, грозно и непреклонно, словно присяга. Андрей успел заметить, что их произнес даже стоявший до этого со слегка отстраненным лицом Скрипченко.

Еще через полчаса колонна, выросшая на три танка БТ-7 и несколько автомобилей, отправилась дальше на восток. Только настроение бойцов было уже другое.

5 июля. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

И опять пыль, пыль, пыль от сапог, копыт, колес и гусениц. Отступаем, догоняем своих... Вовремя вчера Семен у Елены про гитару узнал. А то настроение в отряде вообще на нуле было. Пришлось мне юность офицерскую вспоминать, когда гитарой баловался. Вот только свое настроение не сумел поднять... что-то у меня предчувствия хреновые. И дизелек

на «Рыжем» менять пора, и с Музыкой этим, да и особист дивизионный что-то слишком вежливый...

Эх, сейчас вздремнуть бы часиков ...дцать на каждый глазок, проснуться и обнаружить себя дома, рядом с мурлыкающей Муркой и работающим телевизором. И знать, что все это приснилось...

Нет, пожалуй, тогда еще обидней будет. Знать, что ты на самом деле не смог спасти своих соотечественников, что все это — сон и дешевые понты. Не-е-е, пусть лучше все продолжается. Может, удастся хоть чем-то помочь Родине. Эх, иметь бы те чудесные способности, как в книгах. Раз — ты принят Сталиным, два — и ты уже показываешь, как построить атомную бомбу, реактивный самолет и компьютер, три — и ты уже даешь умные советы, типа айне колонне марширт, цвайте колонне марширт... А главное — при всем при том никто тебя никуда не прячет, выпускают погулять и травки пощипать на свободе... Идиллия... Только вот, по-моему, ничего общего с действительностью не имеющая...

— Кузьма, стой!

— Что там, тарщ военинженер?

— Сигнал остановки прошел... Сейчас узнаем. Так, я пошел. Колодяжный — старший.

И что мы опять имеем? Похоже, делегат связи. А что принес сей деле-гад, сейчас узнаем.

— Сбор командиров! — объявляет Андрей и тут же дает мне почитать полученный приказ. Аффигеть. Такого я не ожидал... Как будут говорить на форумах в Инете, рояль... Да еще и бронированный...

— Товарищи командиры. Мною получен приказ командующего Пятой армией генерала Потапова. В связи с гибелью во время немецкой бомбардировки штаба двести пятнадцатой моторизованной дивизии часть ее сил, отступающая в нашем направлении, в составе сводного танкового батальона, артиллерийских и мотострелковых подразделений временно подчиняется батальонному комиссару Кравцову. Который, в свою очередь, остается моим заместителем по сводному отряду. По данным командования, подчиненные части находятся в полупереходе от нас южнее и в настоящее время боев с немцами не ведут. Поэтому приказываю: делаем техобслуживание техники в течение получаса, затем движемся до развилки дорог на триста четырнадцать километров и сворачиваем на юг. Марш совершаем в прежнем порядке, с разведкой впереди. Поскольку, возможно, придется двигаться днем — подготовить зенитки к быстрому развертыванию. Всем ясно? Разойдись. А вас, товарищ военинженер, попрошу остаться...

— Есть! — отвечаю бодро, а сам размышляю, что еще надумал Андрей.

— Сергей, тут такое дело... Что-то мне приказ этот не нравится. Кажется мне, что либо в нас поверили, непонятно почему, одного разгромленного штаба маловато, либо подстава для нас. Берешь лучший БТ, полуторку, пяток наших проверенных стрелков и пулемет — мчишься туда, приказ тебе сейчас Скрипченко выпишет. Все разумеешь, связь наладишь... Действуй по обстановке, короче. А пока — организуй техобслуживание «Рыжего» и настропали Сему — пусть добьется связи хотя бы с дивизией. Не отпустим же мы оставшихся бойцов с Сергеем Олеговичем одних. Надо добиться их подчинения нам. Да, и еще, — добавляет Андрей, осмотревшись, — ты про Новоград-Волынский укрепленный район помнишь? Хорошо бы успеть.

— Знаешь, что меня с первых дней в армии убивает? Этот вот приказ — действуй по обстановке... Щазз, буду действовать против обстановки. Ну ладно, готовь приказ, я пошел. А успеть — постараемся. По расчету времени как раз к утру должны подойти. Не считая неизбежных на войне случайностей.

Ну, собрались... Вот и Номоконов так же невозмутимо трубочку курит у полуторки. Эх, одно плохо! Ну и зачем Кравцов-то с нами увязался? В лицо его кто-нибудь знает? Вряд ли. Но теперь все, Андрея он уговорил, придется брать с собой.

— Едем, товарищи! Вперед!

Эх, дороги...

5 июля. 1941 год. Украина

Часовой, красноармеец Петр Куликов, охранявший расположение сводного батальона майора Сидкова на посту у дороги, за прошедшее с начала войны время уже успел столкнуться с немецкими диверсантами, одетыми в советскую форму, поэтому на неожиданное появление бэтэшки с северо-запада прореагировал однозначно, выстрелив в сторону танка из винтовки. Сразу после выстрела он быстро нырнул в кусты и начал лихорадочно вытягивать из противогазной сумки спрятанную в ней противотанковую гранату. Как назло, эрпэгэшка в чем-то запуталась, и Петр никак не мог с ней справиться. Похоже, поэтому он и не заметил, как сзади к нему осторожно подобрался двое — невысокий, но мускулистый, похожий на самбиста, подвижный, как ртуть, младший лейтенант с пистолетом-пулеметом и пожилой, невозмутимый нерусского вида боец со снайперской винтовкой. «Младшой» сказал, заставив бойца подскочить от неожиданности:

— А вот стрелять не надо, товарищ, свои мы. Были бы немцы, так пока ты в сумке возишься, винтовку бросив, тебя уже сотню раз убили... И нечего за оружие хвататься... Свои, отряд батальонного комиссара Кравцова.

Появление начальника караула с дежурным взводом остановило Петра, уже собравшегося броситься в безнадежную атаку на автомат с голыми руками. Увидев, что начальник здоровается с младшим лейтенантом за руку, а боец-северянин с невозмутимым видом достает короткую, со странным орнаментом в виде точек трубку и начинает неспешно ее раскуривать, Куликов как-то вдруг успокоился и с отрешенным видом встал по стойке «смирно». Сменив его с поста, начальник караула вместе с подошедшими батальонным комиссаром, военинженером, дежурным взводом и несколькими прибывшими бойцами направился в глубь стоянки, к стоящей под прикрытием деревьев палатке.

— ... Что-то у вас бойцы такие нервные, на своих бросаются? — спросил, окидывая лагерь взглядом, батальонный комиссар у начальника караула.

— Будешь нервным. Вы что, с немецкими диверсантами еще не сталкивались? — ответил ему начкар.

— Пока нет, а вы уже?..

— Да, вот у моего бойца на глазах они машину с нашими расстреляли. И собрались-то мы здесь из-за них. У нас тут сборная команда из нескольких дивизий образовалась, диверсанты под видом наших регулировщиков всех на одну дорогу направляли. Если бы не группа танков КВ из 41-й танковой, вообще бы всех расстреляли. А так мы от них с трудом, но отбились.

— Понятно, — говорит уже военинженер, — «Бранденбург», есть у них такой полк. Немцы, из тех, что в Союзе раньше жили, белогвардейцы, националисты украинские. Слышали, но сталкиваться пока не приходилось.

Военинженер, как и батальонный комиссар, внимательно разглядывает стоянку батальона. Видно, увиденное ему не очень нравится, идущий сбоку Петр замечает мелькающую на его лице недовольную гримасу. Но вслух своего недовольства военинженер не высказывал, а подойдя к палатке, вообще выглядел самым веселым из всех присутствующих. Похоже, его очень обрадовала увиденная стоянка танкистов. Да, там было на что посмотреть. Среди восьмерки Т-26 мастодонтами торчали пять КВ, два «первых» и три «двойки». Рядышком с ними стояли еще три необычных, бросающихся в глаза машины — Т-26СУ-5-2 с рубками в задней части корпуса, из которых торчали короткие гаубичные стволы. Увидев их, военинженер даже тихонько присвистнул, и глаза его стали как у наевшегося сметаны кота.

У палатки прибывших уже ждали. Впереди группы командиров стоял молодой, подтянутый майор-танкист в новеньком, с иголки комбинезоне и потрепанной фуражке.

— Майор Сидков Владимир Петрович, — представился он, поздоровался с

приехавшими и представил им остальных, среди которых были командиры различных подразделений двести пятнадцатой моторизованной и сорок первой танковой дивизий.

— Товарищи командиры! Я принял командование вашими частями согласно приказу командующего армией, — Кравцов стремится сразу описать истинное положение дел, — но я — заместитель командира сводного отряда, капитана Мельниченко. Он и будет командовать. А я буду помогать ему в политико-воспитательной работе. Поэтому сейчас мы с политруком товарищем Гогишвили обойдем стоянку и побеседуем с личным составом, а совещание продолжит заместитель командира отряда военинженер второго ранга Иванов. Продолжайте, товарищ военинженер.

Сергей встал и, внимательно осмотрев присутствующих, задал неожиданный вопрос:

— Товарищи командиры, а полевые кухни у вас есть? — И, дождавшись утвердительного ответа, продолжил: — А почему тогда у вас бойцы сухари жуют и даже кое-где костры палят? Первое, что необходимо, — накормить горячим обедом. Продукты достать, реквизировать, найти — но накормить. Подразделения без кухонь — поставить на довольствие туда, где они есть. Понятно? Второе... Вы как, под бомбежками еще не бывали? Уже были? Так какого х..., извините за выражение, техника практически не замаскированная стоит, бойцы толпами по стоянке бродят?! Срочно выделить группы людей под командой толковых лейтенантов, после совещания лично проинструктирую. Третье — я так понимаю, что у вас общего списка личного состава нет? Поэтому начальнику штаба батальона собрать сведения о личном составе, вооружении и материальных запасах и предоставить мне. Через... через полтора часа. Так, все, кроме майора Сидкова, свободны.

Когда остальные командиры разошлись, два танкиста завели свой, понятный только танкистам разговор о масле, бензине, соляре, газойле, регламенте и техобслуживании и прочих заклепках, гайках и параметрах, интересных каждому профессионалу. Разговор на интересные и любимые обоими темы пришлось быстро свернуть, у палатки уже строились первые подошедшие группы бойцов.

— ...и еще, товарищ военинженер, я смотрю, вы на мой новенький комбез поглядываете, — закончил разговор Сидков, — увы, старый обгорел до тряпок.

— Подождите-ка. А вы, что же, не обгорели? — недоуменно спросил Сергей.

— Ерунда. По дедовскому рецепту присыпал порохом, уже и не болит.

— Ладно. Пока выполняйте мои приказания. Подъедут наши — фельдшер посмотрит, ерунда или нет. Все, идемте.

Короткий инструктаж, на что так рассчитывал Сергей, затянулся надолго. Затем еще некоторое время заготавливали материалы, перегоняли с места на место технику. В результате маскировку стоянки закончили как раз к прибытию основной части отряда.

Потом было короткое построение, уже привычная переформировка, отдых — и в дорогу.

«Эх, дороги, пыль да туман...» Опять неспешно, но неуклонно ползет на юго-восток змея из танков, автомобилей, лошадей и орудий, опять сидит на привычном уже месте Сергей, оглядывая местность. Опять грохочет дизель «Рыжего» и шлепают по грунту его гусеницы. Только теперь этот грохот не одинок, несколько сородичей добавляют свои нотки в общую песню. С удивлением вглядываются в непонятно взволнованных командиров бойцы, а через некоторое время разносится по колонне предчувствие большого и тяжелого боя.

«Воздух! Сов. Секретно. Штаб ЮЗФ т.т. Кирпонос, Пуркаев.

Радиоразведкой мехотряда Мельниченко выявлено наличие немецких частей районе Полонное. Наиболее вероятным направлением атаки этих частей итарм 5 считает Новый Мирополь. Принял решение усилить оборону 199 С(трелковой) Д(ивизии) отрядом Мельниченко до подхода частей 37 С(трелкового) К(орпуса).

Потанов».

6 июля. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Наконец-то у нас в руках приличная сила — целый полк. Танковый батальон, мотострелковый батальон, артдивизион, разведывательная рота, связисты, тыл — эх, теперь мы можем немцам кузькину мать показать, маленькую, но потяжелее, чем хрущевский ботинок. Мы еще и снарядами у артиллеристов разжились, теперь «Рыжий» опять готов повоевать. Танков у нас не меньше, чем сейчас в некоторых дивизиях, жаль, конечно, что в основном «двадцать шестые», но и с ними умеючи дел наворотить можно. Ремонтники выложились до предела и привели все танки в относительный порядок. Молодец Нечипорук все-таки. Такую команду сколотил, и заводской бригаде не уступит.

А бардак все же в начале войны знатный был... есть. Оказывается, два КВ-1 вообще из девятнадцатого мехкорпуса. Отстали из-за поломок, потом уходили от немцев и попали к нам. Ведь не бросили, нашли и газойль, и масло, отремонтировались и, несмотря ни на что, вышли на танках. Про них можно книгу целую писать. А сколько таких, безвестных, выполняющих свой долг просто и честно, как работу, и не видящих в том ничего героического. Бл..., как вспомню, что потом про них будут всякие уе... в Сети писать, автомат сразу в руки просится.

Так, злость — советчик в бою плохой, надо успокоиться и подумать. Благо, Кузьма уже неплохо сам справляется. Солдат в бою думать не должен, думать надо до боя, как говорил капитан Копылов. Где моя карта? Ага, вот. Тэк-с, примерно здесь наши укрепрайоны, если правильно помню. Рядом с железнодорожным мостом, по вот этим холмам... Хорошо, что в Инете про этот бой сайт попадался. Украинский, точно. Там еще даты, по-моему, попутаны были. Забыл, казалось, напрочь, а смотри-ка, вспомнилось. Ладно, к делу.

Выбили наших окончательно утром, и сто девяносто девятая дивизия дружно рванула в бега. Помнится, по полсотне километров в день делали, их потом аж за триста камэ с трудом нашли. А пулеметный батальон один все же держался еще почти день. Немцы потом писали, что, мол, не наступали потому, что подкрепления себе до седьмого числа ждали. Точно. Ждали, ждали и дождались... Ничего, если все нормально будет, дождутся, только не они.

Итак, первая группа, под командой майора Сидкова, примерно отсюда атакует, вот тут дорога удачно вдоль рощи идет, а я с основной группой правее, почти вдоль берега. Так, овраг этот учесть надо будет, объезжать только распадком, иначе вполне можно борта под пушки подставить. В этой вот рощице, думаю, наверняка немецкие позиции будут. Помнится, они к утру только первую линию дотов взяли. А проходит она примерно здесь, по холмам. Ага, тогда так. Здесь, за рощей, поставим батарею шестидюймовок, а в этом лесочке — батарею легких гаубиц. Вторая здесь, прямо за оврагом, вместе с самоходками меня будет поддерживать. Наблюдательные пункты можно будет здесь и здесь разместить, связь телефонами протянем. Ничего, вроде получается. Подсекаем немцев с правого фланга и разрушаем мост. Тут разведывательная рота, с участием Кравцова, полками дивизии займется. Связи у них со штабом дивизии не было, так что спокойно их себе подчиняем. Чтоб не сбегли и нас одних не оставили. Надо на большом привале с Андреем обкатать. Интересно, немецкая карта сильно врет? Хотя вроде и наши не лучше, по съемкам чуть ли не дореволюционным сделаны. Ладно, на месте подкорректируем. Все равно расположение наших и немцев по памяти рисовал. Эх, нам разведку воздушную, снимков парочку... А еще апельсинового сока, ватерклозет теплый и мобильную связь со штабом... Размечтался, е...ть. Ага, вот и сигнал к большому привалу.

— Кузьма, про масло не забудь. И остальным напomini! Сема, как твоя новая бандура? Закончил? Надежда есть?

— Ну, не знаю как передачу, а прием наглухо забьет. И авиационные частоты тоже. Так что точно наводить с земли у немцев не выйдет.

— Вот и ладушки. Глядишь, нам проще будет. Не забыть проинструктировать

командиров про сигнализацию ракетами, если немецкая авиация появится... Товарищ командир, разрешите? Вот наметки появились кое-какие на предстоящее...

Разговор с Андреем не затянулся, он, оказывается, примерно то же придумал. Отличненько, посадил Скрипченко писать боевой приказ, потом быстро на месте подправим. А народ устал. Наши еще более-менее держатся, но вот новенькие...

И опять вперед! Судя по расчету времени, успеваем. Только бы все машины дотянули до места без поломок. Ну вот, похоже, накаркал.

— Что там, майор?

— Двести третий сломался! Двигатель заклинил, кажется.

— Тэк-с, ремонтировать некогда, тащить нечем. Разгружайте быстро снаряды и патроны на пятьдесят шестой грузовик, остатки топлива по возможности слить, что можно — быстро снять, а после прохода остальной колонны танк сжечь!

— Есть!

Вот и стали мы на танк слабей. Ладно, старый Т-26, а если бы КВ? Хоть вешайся. Ни запчастей, ни возможности эвакуировать для ремонта. Тягач трофейный тоже орудие тянет, да еще и прицеп с боеприпасами. Как уж водила с этой импровизированной связкой управляется — не знаю. Самому было бы страшно за рычаги садиться. А уж КВ нагружать прицепами, с такими мехводами — упаси господи. Останемся без нашей основной ударной силы.

Вот и прибыли. Хотя времени-то в обрез, уже светает, скоро немцы начнут. Ну, сходим на рекогносцировочку, пока разведчики поближе немцев пощупают.

6 июля. 1941 год. Украина. Район Нового Мирополя

Вставшее солнце осветило холмы и равнину по берегу реки Случь. Его лучи скользили по водам реки и солнечными зайчиками отскакивали от зеркал автомобилей, скопившихся за мостом. Просыпавшиеся немецкие пехотинцы и танкисты умывались, завтракали, подгоняемые командами офицеров, осматривали оружие и технику. Вот первая колонна автомобилей собралась и двинулась через мост на восточный берег реки, на котором постепенно разгоралась перестрелка. Передовой отряд одиннадцатой панцердивизии уже продолжил вчерашний бой, стремясь снова сбить отошедшие стрелковые части русских с поспешно занятых вечером позиций. В ответ раздались первые выстрелы винтовок и пулеметов, рванули разрывы первых артиллерийских залпов. Бой разгорался, стреляя и дымя, как костер, в который добавили сушняка вперемешку с зелеными ветками.

В это время в укреплении, скрытом в холме недалеко от моста, гарнизон готовился к последнему бою. Пехота, которая должна была прикрывать промежутки между дотами, вчера отступила после первого же выстрела, поэтому немецкие саперы ночью пробрались в промежутки между дотами и уже пытались прорваться через входную потерну. Огонь двух ручных пулеметов из противотанковых амбразур остудил их порыв, но тем временем другие группы немцев добрались по вершине холма к основным пулеметным амбразурам и заклинили их бронезаслонки, подорвав ручными гранатами. Предназначенные для защиты тыла доты молчали, хотя их пулеметный огонь мог бы мигом смести немцев с холма. Что с ними случилось, гарнизон укрепления мог только гадать.

Тем временем немецкие саперы нашли броневую крышку шахты перископа и, подорвав ее ручной гранатой, старательно заливали в образовавшуюся дыру бензин из подносимых канистр. В воздухе подземелья тонкой явственной струйкой расплывался запах бензина. Младший лейтенант Яков Кардаш не торопясь чистил единственную, неведомо какой ошибкой снабженцев попавшую в батальон автоматическую винтовку АВС-36. Собрав ее и зарядив, он осмотрелся и заметил, что Бойко, крепкий немолодой украинец, деревенский кузнец родом из-под Жмеринки, куда-то исчез, прихватив все готовые к бою ручные гранаты. Позвав с собой бойца с ручным пулеметом, Яков вышел в коридор. Пройдя по нему

к запасному выходу, Кардаш обнаружил, что Бойко ломиком сломал крепление противоштурмовой решетки и выбрался через потерну. Немецкие саперы, увлеченные своим делом, не заметили ползущую в высокой траве одинокую фигуру, и, подобравшись поближе, Бойко закидал их гранатами. Саперы попадали, убитые или раненые, вспыхнул бензин в одной из канистр. Несколько уцелевших немцев и подъехавшие к холму пехотинцы пытались подстрелить убежавшего Бойко, но спрятались от ответного огня из ручного пулемета и автоматической винтовки. Прикрытый огнем, Бойко добежал до потерны, и все трое, опять закрыв решетку и закрепив ее тем же ломиком, вернулись в укрепление. Винтовку, заклинившую после второй очереди, Кардаш бросил прямо в коридоре. Гарнизон рассчитанного на сто тридцать человек укрепления состоял всего из пятидесяти восьми, так что оружия и боеприпасов хватало. Увы, из-за непродуманной конструкции укрепления все эти запасы в один момент стали не нужны.

— Что будем делать? Полевые войска отошли и мы остались, как мышки в норках. — Вопрос младшего лейтенанта был риторическим, сделать что-нибудь люди, закрытые в укреплении с заклепанными бойницами и пушками, глядящими в чистое поле, не могли ничего. Но вопрос прозвучал, и командир старший лейтенант Чернявский ответил:

— Держимся до подхода подкреплений.

«А будут ли они?» — подумал Кардаш. В этот момент в воздухе появился запах дыма. Как оказалось, немецкие саперы нашли выходы вентиляционных шахт, защищенные всего лишь бетонными кубами с отверстиями, и теперь, залив в них бензин, подожгли его. Дым, постепенно густея, растекался по укреплениям, вытесняя свежий воздух и затрудняя дыхание. Кардаш предложил еще раз выбраться из потерны и попробовать отогнать немцев от вентиляционных шахт, но тут же сам отказался от этой мысли. Кубы воздухозаборных шахт располагались слишком далеко, на самой вершине холма, и добраться до них, тем более что немцы теперь наверняка охраняли выходы, не смогли бы даже самоубийцы.

Пока еще дым стелился под потолком и все садились на пол, стремясь хоть немного подышать и спасти от разъедающего дыма глаза. Отчаяние понемногу овладевало людьми, державшимися пока лишь надеждой на подмогу. Теперь никто не мог даже оглядеть окрестности, дым не давал выпрямиться во весь рост, не то чтобы открыть заслонку наблюдательной амбразуры. Вдруг сидящие на полу почувствовали легкую вибрацию, похоже, от взрывов крупнокалиберной артиллерии прямо на вершине холма. Через некоторое время дым начал редеть. Старший лейтенант Чернявский поднялся в командный пункт, как только дым немного рассеялся, и сразу же вернулся обратно. На его лице недоверие смешивалось с радостью.

— Наши атакуют! Танки и пехота, — срывающимся от волнения голосом сообщил он. — Приказываю младшему лейтенанту Кардашу взять одного бойца и попытаться связаться с атакующими. Выход через тридцать минут.

Но их опередили, несколько бойцов во главе с сержантом появились у капонира минут через десять. Помахав красным флажком, трое из них вошли в потерну, куда уже вышел замполит гарнизона.

— Сержант Басков, Георгий Иванович, сводный танковый полк, — представился, откозыряв, прибывший.

— Политрук Макаров, Степан Васильевич, — ответно представился замполит.

— У меня для вас пакет от командира сводного полка капитана Мельниченко, — произнес сержант, доставая и передавая пакет, адресованный старшему лейтенанту Чернявскому или политруку Макарову. Взяв пакет, Макаров пригласил сержанта следовать за собой, но тот отказался, сказав, что у него другая задача — организовать полевую оборону около укрепления.

Вскрыв пакет, Чернявский и Макаров нашли в нем выписку из приказа командующего армией о подчинении сил УР командиру сводного полка и распоряжение капитана Мельниченко о восстановлении боевых возможностей дотов и организации совместной обороны.

Интересный факт проскочил мимо внимания прочитавших и услышавших приказ, вытесненный из сознания срочными и неотложными делами, в нем практически точно перечислялись все повреждения, полученные укреплением. Яков Семенович Кардаш, описывая в своих мемуарах эти бои, вспомнил и этот факт, но редактор вычеркнул это предложение, посчитав обычной ошибкой. Он-то точно знал, что командир сводного полка Мельниченко никак не мог узнать о повреждениях укрепления, находясь от него в нескольких десятках километров.

6 июля. 1941 год. Украина. Район Нового Мирополя

Немецкая одиннадцатая танковая дивизия первой из всей Первой танковой группы вышла к «линии Сталина» и практически прорвала ее. Командир дивизии уже донес наверх об успешном захвате железнодорожного моста и плацдарма у Нового Мирополя. Теперь осталось уничтожить устаревшие и лишенные пехотного прикрытия доты, а кампфгруппа «Ангерн» тем временем добьет остатки сопротивляющихся русских и вырвется на оперативный простор. Первые донесения окончательно убедили Людвига Крювеля, что все идет по плану, когда внезапно непонятные помехи полностью прервали радиосвязь.

Начальник левого бокового дозора кампфгруппы «Ангерн» заметил советские танки на берегу реки и сразу попытался сообщить о них в штаб, но радист так и не смог наладить связь. Мешали неожиданно и неизвестно откуда появившиеся сильные помехи. Бронеавтомобили дозора поспешно разворачивались, собираясь ускользнуть от неторопливо ползущих танков, но было уже поздно. Русские перехитрили, пока немцы внимательно рассматривали в бинокли нагло пылящие по дороге танки, передовой русский отряд вместе с бэтэшкой и буксируемой лошадью сорокапяткой обошли дозор, прикрываясь холмами и рощицей. Внезапно открытый с пятисот метров огонь застал немцев врасплох. Из трех бронеавтомобилей дозора лишь один успел полностью развернуться и избежал печальной участи двух других, застывших от попаданий бронебойных снарядов в борта и корму.

Сержант Рогальчук смотрел вслед удирающему в клубах пыли немецкому броневнику, думая, что новый расчет не хуже товарищей, погибших под Рожище, и что из всех бойцов, с которыми он начал войну, остался лишь подносчик. Долго ли придется воевать с этим расчетом, бог весть. Посмотрев на веселые лица молодых отслуживших всего по году парней, Рогальчук печально вздохнул про себя. Сколько их уцелеет до Победы? А что она будет непременно нашей, сержант не сомневался, особенно после боев под Рожище. И он был твердо уверен, что обязательно доживет до Победы.

— Сварачиваемся! — скомандовал он. Пора было перемещаться на новую позицию, вслед за ушедшим вперед разведывательным взводом. Вместе с расчетом сорокапятки вперед двинулись танк и группа управления гаубичной батареи.

Через несколько минут рядом с подбитыми бронеавтомобилями появилась тройка тяжелых танков КВ, за которыми пылили два Т-26 и три самоходки. За самоходками несколько грузовиков везли мотострелков. В оставшейся за спинами разворачивающегося отряда роще уже занимали позиции, вырубая мешающие стрельбе деревья и вбивая в податливую лесную почву сошники, артиллеристы, готовя к стрельбе свои тяжелые и легкие гаубицы. Не успел уцелевший броневик донести об атакующих русских, как на немецких позициях выросли первые кусты разрывов. Пока артиллеристы пристреливались, немецкие командиры пытались как-то отреагировать на внезапное изменение обстановки. Но, как любит говорить молодежь начала двадцать первого века, шазз. Любая армия мира при внезапном нападении выглядит похожей на человека, получившего удар по голове дубиной из-за угла. И естественное в таком случае замешательство усугубилось еще одним неожиданным обстоятельством. Легко побеждать в маневренном бою не успевающего отреагировать противника, если у тебя неплохая радиосвязь, а он пользуется только посыльными да скверного качества полевыми телефонами. Но если радио вдруг забито

сплошным воем помех, телефонный кабель еще надо протянуть и время поджигает, то остаются только посыльные. Да, те самые обычные солдаты или максимум ефрейторы, которые должны под неприятельским огнем донести мудрые начальственные распоряжения до исполнителей. Только не всем посыльным так везет, как некоему Адольфу, пробежавшему по окопам Первой мировой всю войну. Особенно если противник заранее подготовился и его снайперы, получившие несколько уроков охотничьей маскировки от Номоконова и Мельниченко, так и выглядывают мелькающие среди разрывов целеустремленные фигуры в «фельдграу».

Все шло практически по задумкам, только вот со связью творилось черт знает что. Андрей Мельниченко, наблюдая в бинокль за движением своих танков, матерился вполголоса. Новый агрегат Семы работал слишком успешно, а телефонные линии связисты за танками, естественно, протянуть не успевали. Несколько мотоциклистов и конных посыльных уже были в разгоне, а сейчас требовалось срочно передать Сидкову, чтобы он сменил направление атаки на более южное. Черт, что делать? Хоть Скрипченко посылай. А почему бы и нет?

— Юрий Семенович, вы вроде говорили, что машиной управлять можете?

— Так точно, могу. Что случилось?

— Берите пикап, срочно к отряду Сидкова. Передайте — атаковать в направлении высоты сто двадцать два. Возьмите для охраны бойца. Давайте, скорее...

— Есть!

«Ну вот, пока Скрипченко добирается, немцы контратаковали. Черт возьми, даже один танк подбили! А наши стрелки залегли и от танков оторвались. Полжизни за связь. Черт, приказать выключить Семе его бандуру». Пока Андрей обдумывал ситуацию, немцев внезапно атаковали с левого фланга два КВ. Неуязвимые для немецких «колотушек», они расстреливали их и пехоту, а попытки подобраться к ним пресекли несколько троек стрелков с самозарядками. Не зря Андрей и Сергей гоняли своих подчиненных. Жаль, что с новичками не удалось занятий провести, а инструктаж в бою быстро забывается. Вот и еще один урок — обязательные тренировки в любой момент, в любых условиях. Иначе так и будут неоправданные потери.

«Кстати, где же Скрипченко?» — не успел Андрей додумать, как в бинокле появилась горящая автомашина, около которой несколько бойцов кого-то тащили в сторону. «Неужели Скрипченко, неужели...» — мелькает мысль, тут же сменяясь другой. Бой скоротечен, и некогда горевать, надо принимать решения и снова отправлять людей под пули, звонить по уже проложенному кабелю, посылать связистов прокладывать новый или чинить перебитый и принимать решения со скоростью шахматного робота. А положение меняется каждую секунду. Понесся потери, избегаемые огнем практически неуязвимых для их орудий КВ, расстреливаемых огнем легких танков и артиллерии, под градом пуль старающихся не отстать мотострелков, немцы не бегут и не паникуют, а разворачиваются и наносят контрудар, стараясь прорваться к мосту. Впереди идут уцелевшие танки, «четверки» и «тройки», стреляя с коротких остановок.

Кажется, что у них ничего не получается, еще немного, незначительное усилие — и русские добьются своего, но нет, напор немцев слишком силен, вот уже горит несколько легких танков, застывает, получив попадание в гусеницу, один КВ, снаряд повреждает пушку на другом. И тут в атаку переходит только что отступавшая, практически бежавшая русская пехота. Атаку поддерживают огнем несколько орудий, вместе с цепями движутся всего лишь два БТ, тройка уцелевших пушечных бронеавтомобилей да парочка пулеметных плавающих танков. Но эта атака решает все. Немцы, бросая орудия и пулеметы, в последнем усилии прорываются к мосту и отступают по нему на западный берег реки.

Несколько появившихся над полем боя «Юнкерсов» ходят некоторое время кругами над полем боя, и все, кто их видит, пускают в небо разноцветные ракеты. Связи по радио нет, не получив целеуказаний, они улетают восточнее, пытаясь атаковать меняющую позиции артиллерию стрелковой дивизии. Попадая под огонь русских зениток, стоявших в том же

районе, они поспешно и неприцельно избавляются от бомбового груза и убегают на запад.

И в этот финальный момент боя идущий в центре строя тяжелый и, казалось, абсолютно неуязвимый КВ-2 вздрагивает от попадания тяжелого снаряда.

6 июля. 1941 год. Москва

Несмотря на большие размеры, кабинет был по-рабочему уютен. Чувствовалось, что хозяин проводит в нем очень много времени. Большой Т-образный стол для совещаний, затянутый неизменным зеленым сукном, с приставленными невзрачными, но удобными стульями, несколько полукресел работы Гамбса, прославленного романом Ильфа и Петрова, одно из которых в данный момент занимал сам хозяин, а остальные располагались у стены и небольшого столика в углу, кожаный потертый диванчик и прикрытая занавесью дверь в комнату отдыха. Книжные шкафы и полки, уставленные солидными томами и небольшими брошюрами, намекали на научную деятельность, и лишь обилие телефонов, стоящих на столе, карта СССР на одной из стен и бросающаяся в глаза своим серо-стальным переплетом серия книг «Библиотека командира» опровергали это мнение, а если знать, что кабинет расположен в бывшем здании дореволюционной страховой компании на площади Дзержинского, то и вообще превращали это мнение в полную фикцию.

Дверь кабинета приоткрылась, и заглянувший в нее человек доложил:

— К вам Мурашов.

Просматривавший до того какие-то бумаги в толстой папке с картонным переплетом хозяин поднял голову и сказал:

— Конечно, пропускайте.

Дверь открылась полностью, и в нее вошел капитан НКВД, в котором посторонний зритель с удивлением опознал бы милиционера Музыку.

Сделав несколько шагов, посетитель вытянулся по стойке «смирно» и доложил:

— Капитан Мурашов по вашему приказанию прибыл!

Вставший со стула хозяин приветливо сказал: «Здравствуйте! Зачем же так официально?» — и протянул для рукопожатия руку. После чего добавил: «Садитесь». Была ли приветливость напускной или подлинной, не смог бы сказать ни один внешний наблюдатель. Впрочем, для политиков, особенно такого ранга, умение натурально «бутафорить» жизненно необходимо, а у некоторых настолько проникает в плоть и кровь, что даже вытесняет саму натуру. Но возможно, что на этот раз радость от встречи была искренней. Все же личный порученец и старый знакомый, еще с кавказских времен...

— Прочел я вашу докладную. Вы с материалами по Западному фронту уже ознакомились? — Дождавшись утвердительного кивка, хозяин кабинета продолжил: — Да, похоже, все же головку-то мы срубили, но корни остались. И глубокие корешки, сумевшие даже оговорить невиновных. А на фронте... Неужели все так плохо?

— Так точно.

— Ну, что-то вы совсем по-старорежимному...

— ЭТИ научили, Лаврентий Павлович.

— ЭТИ? — И гость, и хозяин явно выделяли это слово в разговоре. — Да, интересная группа... Но я так и не понял, как вы сами ко всему этому относитесь. Все-таки глубокое внедрение или необычные способности и высокий интеллектуальный уровень?

Хозяин, имевший хорошее образование, умело использовал научные термины и «высокий штиль», хотя неплохо владел и командно-матерным языком. Но им он разговаривал только с теми, кто этого заслуживал или до кого иначе мысль донести было нельзя.

— Сам не пойму. «Мутные» они какие-то, — смущенно (еще бы, для его-то уровня признаться в неспособности решить загадку!) отвечал гость.

— Как, как? Мутные? — Хозяин кабинета встал и быстрым шагом прошелся по

кабинету, отсвечивая стеклышками пенсне в солнечных лучах, падающих из окна. — Мутные...

— Это из ИХ словечек.

— Хорошо сказано. Мутные... Простой и честный человек чист и прозрачен, как стекло без примеси или вода в роднике. Хорошо... Надо будет товарищу Сталину сказать... А мутные... Воют-то они неплохо?

— Так точно. Даже отлично.

— Ну вот, а это сейчас самое главное, — улыбнулся Берия. — Тут армейцы решили сначала их под арест подвести. Мне удалось договориться, чтобы начальником Особого отдела к ним нашего человека поставили. Ну, раз вы на них вышли — вам это дело и курировать. Подберите хороших сотрудников, наладьте полное освещение обстановки в части и их действий. Так что мы всю их муть через фильтр пропустим и разясним. Будут прозрачные. Понятно?

— Да. Понятно, — приподнялся гость.

— Раз понятно, действуйте. А я попробую ваши соображения... вернее, ИХ, довести до товарища Сталина. Работайте, Юрий Владимирович. Успеха...

— Есть!

Гость встал и, пожав руку наркому, четким строевым шагом вышел из кабинета. А хозяин уже читал следующий документ, не менее важный и требующий таких же быстрых и правильных решений.

7 июля. 1941 год. Кировская область. Лаготделение «Лесное»

«Нет, Москве точно делать нечего. Мало того что с началом войны увеличили выработку, ухудшилось снабжение и часть вольнонаемных забрали, еще и головоломки подкидывают. Ну кого из тех, кто здесь до революции жил, найдешь?

Кто в город уехал, кто погиб, кто в другой поселок переселился. Книги церковные в селе Кайском сгорели еще в двадцатом. А ты теперь ищи и трепещи, вдруг неправильно расценят, да и полетишь со своего спокойного места на фронт. Эх, судьба чекистская...»

Такие думы одолевали начальника оперативной части, на лагерном жаргоне «кума», сидящего в кабинете управления отделения лагеря «Лесное», расположенного в глуши вятских лесов, рядом с небольшим поселком того же названия. Сейчас его подчиненный, сержант Томилин, как раз и рыскал по этому поселку в надежде найти кого-нибудь, кто мог бы ответить на вопросы, полученные из Москвы. «Кум» еще раз с тоской взглянул на сейф, где среди секретных и не очень бумаг стояла полученная недавно в пайке засургученная бутылка «беленькой». Нет, надо удержаться, а то начальник лагеря уже не раз предупреждал. Хочется, черт...

В этот момент дверь открылась, и в кабинет ворвался довольный сержант Томилин с криком:

— Нашел!

Обрадованный начальник оперчасти спросил:

— Ну и кто?

— Дед Пихто.

Начальник оперчасти побагровел.

— Издеваешься? Шутки шутишь? — Он приподнялся за столом, хотелось взять за грудки наглого подчиненного.

— Да нет, серьезно. Пихто Амнеподист Перфирьевич, коми-зырянин. Лет ему, правда, уже семьдесят пять, но крепкий и на память не жалуется. Вот протокол. Он определил по фотографии, что изображенный похож на сына Ивановых. Жили здесь до тридцать пятого года, потом жена умерла, отец с младшей дочкой уехал в Сибирь. Сын сумел закончить церковно-приходскую школу, затем уехал вроде бы в Ленинград. Учиться дальше... А

может, и в Москву, старик уже точно не помнит. То есть можем писать, что таковой действительно у нас родился!

— Это хорошо. Причем самое интересное вот.

И начальник оперативной части положил перед своим подчиненным пришедший полчаса назад номер «Красной звезды». На передней странице, среди других фотографий под заголовком «Герои среди нас», сержант увидел смутно похожую на имевшуюся в его планшете фотографию.

Быстро оформили сопроводилку, и Томилин отнес документы в канцелярию. Когда он вернулся, зэк из obsługi уже расставлял на столе посуду с обедом. Едва зэк вышел, начальник вытащил из сейфа бутылку и два стакана.

— Ну, за успех!

После второго стакана из сейфа появилась и вторая бутылка, уже с «шилом» (разведенным водой спиртом).

После третьего стакана, когда предметы, приобретшие первоначально резкость, стали понемногу расплываться, сержант вдруг с пьяной откровенностью признался:

— Ведь дед-то не сразу этого... Иванова признал. Сначала все сомневался, но когда я на него прикрикнул, все признал и даже подпись поставил. До этого все про неграмотность талдычил.

— Какая нам, собственно, разница? — с такой же пьяной решимостью ответил начальник, закуривая и не обращая внимания на недовольную гримасу некурящего сержанта. — Узнал, и отлично. Видишь, герой наш немцев бьет, генерала вон уничтожил. Так что пусть и дальше геройствует... Да, совсем забыл. Ты ведь на фронт просился? Так вот разнарядка пришла, добровольцев на фронт отбирают, служивших раньше в оперативных частях или пограничниками. Тебя как пограничника начал уже записал. Так что готовься. Впрочем, чего тебе, холостяку, готовиться, оделся и готов...

7 июля. 1941 год. Новый Мирополь. Сергей Иванов

Оборзели мы, точно оборзели, бл... Самоуверенность и недооценка противника — самая страшная болезнь офицера. И мы ее подхватили, ё...ть. Говорил же капитан Копылов: «Если вы решили, что противник дурак, то вы — труп». Мы же расслабились совсем, думали, очередной раз немцев шапками закидаем. Еще на сегодняшних командиров бочку катили, мнили себя умнее их. Как же, опыт афганский, уроки истории знаем... Никакие уроки истории не спасут тех хлопцев, что в танках сгорели. Ведь и по моей вине, черт побери! Ну на фиг решили опять всю войну сами выиграть? Одним неполным полком на боевую группу полезли, в окружение на арапа решили взять. Ну, и закономерно получили огромные потери... Шесть сгоревших «двадцать шестых» и «бетушек», один КВ и все самоходки! Ну, еще «Рыжий» без гусеницы остался, да с легкими повреждениями, но его Нечипорук и команда отремонтировали быстро. Нет, бить надо таких, как мы, по мордам, чтобы немного думали. Бл..., я ж всем экипажам твердил — от пехоты не отрываться! А они вперед без оглядки.

Точь-в-точь как русские танкисты в Грозном в девяносто четвертом. Вот и пожгли их так же. Но большая часть потерь все же на последний момент пришлось, когда немцы назад ломанулись. Слишком мы им в силах уступали. Если бы не комиссар, что пехоту сто девяносто девятой в атаку поднял, мы бы все тут и остались.

Даже Андриюхе вместе со всем КП в бой вступить пришлось, когда одна из стрелковых рот немецкой контратаки не выдержала и побежала. Но если б не Ленг, те три человека, что на командном пункте оставались, роту не развернули бы. Повезло, что рота почти вся из среднеазиатов была. Недавно, черт побери, призванных и почти не обученными в бой брошенных! Ну и побежали они от немецких панцергренадеров... хотя их пока еще не так называют. Впрочем, неважно... Тут навстречу им Андриюха с двумя связистами выскочил,

автоматом потрясая, и вдруг его Ленг обогнал... жаль, не видел лично, говорят, картина еще та была. Немцы считали, что все кончилось, а рота почти вся вдруг развернулась и назад в штыки. Да так дружно и грозно, что немцы сразу драпанули, даже не отстреливаясь. Вечером мне повар наш, тот самый Худойбердыев, рассказал почему. Оказывается, на Востоке легенда есть о бесстрашном и непобедимом племени воителей, которым в бою алабаи помогали. И что характерно — абсолютно черного окраса. Поэтому-то он тогда, при выходе из окружения, «черного шайтана» и вспоминал. А теперь представьте себе реакцию бегущего испуганного туркмена, когда ему навстречу в атаку всего лишь три человека несутся и черный алабай? Вот, вот... тут-то самые трусливые решили, что им помощь пришла и немцам писец... Что закономерно и произошло. Так что Ленг сейчас законно очередную порцию получил от Худойбердыева. Ох, перекормит он собаку, пока Андрюха не видит. На мои же замечания Рустам только смеется, говорит, что собака сама знает, сколько съесть.

Но ребят погибших жалко до слез... одно утешает — не как в Афгане, не зазря легли... а мне их лица теперь до самой смерти не забыть... виноват я перед вами, вы уж простите, коли сможете...

Ладно, отдохнул чуть-чуть, пора опять за работу. Пока Андрей правый фланг проверяет, вместе с Кравцовым и командиром шестсот семнадцатого стрелкового полковником Новиковым, надо уточнить схему обороны, проверить оставшиеся запасы всего, от боеприпасов до ресурса... И срочно что-то с дизелем для «Рыжего» придумать. Дизель-то запасной есть, вчера привезли аж две штуки. Видно, улыбнулась нам очередной раз танковая фея, вот и выпала нам удача... хм, а бензина у нас всего заправка осталась, черт. Как же мы лопухнулись-то, когда склады вывозили. Надо было больше в любые емкости запasti. Опять не проверил лично, черт. На чем машины ездить будут? Придется завтра или послезавтра на склады кого-то посылать. Может, лучше самому поехать? За сутки обернусь в любом случае, с учетом всех «неизбежных на войне случайностей». Скорее всего, так и придется сделать. Эх, если бы вместо кампфгруппы нам по тылам немецким пройти!

Опять в сторону мысли увильнули. Это все обед, после него вообще над документами не думается. Так, сводка трофейной техники. Что мы имеем? Ага, две двойки, трешку и четверку без башни восстановленные, еще пять требуют крупного ремонта... тэк-с, сняты запчасти... угу, неплохо... минометов три, отдадим пехоте, пулеметы оставим, пока боеприпасы есть... автомобили, уже лучше, есть на чем пехоту возить, вот только опять топливо нужно.

Эх, а «Мерседесы»-то наши дизельные накрылись, жаль. Красивые грузовики были, мощные, и расход топлива небольшой, вот только наше топливо и масло им не пошло, заклинили дизеля немецкие. Даже переход на трофейное дизтопливо не помог, не вынесли. Вообще-то и водители наши могли посодействовать, с их квалификацией. Нам бы недельки две на учебу, да кто ж их даст, когда вокруг такое творится.

Смотрим дальше. С боеприпасами пока нормально... Артиллерия... так это пехоте, это тоже. А вот пехотные орудия не помешают. Снарядов на батарею набирается. Озадачим Колодяжного и этого, как его, Михеева из мотострелкового полка, пусть артиллеристов подбирают. Будет у нас нештатная батарея из четырех орудий.

Бл... как же Скрипченко не хватает. Вот вроде и недолго любил я его, а без него как без рук. Ладно, начштаба батальона помогает, писаря вон нормального подобрал, так у него и своих дел полно. Нее, срочно начштаба нужен. Толковый, чтобы мне разрываться не приходилось. А то я сейчас и начштаб, и оперотдел, и строевая часть, и зампотех в одном флаконе. Еще пару дней, и мне даже психиатр не поможет...

Тэк-с, и что мы видим? Идет Сема, вернее, даже почти бежит. И что случилось, интересно?

— Разрешите обратиться, товарищ военинженер второго ранга?

— Да, пройдемте со мной, красноармеец Бридман.

Отходим подальше от заинтересованно прислушивающегося писаря.

— Ну, говори, что случилось-то?

— Радиограмму получили. Держи расшифровку. Шефу Боевое Красное Знамя и очередное звание присвоили, тебе и Кравцову тоже Знамя, мне какую-то медаль и звание ефрейтора. Колодяжному тоже медаль... Держи, читай. С тебя причитается. Ну, а самое интересное дальше — приказано сдать полосу обороны прибывающей части и поступить в резерв армии. И подписано уже новым командующим, Черняховским.

— Что? А Потапов, интересно, где? Про награды сейчас глянем... Не, ну ты Сема и отмочил... Медаль «За боевые заслуги» — это тебе не просто так! Это в застое ее всякие бл...и будут получать, а сейчас такую получить — это подвиг совершить надо. Так что поздравляю! И список немалый. Рогальчук есть... так, а этим двоим уже только посмертно, не дождалась.

Да, расщедрилось что-то командование, расщедрилось. Пожалуй, так лишь в конце войны щедро награждать будут, а для сорок первого нехарактерно. Хотя если учесть Симонова... И возможного представителя «органов», то вполне логично получается. В армии ведь как, можешь и подвиг совершить, но если начальство не увидело или в плохих с ним отношениях — никто о том подвиге и знать не будет. Вот если вовремя на глаза попал, так, глядишь, и за обычную службу наградят как за подвиг. Одно плохо — слишком мы теперь на виду.

— Ладно, Семен, свободен. Да, и передай дежурному по штабу, чтобы тебя подменил кем-нибудь из других посыльных, «Рыжим» заниматься будем. Андрей приедет — тогда и приказ зачитаем.

7 июля. 1941 год. Москва. Внутренняя тюрьма НКВД

Яков Григорьевич Таубин дремал, сидя в камере на табурете. Спать днем запрещалось, располагаться на койках тоже, но сидевший с мая бывший начальник ОКБ-16 уже приспособился. В полудреме перед его мысленным взором проносились ушедшие в прошлое дни.

Вот он, молодой и полный энтузиазма, вечером в палатке делает первые наброски того, что станет делом всей его жизни, — автоматического станкового гранатомета. Все, кто мог, отпросились погулять по одесским бульварам, остальные развлекаются игрой в футбол, а он, напрягая глаза и ум, рисует, зачеркивает и вновь набрасывает на бумаге контуры нового оружия. Да, это будет не привычный, неудобный и утяжеляющий винтовку гранатомет Дьяконова. Бойцам не надо будет таскать тяжелую, почти шестикилограммовую винтовку, не надо будет выставлять взрыватель перед каждым выстрелом и целиться на глазок. Нет, теперь в сторону вражеской пехоты полетят очереди осколочных гранат, лучше пулеметных, останавливая любое наступление противника. Не укрыться врагу и за холмом, гранатометчик всего лишь поднимет ствол на максимальный угол, и вот уже летящие по крутой траектории гранаты достанут его и там... Первые чертежи и расчеты, первые помощники. Доучиться в институте так и не довелось, гранит науки пришлось грызть самому, ночами, днем продолжая работу над проектами. Постепенно задумка облеклась в металл. Испытания, испытания, испытания. Тридцать первый год, тридцать седьмой, тридцать девятый. Все более изящным и легким становился гранатомет, но каждый раз что-то не устраивало оппонентов. Сначала доказывали, что автоматика вообще не будет работать от слабого метательного заряда, потом упирали в большой вес, потом в стоимость. А последние испытания вообще были на грани абсурда. Гранатомет испытывали по программе ротного миномета, стреляя только навесным огнем. И как же нагло и самоуверенно выглядело лицо представителя ГАУ, полковника Кузьмина-Караваева, когда он, подводя итог, заявлял, что легкий ротный миномет испытания выиграл ввиду меньшего веса и стоимости. Так и хотел плюнуть в эту рожу... правда, в глубине души Яков знал, что часть истины в этом есть. Да, нужны были доработки и упрощение конструкции, нужны, что уж тут отрицать. Но оружие-то перспективное! Ну не может миномет стрелять в окна, например, не может он выдать при

необходимости очередь из полусотни гранат и не сможет никогда. Понимая, что против принятых решений не попрешь, пришлось убрать в стол уже отработанные серийные чертежи на ротный гранатомет, готовые чертежи на тяжелые семидесятишестимиллиметровые батальонные и корабельные гранатометы и заняться разработкой авиационной пушки. Конструкция, честно признавался себе Яков, получилась сырая, но ее можно было бы доработать, если бы... Если бы не донос, не арест и не вот это, кажется, уже бесконечное времяпрепровождение из ночных и дневных допросов, тюремной баланды и полусна-полуяви.

Дремоту разогнал привычный скрежет плохо смазанных петель двери. Заглянувший в дверь надзиратель объявил, скандируя и привычно обращая внимание на заключенного не больше, чем на остальную обстановку камеры:

— На выход с вещами!

Вот это да! С вещами. От неожиданности Яков даже растерялся. Какие вещи, все, что было на нем и вокруг него, — все тюремное, не свое. И тут до него дошло: с вещами — значит, все, значит, его участь решена и его куда-то переводят или расстреляют, что, по слухам, произошло со многими из попавших сюда. Ну что же, какая бы участь его ни ждала, он не доставит ЭТИМ радости своим отчаянием.

Привычно забросив руки за спину, Таубин двинулся к двери, миновал надзирателя и пошел в его сопровождении уже знакомым, тысячи раз исхоженным маршрутом. Внезапно надзиратель приказал повернуть направо, и они свернули в коридор, ведущий, как с трудом припомнил Яков... к санблоку. Неужели его ведут в душ? Точно, через некоторое время он уже с огромным наслаждением помылся под душем. Выйдя после душа в раздевалку, он с удивлением обнаружил вместо привычной уже тюремной одежды свой, слегка помятый, но вполне презентабельный костюм. Затем канцелярия, недолгое сидение на стуле напротив двери, вручение постановления об освобождении, и сопровождающий ведет его запутанными коридорами в другое крыло здания.

Уже ничему не удивляясь, Таубин вошел в знакомую ему по предыдущим вызовам приемную. Секретарь Берии, попросив подождать, скрылся за двойной дверью, и, появившись обратно, пригласил «товарища Таубина» войти. Слух режет уже ставшее непривычным обращение, но раздумывать некогда, и Яков Григорьевич вошел в кабинет.

За столом, покрытым зеленым сукном, сидели Берия, Ванников и незнакомый молодой, всего тридцати трех — тридцати пяти лет, мужчина. Берия, не поднимаясь и разглядывая вошедшего сквозь стекла пенсне, с некоторым недоверием сказал:

— Проходите, товарищ Таубин. Садитесь.

Таубин поспешно прошел и сел напротив Ванникова. Тот приветливо кивнул, а Берия продолжил:

— Товарищ Таубин, следствие показало, что вы не являетесь сознательным врагом народа, однако ваши действия на посту Главного конструктора нанесли ущерб обороноспособности нашей Родины. Ваша вина доказана, но, в связи с нападением фашистской Германии на нашу страну, принято решение не возбуждать дело против вас и предоставить вам возможность искупить свои ошибки работой во вновь организованном КБ-27. Понимаете?

— Извините, товарищ Берия, пока не совсем понимаю, — слегка севшим голосом ответил Яков, услышав поразившую его до глубины души новость. — Я должен вернуться к доводке авиационной пушки, правильно?

— Нет, вы не правы, товарищ Таубин. Я думаю, товарищ Устинов, наш новый нарком вооружений, объяснит вам ситуацию. — Лаврентий Павлович, поправив пенсне, перенес взгляд на молодого мужчину.

— Нет, Яков Григорьевич, мы пригласили вас сюда не из-за вашей пушки, — Устинов продолжил разговор, как артист, уловивший момент для своей реплики. — Боевые испытания показали эффективность вашего гранатомета в бою. Войска требуют этого оружия. Поэтому Государственный Комитет Обороны принял решение наладить его выпуск

и возобновить серийный выпуск боеприпасов для вашего гранатомета. Вы назначены заместителем Главного конструктора вновь созданного ОКБ-27 на заводе моего наркомата в Ижевске.

Таубин внимательно и потрясенно выслушал неожиданные новости, с трудом понимая, как и почему вдруг изменились оценки главного дела его жизни. Сколько уцелело его гранатометов на складах? Пять-шесть, не больше. Совсем непонятно, почему вдруг так кардинально поменялось отношение к этому оружию, ведь уже применение гранатомета на финской войне было сравнительно успешным.

— Товарищ Таубин, идет жестокая война, мы нуждаемся в большом количестве самого совершенного оружия. Мы надеемся, что вы оправдаете оказанное доверие и не позднее чем через полгода первые серийные гранатометы начнут поступать в войска, — закончил разговор Берия.

8 июля. 1941 год. Москва. Кабинет капитана Мурашова

Кабинет порученца был обставлен так же просто, но функционально, как и кабинет самого наркома внутренних дел, отличаясь только размерами и количеством мебели. Одного стола, нескольких стульев и кожаного дивана вполне хватало для работы, комната отдыха не предусматривалась, а телефонов стояло всего три. Сейчас в кабинете стоял полумрак, рассеиваемый только настольной лампой под стандартным зеленым абажуром, освещавшей стол и разложенные документы. Сам хозяин кабинета за столом не сидел, а с задумчивым видом расхаживал вдоль стола, бросая взгляды на лежащие на нем бумаги.

— Черт побери, — сказал он вслух и уселся за стол. Похоже, решаемая им задача была сложной и никак не поддавалась его усилиям.

Заглянув в документы, посторонний наблюдатель разглядел бы несколько справок, выдаваемых органами ЗАГС, телеграммы и телефонограммы на бланках грозного и всесильного, по мнению многих, НКВД. Одну из телеграмм Мурашов взял и прочитал снова:

— Данных компрометирующих материалов Мельниченко Андрея Евгеньевича архивах НКВД Туркменской ССР не обнаружено тчк начальник... отдела Мухаммедов тчк.

— Орлы, млять, — выругался Мурашов. Действительно, телеграмма была составлена неплохо. Данных и компромата не обнаружено или запрошенных компрометирующих материалов не обнаружено, сиди, товарищ, и гадай. А отправившие умыли руки и имеют железное алиби, работа проведена, ответ составлен. Но... если подумать, это вполне на руку самому Мурашову. Смело можно считать, что проверка Мельниченко проведена успешно, подшить телеграмму в дело и заняться следующими вопросами. А их во время войны у личного порученца и так на вполне нормальную работу по двадцать пять часов в сутки. А еще результатов по Бридману дожидаться... Но их можно и не ждать. Скорее всего, никаких результатов не будет. Многие архивы так и не эвакуированы, часть вообще уничтожена. В армии он, судя по имеющимся сведениям, не служил, так что архивы армейцев вообще поднимать смысла нет. Да и по остальным тоже — если служили давно, то данные искать будут долго, а отчитаться надо быстро. Так что составляем сводный доклад, указываем на неполноту данных и объективные причины и переводим дело в разряд текущих. Тогда остается только подшивать поступающие донесения и вовремя реагировать на все тревожные сигналы. Человечка он им в Особый отдел послал неплохого, умного и перспективного. Такой зря тревогу поднимать не будет, да и прикроет в случае чего от излишнего рвения армейских особистов. Хотя какие они теперь армейские, позавчера опять вернули в НКВД. Опять третье отделение ГУГБ стало. Хм, прямо-таки третья ЕИВ канцелярия. Э, на хрен, такие опасные мысли в сторону, работать и работать.

Эх, а лучше бы опять оказаться на фронте, вместо этих бумаг взять в руки автомат, увидеть друзей по отряду... Хорошо, что эти чем-то сразу понравившиеся ему товарищи прошли проверку. Вот и сегодня сообщение пришло — под Новым Мирополем отличился

сводный танковый полк под командованием капитана Мельниченко. Молодцы мужики, так держать. А мы уж вам поможем, чем можем.

Кстати, а песня-то неплохая, надо бы передать на радио. Если, конечно, товарищ нарком разрешит.

Постановление ГКО № 89сс от 09.07.41 г. о формировании Особой тяжелой танковой бригады и штат Особой тяжелой танковой бригады.

Государственный Комитет Обороны СССР одобряет предложение Наркомвнудел т. Берия Л. П. и Начальника ГАБТУ КА т. Федоренко Я. Н. о формировании Особой тяжелой танковой бригады из добровольцев НКВД, специалистов-танкистов НКО и постановляет:

1. Обязать Наркомвнудел т. Берия Л. П. и Начальника ГАБТУ КА т. Федоренко Я. Н. к 1 августа 1941 года сформировать Особую тяжелую танковую бригаду по штату, согласно приложению № 1. Формирование Особой тяжелой танковой бригады произвести из личного состава сводного отряда майора Мельниченко и батальонного комиссара Кравцова, добровольцев Наркомвнудела из состава пограничных и оперативных войск. Командно-технический и политический состав выделяет Наркомобороны из своих кадров по предложению ГАБТУ КА.

Комплектование подразделений Отдельной тяжелой танковой бригады производить непосредственно на месте расположения, в тылах ЮЗФ.

2. Утвердить предложение Наркомсредмаша т. Малышева В. А. о внеочередном выделении в десятидневный срок дополнительной материальной части, потребной для формирования Особой тяжелой танковой бригады.

3. (содержание не показано).

4. (содержание не показано).

5. Наименовать Особую тяжелую танковую бригаду, формируемую согласно настоящему постановлению — 1-й Особой тяжелой танковой бригадой имени Ф. Э. Дзержинского.

***Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН***

Штат 001/89 1-й ОТТБР

1. Управление, штаб — 54 чел., 2 танка, 3 мотоцикла, 1 легковой и 2 грузовых автомобиля

2. Строевые подразделения:

2а. Рота управления — 99 чел., 3 легких танка, 12 грузовиков (снайперский взвод, административно-хозяйственный взвод, взвод охраны)

2б. Рота разведки 85 чел., 6 легких танков, 12 мотоциклов и 12 грузовиков (управление, 2 танковых взвода, 2 разведвзвода, хозотделение)

2 в. Рота связи — 65 чел., 9 грузовиков (управление, взвод связи, взвод связи осназ — РЭБ, хозотделение)

3. Основные подразделения:

3а. Танковый батальон тяжелых танков (в бригаде — 2) — 16 танков КВ-1, 148 чел., 1 легковой и 12 грузовых автомобилей, 1 тягач (управление, 2 танковые роты по 7 танков, взвод ТО, хозотделение, батальон, медпункт)

3б. Танковый батальон истребителей танков (в бригаде — 1) — 11 танков КВ-2 (управление, 2 танковые роты по 5 танков, взвод ТО, хозотделение, батальон, медпункт)

3 в. Мотострелковый батальон (в бригаде — 1) — ок. 650 чел., 6 — 82-мм минометов, 6 — 57 (45) — мм противотанковых орудий (управление, 2 мотострелковые роты, 2 танкодесантные роты, минометная батарея, противотанковая батарея, хозвзвод)

3 г. Артиллерийский дивизион — ок. 400 чел., 8 — 122-мм гаубиц, 12 — 120-

мм минометов, тягачи и автомобили (управление, батарея управления, 2 батареи 122-мм гаубиц — 8 гаубиц, 2 батареи 120-мм минометов, хозотделение)

3д. Зенитный дивизион — ок. 240 чел., 8 — 37-мм ЗУ, 12–12,7-мм ЗПУ (управление, батарея управления, 2 батареи 37-мм зенитных установок, зенитно-пулеметная рота, хозотделение)

4. Подразделения обеспечения:

4а. Инженерно-саперная рота

4б. Рота ремонта и обслуживания

4 в. Рота снабжения и автотранспортная

4 г. Учебная рота

4д. Медсанчасть

2. Личный состав

ВСЕГО — 2570 чел.

Вооружение и транспорт

Вооружение:

Танков тяжелых — 46 (1 учебный), в т. ч. 11 КВ-2, остальные КВ-1

Танков легких — 10 (1 учебный) (Т-40 или Т-50)

Танкеток — 4 (учебные) Т-38, Т-27 и т. п. по наличию

122-мм буксируемых гаубиц — 8

57-мм ПТО — 6

37-мм зенитных орудий — 8

50-мм минометов — 6

82-мм минометов — 6

120-мм минометов — 12

Станковых пулеметов — 6

Пулеметов ДП — 39

Пулеметов зенитных крупнокалиберных — 12

Радиостанций 5-АК — 9

Радиостанций РБ — 22

Радиостанций РСН — 3 (Рация Спецназначения) или «комплекс Семь Бриджмана»

Винтовок и карабинов — ок. 1370

Автоматов — ок. 422

Транспорт

1. Автомобилей ГАЗ-61 — 4

2. Автомобилей Пикап — 9

3. Автомобилей Пигмей — 16

4. Автомобилей грузовых ГАЗ-АА — 15

5. Автомобилей грузовых ЗИС-5 — 175

6. Автомобилей грузовых ЗИС-32 — 20

7. Автомобилей штабных ГАЗ-3А — 6

8. Автомобилей санитарных ГАЗ-АА — 7

9. Бензоцистерн — 32 (в т. ч. на ЗИС-5, 2 на ГАЗ, 1 на базе «Мерседес»)

10. Водомаслозаправщиков ЗИС-6 — 12

11. Авторефрижераторов ЗИС-5 — 1

12. Походных мастерских типа «А» ГАЗ-3А — 10

13. Походных мастерских типа «Б» ЗИС-6 — 7 (1 на Опель-Блиц)

14. Походных заряд. станций «ПЗС» ГАЗ-ААА — 7

15. Дезкамер на ГАЗ-АА — 1

16. Компрессорных станций на автомобиле ЗИС-5 — 7

17. Тракторов «Комсомолец» — 19

18. Тракторов БТТ-26 — 10

19. Тракторов «Ярославец» — 7

20. Тракторов «Ворошиловец» — 10

21. Автокраны — 2

22. Мотоциклов с коляской — 24

23. Мотоциклов без коляски — 9

ЧАСТЬ 2

Делай, что должен

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.*
А. Ахматова

1 августа. 1941 год. Киев. Сергей Иванов

Ну, наконец-то все закончилось! Ё... этих бюрократов даже войной не прошибить. Пару раз чуть не сунул ствол под нос, так достали. Зато теперь у нас в бригаде два автокрана есть. Наконец-то мы почти полностью по штату оснащены, теперь только отогнать все полученное в Гостомель.

— Сержант Нечипоренко, ко мне!

— Слушаю, товарищ инженер-майор!

— Ты старший, вот командировочное и документы на технику, гоните ее к стоянке. Не заблудитесь?

— Никак нет, товарищ майор! Разрешите вопрос? — Кузьма говорит серьезно, но глаза улыбаются.

— Спрашивай, Дмитрич.

— А вы здесь ждать будете? Может, вам «козлик» оставить?

— Не надо. Сейчас майор Мельниченко подъедет. А я пока тут прогуляюсь, на Киев погляжу.

— Есть не оставлять машину. Разрешите убыть?

— Разрешаю.

Интересно посмотреть на город за тридцать лет до того, как сам первый раз в нем появился. Не перестроенный после разрушений в войне, совсем не похожий на современный, со своим, позже утерянным колоритом. А тут и в наше время уже редко встречающиеся, а теперь довольно типичные персонажи, типа вот этих прохожих и их интересного диалога.

— ...таки да, он все жеж вг'емя хочет эвакуироваться.

— А Соня?

— А шо Соня, шо Соня? Я вам так скажу, шо таки Соня может понимать в мужских делах. И подумайте, куда ви нам ехать пг'икажете? Шо таке за паника...

Жаль, заметив мой интерес к их разговору, они поспешно умолкают и, ускорив шаги, исчезают за поворотом. Да, напугал, похоже... А вот это!...!!! Ух, какая женщина. Где-то, помнится, читал, что тогдашние красавицы нашему современнику-попаданцу красивыми совсем не казались. Странно, мне, наоборот, кажется, что в этом времени красавиц больше. Может, разница во времени рождения сказывается? Или то, что я фильмы этой эпохи постоянно смотрел в свое время? Познакомиться бы, но, боюсь, ей сейчас совсем не до знакомств. Хотя фронт пока застыл, но не слишком далеко от города.

Вообще, насколько я могу судить, все повисло на волоске. Интересно бы прочитать что-нибудь о реальной обстановке, особенно на Западном и Северо-Западном фронтах. Похоже, нашим все же удалось удержаться на линии Луга — Витебск — Гомель — Житомир — Николаев. Одесса тоже еще держится. Надолго ли такая ситуация, пока просчитать не могу, но немцы пока явно притормозили.

Интересно, а какое влияние на такое развитие обстановки оказывают радиостанции спецназначения? И скоро ли вернется из своей командировки Семен? Все же по штату он в экипаже «Рыжего» так и стоит.

Стоило вспомнить о войне, как тотчас появилась наша машина. Видно, меня ищет. Сразу детство босоное вспоминается, как «козлик» увижу. Кстати, нам в бригаду их даже больше, чем по штату, дали, взамен других легковушек. Ну, конечно, кто же может в такое время так лихачить. Только Андрей!

— Гуляешь, лодырь? Как дела?

— Все отлично. Колонна уже в пути. Даже автокраны выбил. Правда, тягачей на базе Т-26 всего восемь, без запасных будем. А ты как?

— Ну, у меня еще лучше. Продукты старшина все получил, машины уже в Гостомель отправил. Врача обещают сегодня. Оставил там особиста, пусть проследит. Нынешние бюрократы... не хуже тех... Пообещают и забудут. А у Стониса не забалуют.

— Тогда в путь? А водителя-то где оставил?

— А, ерунда случилась. Молодой один неловко мешок грузил... в общем, руку сломал. Пришлось своего водителя на его машину посадить.

— Тогда я поведу. Ты-то так этот двойной выжим и не освоил, спалишь передачу.

— Ладно, поехали.

Но далеко уехать мы не успеваем, начинается налет. Взывают сирены, и, остановив машину подальше от домов, под деревом, мы бежим к бомбоубежищу, точнее подвалу, на который указывают намалеванные на стенах и тротуаре стрелки с надписью «бомбоубежище». Я, в принципе, не очень доверяю этим подвалам и предпочел бы залечь где-нибудь в стороне от домов, но лишний раз спорить с патрулями МПВО не хочется. В подвале совсем мало народу. Две девушки, одна из которых, не обращая внимания на обстановку, тут же начинает стрелять в нашу сторону глазками, бабушка с немолодым, но крепким дедом с казачьими, или, как сейчас говорят, «буденновскими», усами и две мамыши с тремя шаловливыми, не сидящими и секунды на месте малышами. Те сразу начинают какую-то игру, причем и та, и другая мама непрерывно их одергивают.

Вспоминаю свои последние мысли и спрашиваю у Андрея:

— Про Семена что-нибудь слышно?

— Пришла весточка. Прямо не пишет, но, похоже, в Москве где-то.

— А с Номоконовым что?

— Едет назад, наверное, нас уже на фронте догонит.

— Здорово, что ему Героя дали. Хотя получается, что авансом.

— Не думаю. Вспомни-ка, вроде первого... хм... генерала аж в сорок втором «прикрыли», кажется. А сейчас, да еще реально подтвержденное, да и сколько он уже точек на трубку поставил?

— Вроде около полусотни. Да, если бы каждый полсотни... война бы точно кончилась.

— Вот-вот.

— Эй, налет, похоже, закончился. Пошли, по дороге доскажешь.

Выходим из подвала, на свежий воздух... Ух, вот это да... Никогда не думал, что увижу валяющиеся на земле шрапнельные стаканы. Побитые, разорванные... да, попасть под такой — и все, бомбы не надо. То-то громко артиллерия ухала, кажется, батареи где-то неподалеку стоят.

Машина цела, хотя один крупный кусок снаряда грохнулся прямо на капот. Да, хорошо, что на улице не оставили, вообще бы все побило. И так Нечипорук ворчать будет. Теперь он не просто Григорий Федорович, а техник-старшина, так что не забалуешь! И по приобретенной на гражданке привычке вечно ворчит на всех, кто, по его мнению, не бережет технику. Даже и мне порой высказывает, когда подчиненные не слышат. Но молодец, подчиненных крепко муштрует, у нас теперь самая, по-моему, сильная ремонтная рота во всей РККА. Ладно, заводим и поехали.

— Слушай, а продукты-то старшина какие получил? Опять консервы?

— Немного сухим пайком и даже сало, а так, конечно, консервы.

— Что, опять «Спагетти с мясом»? Или эти, как их, «Огурцы, фаршированные в томатном соусе» за 6 рублей банка? «Консерв»-то он, конечно, диетический, только мне уже надоел...

— Не волнуйся. И другие есть. Даже крабов консервированных дали...

— Ну, крабов — это, конечно, мощно... Так, готовим документы — пост.

Вот и любимый всеми будущими либерастами заградотряд стоит. Что характерно, пулеметы для расстрела бегущих попрытали и притворяются, что своим основным делом заняты — тылы армии охраняют. В чем я их вполне поддерживаю. Чтобы шпаки всякие не думали, а диверсанты в тылу бродить не должны. Вот и стоят такие отряды по охране тыла, заградотрадами в документах называемые, делом занимаются — шпионов, диверсантов и дезертиров ловят.

Ну вот, пост миновали, скорость прибавляем, и вперед. Если ничего не помешает, через час в части будем.

1 августа. 1941 год. Подмосковье

Куда они приехали, Семен так и не понял. Какой-то небольшой город западнее Москвы, не слишком далеко. Честно говоря, ему было все равно. Впервые в жизни Семен, считавший себя гражданином мира, человеком широких взглядов и крепких нервов, абсолютно не привязанным к какой-нибудь местности или времени, столкнулся с ностальгией такой силы. Его достало все, от жесткого акающего московского говора до таких мелочей, как зубные щетки из жесткой натуральной щетины и зубной порошок вместо пасты. Хотя иногда мелькала мысль, что, будь здесь Елена, никакой ностальгии по будущему и по Украине у него бы не было. Да и эта, плетущаяся на «огромной» скорости «эмка», как и ухабистая дорога, раздражала бы его намного меньше. Наконец дорога закончилась, и Семен с сопровождающим его сержантом госбезопасности Томилиным, временно прикомандированным к нему в качестве сопровождающего, вышли из машины на тесный, заставленный непонятными грузами в ящиках и распакованными станками, столами и приборами двор. Рабочие в спецовках, какие-то люди в костюмах, с бумагами под мышкой, матерящиеся при подъеме тяжестей носильщики создавали впечатление муравейника. Центром этой суматохи был высокий худощавый человек, внешностью сразу напомнивший Семену отца. Именно к нему и подошли Семен и сержант. Узнав, что они прибыли к профессору Зилитинкевичу, человек, не раздумывая, указал на правое здание:

— Ищите кабинет двенадцать на втог'ом этаже, товаг'ищи...

Поблагодарив, Семен с сопровождающим, лавируя между штабелями и людьми, прошли к трехэтажному каменному дому, явно еще дореволюционной постройки. У подъезда было сравнительно спокойно, лишь несколько человек курили в стороне у специально установленной бочки с водой. Войдя в подъезд и поднявшись на второй этаж, Сема увидел стоящего у двери в двенадцатый кабинет невысокого худощавого человека лет тридцати, внимательно глядевшего на поднимающихся по лестнице посетителей. Заметив Семена, он с облегчением вздохнул и спросил:

— Здравствуйте, товарищи. Вы Семен Вольфович? Бридман?

— Да, это я. Чем обязан?

— Лосев, Олег Владимирович. Сергей Иванович просил вас встретить.

— Очень приятно, но зачем так волноваться? Мы и сами дошли.

— Простите, но он ждет вас не здесь. Сейчас там плотник работает, поэтому мы переместились в актовый зал. Пойдемте за мной.

Актовый зал напомнил Семену что-то из виденного ранее в кино. Лепнина на потолке, большой длинный стол, за которым сидели всего несколько человек, побеленные стены — все это почему-то ассоциировалось для Семена с чем-то историческим, с балами в

дворянских усадьбах, с пирами и гусарами. Впрочем, обдумать эти неожиданно возникшие ассоциации было некогда. Началось взаимное представление, взволновавшее его еще больше. Еще бы, фамилии первых из представившихся встречались на страницах многих прочитанных им книг. Профессора Минц, Зилитинкевич и Сифоров, прикомандированный от батальона Ставки ВГК техник Башир Рамеев — ожившая история советской радиоэлектроники сидела за столом, внимательно рассматривая Семена и его сопровождающего. Кроме ученых в «застолье» принимали участие директор завода, перепрофилируемого на выпуск нового вида радиотехники, и главный конструктор КБ этого же завода.

Семен еще раз глубоко вздохнул про себя, представил, что он находится на презентации очередной «игрушки для богачей», и все волнение пропало. Привычно обернувшись к развернутой и прикреплённой прямо к стене схеме, он начал свой рассказ.

Сначала за Сему взялись ученые. Обсуждение теоретических возможностей улучшения работы «глушилок» и защиты своей радиосвязи затянулось до обеда. К удивлению Семы, в обсуждении приняли участие и производственники, которые нисколько не робели перед профессорами, внося свои предложения и замечания.

Обедали там же, свернув чертеж и убрав записи. Молчаливые официантки принесли и расставили на столе судки. Обед прошел быстро, а после него за Сему взялись производственники. Их очень поразило предложение Семена — монтаж аппаратуры из объемных унифицированных блоков.

— ...в войсках некогда заниматься поиском сгоревшего резистора. А такие блоки, особенно если придумать быстро соединяющийся разъем, — и Семен набросал на листе бумаги плоский разъем на 32 контакта, — и иметь запас, позволит быстро менять неисправные в бою и затем ремонтировать блоки специалистами в тылу.

— Не получится. Ваш разъем распадется при тряске, — начал было главный конструктор Владимир Харченко, но потом вдруг задумался и начал что-то набрасывать себе в блокнот.

— Но все ваши предложения потребуют коренного изменения технологического процесса. Мы не можем пойти на такой риск, учитывая срочность задания и поставленный перед нами план, — поспешно заявил директор. Услышавший такое заявление Минц заинтересованно спросил, в чем дело. Вникнув в предложение Семена, он задумался, затем заявил:

— Идеи весьма и весьма интересны и имеют большой потенциал развития. Пожалуй, Институт радиосвязи будет ходатайствовать об открытии еще одной лаборатории, по отработке этих технологий, — и, внимательно посмотрев на Сему, по-стариковски пожеывая губами, добавил: — А вы не хотите остаться в институте, молодой человек? Я вижу, вы умеете думать нестандартно. Такие люди нам нужны.

— Извините, Александр Львович. Я в армии, — неожиданно для самого себя ответил Сема, только что подумывавший о возможности остаться в тылу, — и перестану себя уважать, бросив свое место в строю.

— Понимаю вас, но жаль, жаль... В вас есть потенциал. Воевать или в тылу работать сейчас одинаково трудно и важно, — ответил Минц.

Совещание, или скорее обсуждение научных и производственных проблем, с небольшими перерывами «для перекура», затянулось почти на весь день. Во время одного из перекуров Бридман сумел остаться наедине с Лосевым и поговорить с ним о перспективах создания твердотельных аналогов ламповых приборов. Разговор настолько захватил обоих, что за ними пришлось спускаться Томилину.

К вечеру Семена, уставшего за день, отвели в расположенную рядом небольшую гостиницу при заводе. С утра планировалось еще одно небольшое совещание, а потом и Бридман, и его сопровождающий должны были уехать в Москву.

Через сутки, получив документы и сухой паек на дорогу, Сема отправился в обратный путь в ставшую родным домом часть, к своим друзьям, «Рыжему» и Елене. К его удивлению,

вместе с ним ехал и его сопровождающий, давно, оказывается, просившийся на фронт и сейчас зачисленный в ту же войсковую часть 79902.

И не подозревал Семен, что капитан Мурашов уже читает очень интересную характеристику на него, написанную Владимиром Ивановичем Сифоровым.

«[...] необходимо отметить, что применение русскими средств глушения радиосвязи существенно воздействовало на принятую до этого систему управления. Первые факты применения таких средств относятся к июлю 1941 года. Глушение радиосвязи в бою за „Линию Сталина“ привело к поражению кампфгруппы „Ангерн“ 11-й танковой дивизии. Как позднее сообщал в своем донесении командир дивизии генерал Крюгель: „...русские внезапно применили средства подавления радиосвязи, сделав невозможным надежное управление вверенными мне войсками. Попытки организовать передачу распоряжений посыльными, предпринятые исходя из опыта Великой войны, оказались малоэффективными из-за противодействия снайперов русских, устроивших настоящую охоту за вестовыми и связистами.[...] Вызванные по проводной связи бомбардировщики, не получая данных от авиационных наводчиков и попав под сильный зенитный огонь, не смогли выполнить своей задачи по противодействию противнику.[...]»

Таким образом, нет сомнений в том, что нежелание русских использовать радио для управления войсками, применяя вместо нее проводную связь и вестовых, — получило логичное объяснение. “ [...]»

«Русские „глушилки“ и их роль в поражении вермахта на Востоке»

Глава из книги Ф. Меллентина «Тактика и вооружение в сражениях на Восточном фронте»

2 августа. 1941 год. Буча

Война войной, а ритуалы в армии никто не отменял. Вот и вручение Боевого Знамени бригаде должно было пройти как положено, с митингом и торжественным прохождением. Технику со стоянки решили не выгонять, за исключением «Рыжего». Его поставили под деревья и соорудили деревянный помост над моторным отделением.

Сразу после завтрака бригада побатальонно построилась на плацу, охраняемом с неба тройкой барражирующих истребителей. В ожидании гостей Сергей Иванов пару раз потренировал бойцов в прохождении торжественным маршем под звуки импровизированного оркестра, собранного комиссаром Кравцовым.

Недовольно поморщившийся, глядя на неровные ряды «коробок» второго танкового батальона и автотранспортной роты, Сергей повернулся и сказал Кравцову и начальнику штаба майору Калошину:

— Придется их строевыми погонять.

— Зачем? — удивленно возразил Кравцов. — Мы же воевать собрались, а не парады устраивать.

— Не правы вы, товарищ комиссар, — пояснил свою мысль Сергей, — помнится, у Энгельса в статьях встречал описание учений батальона ополченцев. Так там отмечается, что никак нельзя требовать от батальона удачных действий на поле боя, если при учении они не могут по команде пройти в ногу и прицелиться. Понимаете, весь смысл строевой подготовки только в этом — приучить людей одновременно и одинаково реагировать на команду. Солдат в бою думать не должен. Если он начинает раздумывать — он труп. Он должен все продумать и выучить до боя, чтобы потом автоматически реагировать на любые изменения обстановки.

— Интересная мысль. Никогда не думал про такое объяснение, — заинтересованно

ответил Федот Евграфович, провожая взглядом последнюю «коробку», — а в какой статье Энгельс про это пишет, не подскажете?

— Увы, читал давно, сейчас и не вспомню, — автоматически ответил Сергей, внутренне холодея и лихорадочно вспоминая, публиковались ли сочинения Энгельса по военному делу до войны.

— Обычно об этом мало кто задумывается, а среди гражданских вообще большинство считают строевую подготовку ненужной дурью, — продолжил Сергей, справившись с волнением, и, повернувшись к Калошину, добавил: — Внесите в график учебы по 2 часа строевой дополнительно для второго батальона и автомобилистов. В свободное время.

Тут появился выставленный заранее посыльный, сообщивший о появлении гостей. К импровизированному плацу подъехала кавалькада машин, из первой молодой шустрый адъютант помог выбраться невысокому пухлому человеку в полувоенной форме. Из второй машины вышли еще трое офицеров, один из которых с усилием вытащил длинный запакованный сверток. Оркестр, слегка фальшивя, заиграл встречный марш, и к гостям четким строевым шагом прошел вдоль строя бригады майор Мельниченко. Краткий доклад, после которого важный гость в сопровождении Андрея медленно взобрался на импровизированную трибуну на моторном отсеке «Рыжего», а двое офицеров подошли к стоящему отдельно знаменному взводу и передали сверток назначенному знаменщиком лейтенанту Колодяжному.

С трибуны майор Мельниченко объявил, что на церемонию вручения знамени в бригаду прибыл член Военного Совета фронта Никита Сергеевич Хрущев. Хрущев, подойдя вплотную к ограждению, начал громким голосом:

— Товарищи красноармейцы, бойцы и командиры Особой бригады! От имени Военного Совета фронта поздравляю вас...

Пока Хрущев произносил речь, творчески озвучивая одну из недавних передовиц газеты «Правда», а знаменщики распаковывали сверток, Сергей Иванов, стоявший вместе с остальным управлением бригады у танка, тихо спросил у Кравцова:

— Вам про спасенное зная что-нибудь узнать удалось?

— Нет, в штабе фронта ничего не узнал, — так же тихо ответил Кравцов.

— Думаю, скорее всего, в часть передали, иначе бы уже приказ отдали о расформировании, — продолжил Сергей.

— Могли и не озвучивать приказ в другие части, из-за обстановки. Положение тяжелое, а тут еще такой приказ, — подумав, ответил Кравцов и тут же осекся, заметив недовольный вид стоящего неподалеку гостя с полковничьими знаками. Тот недовольно осмотрел Иванова и Кравцова, а потом отвернулся, разглядывая строй бригады. Сергей внимательнее вслушался в речь Хрущева и поразился. Он же рассказывает о героическом бое комбрига, который в тридцать седьмом, как троцкист, репрессирован был. Впрочем, кроме Сергея, на этот момент вряд ли кто внимание обратил, видно, как все, скучающе отбывают повинность. Да и он вспомнил об этом только потому, что незадолго до «охоты» читал статью об этом.

Наконец речь Хрущева закончилась, с кратким ответом выступил Мельниченко. Оркестр сыграл гимн Советского Союза «Интернационал», а затем Мельниченко отдал несколько команд:

— ...Под знамя «смирно»! Равнение на знамя...

Сопровождаемые звуками встречного марша, прерываемого время от времени шумом моторов барражирующих истребителей, знаменщики прошли вдоль строя бригады и встали на правом фланге. Торжественное прохождение бригады и вынос знамени Сергей запомнил плохо, озабоченный непонятным поведением полковника, что-то непрерывно записывающего в блокнот.

После мероприятия Мельниченко пригласил гостей в столовую «отметить торжественный момент». Хрущев с удовольствием согласился. В столовой собралось все командование бригады, на столах стоял десяток бутылок водки и немудреная закуска. Гуляли недолго, но, к удивлению Сергея и Андрея, Хрущев довольно быстро напился. Его

увели адъютант и полковник, оказавшийся личным порученцем.

3 августа. 1941 год. Буча. Сергей Иванов

Что-то вроде и немного выпил, а чувствую себя не очень. Заболел, что ли? Некогда, надо воевать учить и учиться. Да, сколько еще учиться надо. Дадут ли? Кстати, пока хозяйева не встали...

Поворачиваюсь к лежащей рядом Клаше, осторожно приспускаю ночнушку и прилегаю губами к моментально набухшему соску. Улыбаясь спросонья, она прижимает меня своей рукой к груди и тянет к себе. Приподнимая рубашку, я одновременно вхожу в нее. Несколько минут мы двигаемся в такт, под поскрипывание кровати и еле слышное прерывистое дыхание. Наконец Клаша издает еле слышный вздох, и все заканчивается.

— Опять ты, Сергей... — еле слышно шепчет Клава, окончательно просыпаясь, затем другим, не сонным, шепотом спрашивает: — Уже пора?

— Да, утро уже...

— Ох... Не подсматривай... оденусь и побегу.

— Да не смотрю, не смотрю, одевайся.

Вот такое вот военное приключение. И пусть, кто может, бросит камень... вдова, два дня после свадьбы — и сразу вдова. Погиб муж в бою под Териоки... А я с ней случайно познакомился. Не думал, что так все получится, но жизнь есть жизнь.

— Ну, я пошла. До встречи!

— До встречи.

Поцелуй и сразу подъем. Умывание, бритье, слава богу, не порезался, так, одеваемся, в сортир сбегать... Черт, как же иногда хочется вернуться назад из-за одного унитаза со сливом! Сидишь орлом и вспоминаешь... ладно, шутки в сторону, пошел.

Так, народ уже к построению подтянулся. Вот и Калошин здоровается:

— Здравия желаю, товарищ инженер-майор!

— Здравия желаю! Как дела?

— Происшествий нет, в карауле четвертая рота мотострелков. Первый и второй батальоны уже вышли на занятия «пеший по танковому», мотострелки сегодня продолжают отрабатывать танковый десант вместе с учебной ротой, у которой вождение. Третий батальон — парковый день.

— Где комбриг?

— Он еще с замполитом совещается. Им же сегодня в Бровары ехать...

— Помню, помню. Хорошо, построите личный состав и доведете распорядок на сегодня. Чуть не забыл — вечером сбор и тренировка по разворачиванию КП бригады. Это мы вчера вечером с комбригом согласовали, я не успел довести. Я сейчас еду на танкодром, проверю, как там дела.

— Понял, внесу изменения. Разрешите идти?

— Идите... и, Алексей Николаевич, подтяните-ка оперативный. То, что они позавчера принесли... в общем, в топку... Сжечь и не вспоминать. Пусть заново пересчитают, завтра в девять тридцать доложите.

— Есть, завтра в девять тридцать.

— Ну все, я пошел. Командуйте.

Так, вот и мой «козлик». Водитель молодец, уже запустил и прогрел движок.

— Иван, на танкодром, поехали.

Н-да-а, а вот глушитель на КВ поставить все же не мешало бы. Ревет так, что за несколько километров слышно. Так, учебный уже стоит. Что-то сломали? Убью гадов, еле лишний КВ выбили, а тут такое... Точно, сломали, вон ремонтники возьтятся.

Пока не заметили, выйду-ка из машины и посмотрю, что творится.

— Товарищ старший лейтенант, я же...

— Хоть ты же, хоть вы же!!! Е...ть через коромысло! Бл...! На тренировке ведь нормально все выполнял! Сколько раз говорено, переключение только в щадящем режиме! Ну-ка, последовательность действий повторите!

— Для переключения передачи с низшей на высшую необходимо: разогнав танк, выключить главный фрикцион, одновременно уменьшив подачу топлива, выключить передачу в нейтраль, включить и снова выключить главный фрикцион, включить высшую передачу, включить главный фрикцион и одновременно увеличить подачу топлива!

— Е...ть, ты бы действовал так, как рассказываешь, тебе бы цены как механику-водителю не было! Ну, и чего забыл? Второй раз выключить фрикцион, да?

— Так точно!

— Ну, и в результате учебный танк на полдня из строя вышел. На учебно-боевой я тебя вообще не посажу, пока не отработаешь все заново! Давай на тренажер.

Так, все понятно. Это новое пополнение, прямо с курсов механиков-водителей. Помучаемся мы с ними. Надеюсь все же, ремонтники не полдня возиться будут. Ага, вон и Нечипорук лично прибыл, значит, дело серьезное. Не буду мешать, пусть дальше воспитывает, лучше пока с лейтенантом Махровым поговорить.

— Товарищ инженер-майор!..

— Вольно, вольно. Вы тоже сегодня тренируетесь в вождении, Борис Алексеевич? У вас же вроде парковый день?

— С разрешения командира батальона выполнили парковый день вчера, сразу после смены с караула. Сейчас на учебно-боевом танке проводим занятия по вождению с отстающими мехводами.

— Ясно. И много таких?

— Двое, товарищ инженер-майор.

— На «седьмом» приехали, вижу. Как он, с вашей точки зрения?

— Ничего, облазили его вчера весь. Видимых дефектов нет. Надо бы, конечно, подбой сделать, как на вашем «Рыжем», пока еще не успели.

— Да, подбой — это проблема. А... погодите-ка, а что это там такое?

— Так это Семенов нарисовал. Медведь. Прикажете убрать?

— Да нет, почему же. Вот только лапы у него чуть-чуть не так нарисованы. Х-ха, смешно...

— Очень смешное вспомнили?

— Да, лейтенант. У моего знакомого маленькая дочка любила медведей рисовать. И подписывала всегда «Превед, медвед!». И лапы он у нее всегда вот так держал...

Показываю. Смеюсь. Тут меня замечает и старший лейтенант Люшкин, командир танкового взвода учебной роты, закончивший воспитание нерадивого механика-водителя. После обмена приветствиями отходим чуть подальше от ревущих на трассе КВ-2 и двух трофейных «двоек» и трех танкеток, на которых вовсю тренируются водители. А заодно — и танкодесантники. Хорошо, что поручни наша ремонтная рота первым делом наварила. Делаю несколько замечаний по организации занятий, благо старые знания вспоминаются сами собой. Интересно устроен человеческий мозг. Думал, что все уже давно забыл, а тут вдруг необходимые данные и навыки всплывают чуть ли не лейтенантских времен. Ничего, оказывается, не забылось, все где-то хранилось до времени.

Еще немного наблюдаю за тренировками, особенно за посадкой и высадкой танкодесанта. Да, прыгать с ревущей и замирающей на короткое мгновение машины не так просто. Хорошо, что пока за все время тренировок только двое пораненных, один руку сломал и один ногу вывихнул. А ведь и хуже могло бы быть, все же пограничники и стрелки НКВД кое-какую подготовку имеют...

Мои наблюдения прерывает посыльный — Андрей в штаб вызывает. Значит, скоро выезжают в Бровары, в штаб фронта.

— По дороге встречаем идущего пешком нашего особиста, капитана Стониса.

— Здравствуйте, товарищ капитан! В штаб? Садись, подвезу.

Разговариваем о том о сем. И тут мне в голову приходит одна идея.

— Ян Артурович, а вы вчерашнюю речь товарища Хрущева внимательно слушали?

— Ну-у, думаю, та. Старался. Хорошая речь, нужная.

— Это да, политически правильная и вдохновляющая речь. Только вот боевой эпизод мне что-то такое напомнил. Пытался вспомнить и не могу...

— Не помню. Вам кажется, что-то важное в этом эпизоде еесть?

— Да и не знаю. Просто вот застряло в голове, что где-то я подобное читал, очень давно. А где, не вспомню никак.

— Бывает, таа. Нет, я тоже не помню, но после ваших слов тоже кажется... — Особист задумался.

Тут пришлось прервать разговор, подъехали мы к штабу. Попрощавшись, расходимся. Я к Андрею в кабинет, а Стонис к себе, в помещение Особого отдела. Интересно, что думает внешне невозмутимый и неторопливый прибалт о моих словах? Ладно, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

3..4 августа. 1941 год. Московско-Киевская железная дорога

Семен пребывал в полной прострации от столь глубокого и реального погружения в прошлое. Теперь перелет на самолете в Москву, казавшийся ему пыткой, вспоминался как полет на сверхкомфортабельном «Боинге». К тому же длился тот перелет всего-то сутки. Зато теперь третьи сутки со скоростью, ненамного, на взгляд Семы, превышавшей скорость пешехода, трясся старенький скрипучий вагон, полный людей, бьющих в нос запахов и шумных разговоров. Признаться честно, запахи перестали доставать Сему уже к вечеру второго дня дороги, а вот шумы, да еще неудобная деревянная полка, похожая на сиденья в старых электричках, — да. Теперь-то до Семена дошло, почему Сергей заставил сержанта Рогальчука тренировать его в скатывании шинели и зачем вообще ему навязали летом эту, кажется, совсем ненужную вещь. Да, хороша шинель, и укрыться, и под себя подстелить. Правда, и то и другое не слишком комфортно, зато все равно лучше, чем без нее. А уж спать на голой деревянной полке без шинели — это вообще из разряда йоги. Хотя многие аборигены спят, и ничего. Привычка, видимо. Интересно, конечно, ехать по такой допотопной дороге. На каждой станции толпа бежит и выстраивается в очередь за «кипяточком», в открытое окно при перемене ветра вполне может ворваться тяжелый паровозный дым, оставляя везде хлопья сажи, а на каждой станции состав застывает, дожидаясь, пока паровоз воду наберет.

Нет, ну это надо же, опять встали. Понятно, опять водой заправиться надо, а тут уже целая очередь. Впереди два армейских эшелона с техникой на платформах, и их, естественно, опять вперед пропустят. Интересно, что за кипятком никто не бежит, все надеются, недолго стоять придется? Впрочем, вполне может быть. Ближе к фронту теперь, судя по прочитанному, поезда будут меньше стоять на станциях и быстрее ехать на перегонах.

И немецкую авиацию ждать придется, не зря на станции батарея зениток развернута.

Самой же страшной пыткой для Семы как человека информационного века было сенсорное голодание. Никаких книг, одна купленная по дороге газета «Правда», которую он в первый же день прочел от корки до корки. Теперь она, прочитанная уже по три раза, пошла на импровизированные скатерти для еды. Паек, взятый в дорогу, был неплох и часто привлекал внимание попутчиков. Гостеприимный Сема угощал всех, пока распоряжаться продуктами не стал сержант Томилин. При очередной посадке-высадке попутчиков он тихо, но внятно объяснил Семе, что того, что у них есть, может не хватить даже им, а ближе к фронту, возможно, и по продаттестатам ничего получить нельзя будет. Поэтому сейчас они старались закусывать экономно, не отличаясь от соседей.

Сема, подумав о еде, печально вздохнул, а в животе предательски заурчало. Он

осмотрелся, но понял, что никто этого даже и не заметил. Томилин спал, как он говорил, «набирая норму перед фронтом». Сидящие ближе к проходу пассажиры опять оживленно обсуждали политику. Вообще, Семена очень удивляло полное отсутствие страха перед всемогущими «органами». Читая в свое время повести и рассказы об этой эпохе, он представлял себе зашуганных, боящихся слово вымолвить лишний раз людей, постоянно про себя вычисляющих, а кто из окружающих может быть сексотом ГБ. Ничего подобного. Нет, таких сплошных энтузиастов и весельчаков, шпарящих лозунгами, как в фильмах, тоже не было, но никто не задумывался, начиная обсуждать политику или решения правительства. Почти не говорили о партии, об органах вообще не вспоминали. Ну, а сейчас что обсуждают? Семен прислушался.

— Это все придумал Черчилль... он с восемнадцатого года противник нашей власти.

— Да бросьте вы. Он, видите, какую речь произнес? Противник или не противник, а деваться ему некуда. Прижали ихний остров фашисты, крепко прижали. Теперь у него вся надежда на нас...

— Англичанке доверять нельзя. Я вот постарше вас и хорошо помню, как до революции они нас с немцами стравили. Противоречия-то у них были, а воевать они нас заставляли, до последнего нашего солдата.

— Да это когда было! В империалистическую! Вы бы еще Крымскую войну вспомнили... Кто же виноват, что у Николашки в голове кисель был. Дал себя в войну втянуть за иностранные прибыли. А сейчас...

— Сейчас, видимо, как-то немцев спровоцировали, не зря они на нас полезли, несмотря на договор.

— Заладили вы. Договор, договор... это ж фашисты, они на все договора плюют. Помните, как в Мюнхене Чехословакию делили? Что наши газеты писали? Обещали немцы, кроме Судет, ничего не оккупировать, а потом всю страну захватили...

— Ладно, что-то мы разговорились. Схожу-ка я лучше узнаю, как долго стоять будем и нельзя ли кипяточку прихватить, может, и на перроне чего куплю.

— Давай, Порфирийч, сходим вместе. Глядишь, чего и купим повкуснее... Эх, какие здесь перед войной бабка Матрена пироги с грибами продавала! Помню, как еду, обязательно куплю про запас.

— Пошли, Матвейч, сходим.

Двое мужиков встали и пошли к купе проводника, а третий, повернувшись, начал снова разглядывать немудреный заоконный пейзаж.

Сема опять вздохнул и, посмотрев на безмятежно дрыхнущего сержанта, решил тоже подремать. Делать все равно было нечего, а смотреть на один и тот же деревянный домик и забор уже надоело. Поправив шинель, он лег головой на жесткую «подушку» из обернутых чистой, еще не использованной материей для портянок трофейных полусапог и припомнил, как он в первый день оставил их внизу под полкой, несмотря на возражения сержанта. Выручили его только пограничные навыки Томилина, во сне учуявшего неладное, мигом вскочившего и бросившегося за убегающим вором. Невысокого роста мужичонка неопределенной наружности, при взгляде на которого у Семы сразу всплыло в голове слово «шнырь», не успел пробежать и двух купе. Схваченный сержантом, он пытался выбросить сапоги и, пока Томилин ловко и заученно связывал его неведомо откуда появившейся веревкой, пытался что-то кричать. Получив пару убедительных затрещин от разозленного Семы и увидев, как сержант спокойно достает из висящих на ремне ножен страшноватого вида клинок, он затих и всю ночь смирно лежал связанный в проходе купе. Утром его сдали на первой же остановке, причем милиционеры были очень вежливы и обещали составить протокол сами. Семен позднее спросил у Томилина, не отпустят ли они вора, на что тот, удивленно взглянув на него, сказал:

— Он же признался, ну и наши слова есть. Так что загремит как миленький.

— Так слова-то не записаны, наших подписей у них нет.

— Ну и что? Наши данные есть. А мы бойцы, у нас нет времени лишнего, чтобы на

всякую гопоту его растрчивать.

Сема еще несколько раз поерзал, поудобнее устраиваясь на полке, а в этот момент поезд дернулся. «Поехали», — успел подумать, проваливаясь в дремоту, Семен...

4 августа. 1941 год. Украина. Сергей Иванов

Эх, так и не успели полностью весь курс подготовки пройти, но ведь многие части и такой роскоши не имели. Во время жестоких боев нам столько времени на обучение и сколачивание дали...

Все же прав оказался Андрей, не зря рискнул и вычислил точно, кому инфу слить. Будем надеяться, помогут его советы потери уменьшить и войну быстрее выиграть. А ведь могли за эти советы нас на кукан взять, да и сейчас могут, до сих пор опасаясь. Нет, конечно, какой-нибудь менеджер не стал бы и того делать, тихо где-нибудь просидел или даже провоевал героически, но мы-то с Андреем присягу еще Советскому Союзу давали. И хотим, чтобы все закончилось не так, как в том мире, из которого мы пришли. Меньше жертв, меньше горя, глядишь, и власть будет немного другая. Так что, может, все же история и изменится для нашей страны в лучшую сторону, а? Ведь никто еще не доказал, что брэдбериевского «эффекта бабочки» не существует. Может, мы и окажемся той «бабочкой»?

Ну, наконец-то, поезд дернулся туда-сюда, и мы поехали. Теперь можно немного отдохнуть от предотъездной суеты. Андрей хитрый, вернулся в бригаду в самый последний момент. Это, конечно, шутка, а в действительности его не зря там задержали. Немцы, приостановив наступление, подтянули резервы, подготовились и сейчас опять нанесли серию ударов. Вот нас и бросили на самый опасный участок, на Центральный фронт. И не одних нас, кажется. Сейчас по железной дороге, а там марш небольшой — и в бой.

Кто из великих сказал, не помню: «Есть упоение в бою». В бою да, но все всегда забывают про то, что бой всего лишь конечный результат длительного и очень сложного процесса маршей, контрмаршей, доставки грузов, действий разведки и контрразведки. Об этом мало вспоминают, потому что никакого упоения в этом нет, сплошная проза жизни.

Помнится, когда я начинал служить, попал мой взвод в охрану аэродрома. Ну, и устроили нам экскурсию. Посмотрел я, как «Бэкфайры» к бою готовят, и поразился. На четырех летчиков человек двадцать обслуживающего персонала, не считая водителей всяких спецмашин. Потом выяснилось, что вместо ремонтной роты у них целая часть и в ней офицеров больше, чем у нас в полку. Вот и решай, кто важнее в современной войне — четыре летчика или две сотни техников и тыловиков.

Вот так-то, а вы говорите «гремя огнем, сверкая блеском стали»... А не хотите перед этим полсотни накладных заполнить? Андрей в передовой команде уехал, Ленга прихватив, начальник штаба майор Калошин с колонной автомобилей, так что все бумажные дела на меня свалились. Заместитель командира бригады и зампотех в одном лице, как ни крути, от бумаг не скроешься. Интересная вещь, оказывается, просто замкомандира в тогдашних штатах вообще не был предусмотрен, пришлось ходатайствовать об изменении. Ладно, командующий фронтом генерал Потапов разрешил своей властью ввести такую должность.

Сижу в купе, вместе с замом по тылу и командиром ремонтников, и считаем, считаем, считаем. Бл... сюда бы Семин калькулятор хотя бы. Помню, мы еще удивлялись в будущем, почему цифры в документах не сходятся. Одна ошибка, и все, считай столбиком снова, ё... легче на «Рыжем» километров пятьсот отмахать. Правда, я слегка схитрил, в Киеве купил себе логарифмическую линейку и теперь умножаю и делю на ней. Благо, в мое время в школе и училище еще калькуляторов не было. Вот, кстати, еще одна интересная вещь для попаданца, привыкшего считать на калькуляторе, а писать шариковой ручкой. Он же и писать чернильной ручкой с перышком не сможет, не текст, а сплошные кляксы будут. Мне пришлось трудно, а ведь, когда я учился, мы до третьего класса писали только перьями и таскали с собой чернильницы-непроливашки. Помнится, мне батя купил авторучку, так

учительница увидела и заставила убрать, в классе категорически ею писать запретила.

Подведем итоги. Исправность бронетехники — девяносто процентов, если считать и учебные машины. Кто-то скажет, а чего эту ерунду — танкетки учитывать, но мы теперь без них точно не справимся. Потому что при включении Семиных «игрушек» нужно много хорошо защищенных посыльных машин. После гибели Скрипченко мы с Андреем подумали над этим вопросом и решили, что танкетки, при всех их недостатках, лучше, чем просто машина или мотоцикл. Да и мотоциклов у нас по штату тридцать три, а в наличии всего двенадцать. Ну не выпускал тогда СССР мотоциклов в нужном количестве, поэтому их так и мало.

Итак, имеем сорок четыре «кавешки», оставленные в распоряжении два неисправных, десять Т-40 и Т-50, черт, подсунули-таки разнотипные машины, угу... танкетки в количестве... нормально. За штатом трофейные: два Pz-II, один Pz-III, один Pz-IV без башни, один штабной броневик SdKfz247B. Так, тягачи на базе Т-26... нормально, автомобили, еще тягачи... задолбали в ведомостях эти тракторы, нет бы прямо написать — тягачи. Смешнее только слово прицеппы вместо прицепов...

В принципе неплохо, еще бы эти две «кавешки» в строй ввести, но времени не хватило, пришлось оставить в Буче. Жаль, но тыловики местные обещали отремонтировать, пусть хотя бы кому-нибудь достанутся.

Боекомплекты в норме, заправок... отлично, масло... неплохо... Тэк-с, снабжение в норме.

— Михаил Григорьевич, а как у нас с доработками? — спрашиваю у командира ремонтной роты, старшего лейтенанта Шкенёва.

— По маслобакам доработаны сорок один КВ, по воздухофильтрам — тридцать пять, остальные, возможно, удастся в дороге дооборудовать.

— Так, а по дополнительным бакам?

— Дополнительные баки установлены на все КВ-1 и Т-50, кроме тех двух, неисправных. Система аварийного сброса опробована, работает нормально, правда, усилия как минимум двух человек требуются. С КВ-2 хуже, удалось всего пять машин доработать, включая ваш «Рыжий» и «Превед, медвед».

— Какой еще «Медвед»? — спрашиваю удивленно.

— А «семерку» учебно-боевую, ее наш художник медведем украсил, а Махров назвал «Превед, медвед», — улыбаясь, отвечает Шкенёв.

Не пойму, откуда это выражение Махров знает? Думаю несколько минут, продолжая разговор с Шкенёвым и подписывая принесенные бумаги. Наконец, вспоминаю. Черт побери, я ж сам это выражение ему и подбросил, на полигоне! Облегченно вздыхаю, причем вздох попадает как раз на момент, когда подписана последняя бумага и собеседники понимающе переглядываются.

— На этом заканчиваем, свободны, — говорю я, думая, что после обеда надо обязательно проверить, как идут тренировки наводчиков, и провести командирскую подготовку с комбатами на картах. Жаль, что макет пришлось на месте оставить. Эх, здорово было, когда мы этот макет соорудили и начали тренировать командиров на нем. Местность песком имитировали, а танчики нам в ремроте из дерева вырезали. Командиров, а потом и простых танкистов не оторвать было, все свободное время задачи решали, на разной местности и с разными противниками. Но ничего не поделаешь, обойдемся картами.

Дела закончил, а теперь пора и пообедать.

«[...] к началу августа относится первая стратегическая пауза в действиях немецко-фашистских армий. В результате упорного сопротивления советских войск фронты застыли по следующей линии: Карельский (ген. Фролов) и Ленинградский (ген. М. М. Попов) фронты — на севере у Мурманска противник продвинулся на 10...15 километров от границы, далее до Ладожского озера и на ленинградском направлении — по линии старой границы. Против них были

сосредоточены войска немецкой армии „Север“ и финских армий „Карелия“ и „Юго-Восток“. Северный фронт (марш. К. Е. Ворошилов) по лужскому оборонительному рубежу на линии Нарва — Луга до реки Шелонь, Северо-Западный фронт (ген. А. И. Еременко) от реки Шелонь до Себежа — против Группы Армий „Север“, Западный фронт (марш. Тимошенко) по линии Себежа — Витебск — Ориша, Центральный фронт (ген. Г. К. Жуков) от Ориши до Гомеля, Юго-Западный фронт (ген. Потапов) — Гомель — Мозырь — Овруч — Житомир — Казатин, Южный фронт (ген. Кирпонос) от Казатина до Вознесенска и от Вознесенска до Одессы против групп армий „Центр“ и „Юг“. За Западным и Центральным фронтами располагались части Резервного фронта под командованием маршала С. М. Буденного [...]».

«Краткий очерк истории Второй мировой войны»

под ред. полк. Гареева М. С.

М., 1975 г.

«[...] В конце июля противник, видимо рассчитывая ворваться в главную базу флота на плечах отступающих войск, нанес удар в Эстонии. Военный Совет КБФ, после непродолжительных колебаний, запросил Ставку о возможности эвакуации Таллина, ввиду невозможности его удержания. Ставка неожиданно быстро согласилась с доводами ВС.

Части 18-й армии ген. Кюхлера оттеснили нашу 8-ю армию в район Нарвы, поэтому в обороне Таллина кроме морских частей участвовала также только одна 16-я стрелковая дивизия им. Киквидзе. Героическая оборона позволила эвакуировать понесшие незначительные потери корабли и суда флота в Кронштадт под прикрытием береговой обороны и истребительной авиации КБФ с Кургальского полуострова. К сожалению, при эвакуации пришлось взорвать и уничтожить огнем береговой артиллерии с островов Аэгна и Найссар большое количество запасов флотского имущества.

Последними из защитников Таллина на Ханко были эвакуированы гарнизоны вышеупомянутых островов...[...]

Адм. Трибуц.

«КБФ в Великой Отечественной войне».

М.: 1965 г.

5 августа. 1941 год. Окрестности Ижевска. Полигон завода номер XXX

Слабое помканье выстрелов, сопровождающееся доносящимися через секунды звуками разрывов гранат у мишеней, неожиданно прервалось. Двое наблюдавших за стрельбой в бинокли людей повернулись к третьему, тот отчаянно всплеснул руками и, выскочив из ячейки, пошел к стрелковой позиции. В уставной пулеметной ячейке, вырытой на окраине полигона, задрав вверх ствол, стояло странное оружие, что-то вроде короткого минометного ствола в кожухе, на упрощенном колесном станке, напоминающем станок пулемета «Максим». Испытания найденного на складе военно-морского флота автоматического гранатомета Таубина-Бабурина с магазинной подачей постоянно прерывались отказами. Второй гранатомет, с ленточной подачей, успешное применение которого и заставило возобновить работы в этом направлении, до сих пор ехал где-то по железной дороге, еще один переделывался с магазинного на ленточное питание.

— Ну, что там, Егорыч? — спросил у возящихся около гранатомета подошедший.

— Опять пружина возвратная не выдержала. Менять будем, — солидным баском, неторопливо оторвавшись от разборки, ответил пожилой на вид, степенный мастеровой, судя по возрасту, помнивший еще начало строительства завода.

— Надо принимать меры, Яков Григорьевич, — сказал один из наблюдателей,

выслушав доклад вернувшегося инженера и повернувшись к другому, который с ожесточением протирал стекла бинокля, словно они были виноваты в очередной неприятности.

— Обязательно, Сергей Александрович, — отозвался Таубин, убрав платок и глядя на стоящего напротив Главного конструктора. Непонятно, почему назначили именно его, в очередной раз подумал Таубин, разглядывая худощавого человека в очках, но с решительным выражением лица. Коровин, тульский оружейник... ну создал он пистолет, противотанковое ружье, но почему именно его назначили Главным? В принципе Яков не раз слышал отзывы о нем как о хорошем организаторе. Возможно, это и стало главным при принятии решения. Но это означало, что ему полностью не доверяют, несмотря на все уверения Берии, и что любая неудача кончится не просто арестом и отсидкой, а чем-нибудь похуже.

— Я тут подумал, — продолжал Коровин, — и вспомнил, что на ШКАСе с такой же проблемой справились, сделав пружину многожильной. Не попробовать ли нам такое решение?

— Укрепить пружину неплохо, но мы планировали еще ввести гидропневматический тормоз, — заметил Таубин, глядя на возню вокруг гранатомета и мишеней. У мишеней группа работников полигона проверяет результаты стрельбы и ставит новые мишени взамен пораженных.

— Пожалуй, гидротормоз слишком усложнит и еще больше удорожит конструкцию, — подумав, сказал Коровин и добавил, посмотрев на работавших: — Давайтеждемся результатов стрельбы и поедем на завод.

Подошедший к конструкторам бригадир «мишенной группы» принес записи, взяв их, конструкторы отправились к машине, оставив инженера продолжать стрельбы. Сев в поджидавшую машину, Коровин продолжил разговор:

— Во многих пистолетах-пулеметах торможение затвора осуществляется пневмодемпфером, можно продумать аналогичную конструкцию для гранатомета. Как вы думаете, Яков Григорьевич?

— Надо подумать и посчитать, — согласился Таубин.

Приехав на завод, Таубин и Коровин сразу прошли в помещение КБ, в котором вовсю кипела работа. Инженеры и чертежники готовили чертежи на детали гранатомета с учетом внесенных поправок для упрощения технологии изготовления. Появление Главного и его зама не остановило деятельность конструкторов, лишь некоторые из них, получив указания и наброски, начали разработку нового варианта оружия.

Коровин же и Таубин, расположившись в кабинете, дождались, пока секретарь Коровина принесет им чай с бутербродами вместо обеда, продолжили обсуждение возможных изменений и перспектив применения автоматического гранатомета.

— Знаете, я имел время обдумать возможности применения АГ в войсках. И я считаю основным своим просчетом именно попытку рассматривать его как массовое оружие роты вместо миномета. Для этого он слишком тяжел и дорог. Но если взглянуть на его возможности под другим углом... Вот посмотрите — один гранатомет может создать такую же плотность огня, как три ротных миномета. При этом его несут три человека в строю роты, и по времени развертывания и открытия огня он соответствует пулемету, а не минометной батарее. Что это значит? — Таубин, слегка горячась, размахивал бутербродом в руке, как указкой.

Коровин, отхлебнув из стакана, внимательно посмотрел на Таубина.

— Кажется, понимаю, Яков Григорьевич, — неторопливо ответил он. — То есть вы считаете, что он подходит для маневренных групп. Кавалеристы, мотострелки, диверсионные отряды осназа. Те, для кого бой — стычки, засады, налеты, кому некогда развертывать батарею и тянуть связь...

— Вот именно! — перебил его возбужденный Таубин. — Смотрите, положительный отзыв получен именно из механизированного отряда, рейдировавшего по немецким тылам!

— То есть миномет в этом случае нам совсем не конкурент... неплохо, неплохо, — закончил за Таубина Коровин. — Значит, получаем экономию в транспорте и личном составе. Да, это вы здорово придумали. Но у НКВД свои запросы...

— Да, и я уже прикинул, какие дополнительные требования они могут выдвинуть. Вот смотрите, — Таубин положил надкушенный бутерброд и достал из кармана смятый лист бумаги. Коровин быстро просмотрел записку и нахмурился:

— Что-то вы, Яков Григорьевич, расфантазировались. Установка на бронетехнику — очевидно. Углы возвышения — понятно, стрелять по чердакам или с чердаков, но сошки и станок одновременно, по типу немецкого пулемета?! Не знаю, не знаю... Сначала надо добиться безотказной работы.

Таубин сник и потух. Заметив его огорчение, Коровин поспешил изменить тему и заговорил о повышении осколочного действия боеприпаса:

— Меня серьезно беспокоит только одно. В заданном калибре сорок миллиметров мы никак не можем получить достаточной эффективности боеприпаса. Надо что-то придумывать, причем срочно. Идея, предложенная Игнатовым, о применении по примеру РГ-42 вставки из скрученной и нарезанной проволоки неплоха, но опять-таки усложняет конструкцию боеприпаса.

— А если... — Таубин задумался, — если вместо сорока миллиметров сделать пятьдесят. Вес возрастет незначительно, метательный заряд у нас невелик, и толщину ствола увеличивать не придется. Зато в качестве боеприпаса можно использовать уже готовую мину от ротного миномета. Или создать на ее базе специализированный боеприпас для гранатомета.

— Идея неплохая, только надо посмотреть, как будет со стрельбой миной из нарезного ствола, — задумался Коровин. — Что же, мысль очень интересная, давайте просчитаем. Но это уже не то оружие, которое требуется, поэтому этот вариант будем разрабатывать в инициативном порядке...

Опять допоздна горели окна в здании КБ, опять стрекотали арифмометры и шуршали листы ватмана, закрепляемые на чертежных досках, опять замотанные до предела чертежницы старательно разводили дефицитную китайскую тушь...

7 августа. 1941 год. Украина. Белоруссия

Передовой отряд бригады с трудом передвигался по забитым беженцами дорогам. Да, первые два дня теперь вспоминаются как райские. Ни тебе немецких самолетов, ни толп на дорогах. Зато ближе к прорванному фронту становилось все хуже и хуже. Андрей с тоской оглядел очередной затор, затем решительно выхватил стоящий в специальном зажиме автомат ППД-40, про себя в очередной раз обругав эту тяжелую и неуклюжую дуру, передернул затвор, привычно проверил предохранитель и вылез из трофейного броневика на дорогу. За ним, так же привычно приготовившись к стрельбе, вышли Антон и лейтенант из оперативного отдела Кузьмин Сергей. Последним выскочил, чихнув на ходу от попавшей в нос пыли, Ленг. Одновременно с этим на борт броневика легла винтовка с оптическим прицелом, и Номоконов, что-то негромко шепча себе под нос, на всякий случай снял ее с предохранителя.

Остановившийся перед затором Т-40 тихонько отползал задним ходом, повернув башню направо, в сторону ближайшей опушки. Оглянувшись, Андрей увидел уже привычную картину — ЗИС пристроился сразу за броневиком, расчет установленного в кузове счетверенного «Максима» выглядывал воздушные цели. Несколько красноармейцев, покинув машину, залегли на обочинах вдоль дороги, изготовившись к стрельбе. Радийная машина притаилась за ЗИСом. Замыкающий танк тоже свернул на обочину и сейчас разворачивал ствол своего крупнокалиберного пулемета в поле.

Андрей, сопровождаемый бегущим справа Ленгом и идущими чуть сзади Антоном и

Сергеем, подошел к толпе.

Затор образовался из-за столкновения полуторки с грузом и тягача «Комсомолец». Столкнулись они вкось, но этого хватило, чтобы автомобиль превратился в неработающую повозку на трех колесах, а неподалеку от тягача кого-то перевязывал санинструктор. Теперь на месте столкновения о чем-то азартно ругались молодой командир со звездой на рукаве и пожилой, толстый, лысоватый мужчина в полувоенном френче ответственного работника, активно поддерживаемый худым, белобрысым, с растрепанными патлами и поцарапанной до крови щекой мужичонкой в костюме. Яростно размахивая руками и тесня немалым животом, «ответработник» явно давил на политрука. Тот пытался отругиваться, но даже издали было видно, что еще немного — и он сдастся. Вокруг собралась небольшая толпа, все поглядывали на ругающихся кто с любопытством, кто с нетерпением. Некоторые из стоявших время от времени тревожно оглядывали небо и снова переключались на наблюдение за спором. С одной стороны на дороге стояли, чуть свернув к обочине, не менее восьми тягачей с противотанковыми сорокапятками, с другой — постепенно увеличивалось количество остановившихся телег и небольших стад коров.

Заметив подошедшего Андрея, любопытные, теснясь, расступились, образовав коридор прямо к спорящим.

— И что же здесь происходит, товарищи? — негромко, но внушительно, в своем лучшем стиле «а-ля инспектор ГИБДД», спросил Андрей. Ленг, умница, услышав вопрос, дополнил его коротким, но внушительным гавканьем. Удивленные спорщики замолчали и повернулись к Андрею.

— Так что же в конце концов происходит, может кто-нибудь мне сказать? — повторил Андрей, добавив металла в голос. Первым опомнился и ответил политрук.

— Политрук противотанкового дивизиона стрелковой дивизии Комарницкий Сергей Юрьевич, — представился он, отдав честь и вопросительно посмотрев на Андрея, добавил: — Вот, столкнулись.

— Комбриг майор Мельниченко, — ответно представился Андрей и, глядя на пылящего от злости ответработника, продолжил: — Чего это дорогу не поделили? Видно же, что люди на фронт спешат.

— Я секретарь... райкома партии Жмуриков Евгений Аврамович, со мной заворготделом и секретные документы. Мы обязаны их спасти от немецко-фашистских захватчиков, а товарищи красноармейцы не только разбили мою машину, но отказываются предоставить взамен ее другую и людей для грузовых работ, — угрюмо, но напористо проговорил секретарь.

— Разрешите, товарищ майор? — встрял политрук. — Нашей колонне не уступили дорогу, повредили трактор, чуть не разбили орудие, а теперь товарищ Жмуриков требует новую машину из моего технического замыкания, да еще несколько бойцов для охраны и сопровождения.

В это время в разговор вступил мужичонка. Брызгая слюной и размахивая руками, он начал доказывать, что документы организационного отдела их райкома не менее, если не более, важны, чем война. Послушав его немного, Андрей примиряюще махнул рукой и обернулся. Как он и ожидал, сзади уже стоял готовый выполнить любое приказание начальник Особого отдела. Когда Стонис стал упорно проситься в передовую команду, Мельниченко долго не сопротивлялся, понимая, что все равно его заставят согласиться. Назвался груздем — полезай в кузов, вышел на госбезопасность — будь готов к проверкам и контролю.

— Ян Артурович, проверьте машину. Вы как представитель НКВД имеете достаточные полномочия. А до этого... Товарищ политрук! Машину оттолкнуть за обочину дороги, трактор сдвинуть. Оставьте неисправный трактор и расчет орудия здесь, исправят — догонят. А сами продолжайте движение, — и, повернувшись к продолжавшим толпиться любопытным, добавил: — Освобождайте дорогу! Скот и телеги — полем. Пешие — обочиной. И быстрее, не хватало только... — дальше он продолжить не успел. Сбоку черной

молнией мелькнул Ленг, раздался истошный крик, все взволнованно рванули вперед. Одновременно поворачивающийся Андрей услышал звонкий щелчок винтовочного выстрела и хлопок выстрела из пистолета. Что-то сильно толкнуло его в плечо, прорезав гимнастерку.

Наконец-то повернувшись, Андрей увидел фантастически непонятную картину. Ленг, рыча сквозь стиснутые челюсти, держал за прокушенную и кровоточащую руку Жмурикова. Тот болтался в его зубах, словно тряпичная кукла, явно потеряв сознание. Рядом с рукой, в пыли, валялся небольшой пистолет из вороненой стали. Рядом с ним безжизненным мешком валялся мужичонка и стоял, чуть склоняясь, политрук, тщетно пытаясь зажать левой рукой поток крови из правой, вокруг которой развевался разрезанный рукав гимнастерки. Повернув голову и посмотрев на плечо, Андрей обнаружил, что гимнастерка на нем аккуратно разрезана, как бритвой, и из-под нее начинают потихоньку просачиваться красные капли. Краем глаза он заметил, как обычно невозмутимый и медлительный Стонис ловким стремительным движением прячет в кобуру пистолет, наклоняется и поднимает короткий, узкий кинжал с земли.

— Повезло, — спокойно и неторопливо сказал Ян, рассматривая кинжал. — Но врачу все равно придется показать. Вдруг отравлен.

— «Бранденбург 800»! — ошеломленно вскрикнул Андрей и тут же скомандовал Ленгу: — Фу! Оставь!

— Та-а, возможно, — так же невозмутимо продолжил Стонис, глядя, как от машины красноармейцы тянут труп третьего диверсанта, изображавшего шофера, а напуганные беженцы поспешно растягивают сцепившиеся телеги, перегоняют скот и понемногу затор начинает рассасываться.

— Непонятно одно, — добавил он, — чего они тянули? И зачем им автомобиль, да еще с бойцами?

— Увы, Ленг очень хорошо поработал. Сразу не допросишь, — морщась от боли при перевязке, Андрей все же достал планшет и развернул карту. Потом, забывшись, резко дернулся, сопровождаемый ворчанием санитара и почти крикнул Стонису: — Мост! Бл...дь, а мост перед станцией... Взорви его, и фланг немецкого наступления смогут атаковать только одни отходящие войска.

7 августа. 1941 год. Сергей Иванов. В пути

Под мягкий убаюкивающий стук колес едем в неизвестность. Окна закрыты светомаскировкой, бойцы еще не спят, а я собрал командиров батальонов и рот на совещание. Завтра к утру должны быть на станции выгрузки, надо детально разобрать порядок разгрузки и подготовки к маршу. Проработали еще раз вопросы, коротко, а чего, собственно, долго разговаривать, все примерно известно, только повторение — мать учения, никогда не мешает. После этого наш бригадный заводила и весельчак лейтенант Махров предложил спеть чего-нибудь, и не успел я опомниться, как откуда-то появилась гитара. Хм, шестиструнка и даже с дарственной надписью. Вот хитрецы хитрющие, купили где-то. Теперь точно не отговоришься. Выходим с Кравцовым в тамбур перекурить. Столько лет не курил, бросил еще в армии, а вот опять вернулась поганая привычка. Спрашиваю:

— Как, Федот Евграфович, спеть?

— Обязательно, Сергей Петрович. Хорошая песня, она не хуже лозунга...

Быстренько докуриваем и возвращаемся в вагон.

— Ну, и что спеть?

— Про войну, лирическое что-нибудь, — просит с ехидцей зам по тылу майор Семяцкий. Не нравится ему моя въедливость, вот он потихоньку и подкалывает. Послужи с мое, салага, поотвечай на всякие каверзные вопросы разнообразных комиссий, особенно после Афгана...

— Лирическое так лирическое...

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.
Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами...

Молодежь слушает просто как хорошую песню про войну и разлуку, а те, кто постарше, у кого дома остались семьи, напряженно пытаются не выдать нахлынувшие чувства и сидят, внешне недовольные. Но я вижу, что песня и их зацепила:

Верю в тебя, дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в бою...
Вот и сейчас надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится.

Перебираю струны, проигрывая последние аккорды, а самого трясет не меньше, чем майора Сидкова, сидящего неподалеку. Черт побери, у них-то есть хотя бы какая-то надежда! Их ждут, и они могут вернуться. А куда вернусь я, куда вернется Андрей? В туман? Бл..., сам себя довел. Срочно поем что-нибудь другое:

Помирись, кто ссорился, позабудьте про мелочи.
Рюкзаки бросьте в стороны, вам они не нужны.
Доскажите про главное, кто сказать не успел еще,
Нам судьбою оставлено полчаса тишины...

Бл..., да что это у меня сегодня, все грустные песни лезут. «Чую, ждет нас не легкий бой, а тяжелая битва».

До атаки, до ярости, до пронзительной ясности.
И, быть может, до выстрела, до удара в висок.
Полчаса на молчание, полчаса на прощание,
Пять секунд на бросок.

Раскатилось и грохнуло над лесами горящими,
А ведь это, товарищи, не стрельба и не гром.
Над высокими травами встали в рост барабанщики,
Это значит, не все еще, это значит, пройдем.

Так, демонстративно гляжу на часы. Швейцарские, трофейные. Отлично, между прочим, идут. Были у меня в детстве похожие, батин подарок, нашего производства, «Слава». Шли с точностью секунда в сутки все время. Потерял я их как-то на пляже, а ведь шли без единой поломки. До сих пор жалко...

— Еще одну — и отбой.

Поем практически хором уже знакомую многим песню про танковый ударный батальон и расходимся. Рядом со мной остается только Кравцов. Внимательно посмотрев, как я

укладываю гитару, он неожиданно спрашивает:

— Сергей Петрович, вы ведь в партии не состоите?

— Так точно, Федот Евграфович, — пытаюсь понять, в чем дело. Неужели что-то накопили? Но тогда Стонис сам бы работал, а при чем здесь комиссар?

— Судя по всему, нам предстоят тяжелые бои. И мне кажется, что если вы и товарищ Мельниченко подадите заявления о приеме в партию, будет неплохо и для политикоморального состояния части, да и для вас тоже...

Странно, чего это сегодня наш батальонный так косноязычен? И тут я вспоминаю. Е..., ему, как и нам, не к кому возвращаться. Бойцы ж говорили, а я запомнил. У него ж вся семья под развалинами дома в первый же день погибла. Ну и устроил же я со своей песней стресс всем. Черрт, думать надо головой, а не х...м, как говаривал ротный. Поздно пить боржом, однако.

— Согласен, товарищ батальонный комиссар, оформим завтра, — отвечаю, а сам мучительно прикидываю, чем бы помочь. Хе, помочь... комиссар и сам справился, пока я раздумывал и себя корил. Сидит, как будто ничего не было, спокоен и улыбочив, как всегда. Не-ее, все-таки повезло нам. На хороших людей наткнулись сразу.

— Вот и отлично. А рекомендации, я уже спрашивал, вам могут дать лейтенант Махров и майор Стонис. Анкету у меня возьмете, завтра. Спокойной ночи. — Кравцов, услышав мой ответ, встает и уходит к себе, слегка раскачиваясь в такт движущемуся вагону.

«Что день грядущий нам готовит?» — думаю я цитатой из классика, засыпая...

7 августа. 1941 год. Киев

Неприятности для Семена и его попутчика начались сразу по прибытии в Киев. Выяснилось, что до Бучи пригородный поезд пойдет только вечером, поэтому, получив по аттестату сухой паек, Бридман и Томилин решили устроиться где-нибудь в соседнем с вокзалом сквере. Только они дошли до сквера, как их остановил бдительный патруль во главе с молодым, но очень серьезно настроенным лейтенантом. Настороженно поглядывая почему-то только на Семена, он тщательно изучил документы и предложил пройти в комендатуру. Сдав вещи, документы и оружие, Семен с Григорием прошли в небольшую камеру. Долго в ней им засиживаться не дали, на приехавшем автомобиле их увезли в центральную комендатуру. Больше всего Семену не понравилось, как вели себя сопровождающие, слишком похоже на конвой.

Теперь Семен сидел один в достаточно роскошной, по меркам даже будущего, камере гауптвахты и от нечего делать очередной раз вспоминал фантастические события последних месяцев.

Если бы ему сказали месяца четыре назад, что он будет воевать за москалей, да еще и коммуны! Ох, и досталось бы тому от Семена! Сначала он действительно хотел уговорить друзей, пользуясь неразберихой первых дней войны, перебраться куда-нибудь на Запад, лучше всего в Швейцарию. Отсутствие денег — вот над чем он ломал голову, когда неожиданно им встретились неприглядные реалии «современной» жизни... Семен мотнул головой, встал с табурета и нервно прошел из одного угла камеры до другого, стараясь отогнать мрачную картинку, всплывшую в памяти. Увиденное на поле выбило его тогда из колеи, а дальше события покатились столь стремительно, что он еле успевал реагировать... Бой, красноармейцы, танк, опять бой, старинная радиостанция, с которой он всласть повозился, генератор помех, собранный на коленке... И друзья, рвущиеся в бой... Не мог же он их бросить и уйти один! К тому же он видел, что красноармейцы, такие же парни, как он и его сверстники, говорящие и по-русски и по-украински, отнюдь не считали друг друга или государство врагом, не спешили сдаться в плен освободителям «от коммунистической неволи и кровавой гзбни». Да и саму эту неволю он как-то не мог обнаружить. Получалось, что правы те книги и те авторы, которым он не доверял? Еще больше его поразил рассказ

Нечипорука о Гражданской войне, бандах белых, красных, зеленых и прочих цветов, о том, что большевики победили в том числе и потому, что свою низовую вольницу давили не меньше, чем противников.

Вот и думай, голова. А еще и Елена... Но тут Семена прервали, как говорится, на самом интересном месте. Заскрежетал замок, и в дверях появился улыбающийся сержант Томилин в сопровождении разводящего.

— Пошли, арестант... «вскормленный в неволе орел молодой». Разъяснилось все, мы с тобой свободны. Самое же главное — тут, оказывается, машина нашей части стоит. Поэтому ноги в руки и пошли!

Быстро получив вещи, они почти бегом направились к «ЗИСу», стоящему на дворе. У машины их ждал пожилой, с хитроватым лицом старшина и довольно упитанный водитель средних лет.

— Вы с нашей бригады будете? — спросил старшина.

— Мы, мы, товарищ старшина, — ответил Томилин, подавая документы.

Даже не посмотрев в них, старшина сказал:

— Залазьте, зараз поидемо.

Переглянувшись, спутники быстро забрались в кузов, где довольно-таки неплохо устроились на каких-то мягких мешках. Снизу раздавалась ругань старшины, крившего водителя так, что уши заворачивались, и обещавшего в первую же спокойную неделю «посадить водилу на губу за небрежное отношение к вверенной технике».

Посмеявшись, Томилин вдруг хлопнул себя по лбу и сказал:

— Совсем из головы вылетело. Держи, — доставая из кармана какую-то бумагу, Семен взял и развернул ее, почитал... и из кузова раздался его громкий хохот, на время заглушивший даже шум запускаемого двигателя.

В снабженной всеми положенными угловыми штампами и печатями было отпечатано, дописано ручкой и подписано:

«Справка.

Дана настоящая красноармейцу *младшему сержанту Бридману С. В.* в том, что он действительно *должен носить трофейные сапоги ввиду болезни ног.*

Справка дана для *предъявления по месту требования.*

Военный комиссар г. Киев

Генерал-лейтенант Семенов»

Тут мотор взревел, и машина наконец-то плавно и замедленно, на взгляд Семы, набирая скорость, выехала за ворота комендатуры на улицу.

— Чего ржешь?! — перекикивая шумы, Томилин смотрел на Сему без улыбки. — Нас же с тобой из-за твоих дурацких полусапог и взяли. Если бы не оказалось в комендатуре знакомых из Особого отдела, сейчас так и сидели бы! Бдительный лейтенант решил, что диверсантов немецких поймал.

— погоди! А документы? — спросил Сема.

— Думаешь, сложно документы подделать?!

— Ну, какие-то опознавательные признаки должны быть, думаю! А еще слышал, что у немцев сталь только нержавеющая, а у нас скрепки в документах со временем ржавеют.

— Умный ты... Слишком порой! Не надо об этом трепаться, понял?! Даже если слышал.

— Да понимаю, я ж только тебе!

— И мне не надо... ты мне, я тебе, а кто-то подслушал и передал!

Тут машина выехала за пределы города, и дорога резко ухудшилась. Разговор стал небезопасен, тряска была такой, что запросто можно было прикусить язык. Поэтому спутники замолчали, поплотнее закутались в шинели и, немного посмотрев на окружающий пейзаж, постарались перейти к самому важному на войне делу — отдыху. Сема, попав на войну, вполне убедился в правоте прочитанного в книге знаменитого американского

фантаста, что солдат счастлив, когда может спокойно поспать. Раньше, читая «Звездных рейнджеров», он думал, что это красивое преувеличение, но опыт уже убедил его в обратном. Вот, а ведь Хайнлайн тоже в армии служил... кажется, даже служит сейчас, вспомнил, задремывая и уже не обращая внимания на ухабы и шумы, Семен.

«Противник, прорвав оборону армии, мотомеханизированными частями продвигается в направлении Рославль — Спас-Демянск. Ваша задача остановить наступление противника прибытия 1 МК.

Приказываю:

1. 1-й ОТТБр принять меры установления связи с командирами 132-й СД и прибывающего 3-го КК.

2. Ускорить всемерно выдвижение в район Дубровка.

Установив прочно взаимодействие с СД и КК, нанести совместный удар правому флангу и тылу противника в направлении по обстановке.

Петров. Сидоров. Иванов»

8 августа. 1941 год. Станция Дубровка

— Здравия желаю, товарищ майор! — улыбаясь, несмотря на окружающее, приветствовал майора Мельниченко инженер-майор Иванов, передав управление выгрузкой танков командиру третьего батальона майору Сидкову.

— Здравствуйте, товарищ инженер-майор! — озабоченным тоном ответил Андрей, слегка улыбнувшись и тут же снова озабоченно хмурясь. — Как выгрузка?!

Оба они практически кричали, рев дизелей и крики людей, шум подъезжающих и отъезжающих машин сливались в один мощный грохот, заглушавший обычный голос.

— Нормально! Разведчики уже сгрузились, выходят на окраину. Сейчас заканчиваем сгружать второй и третий батальоны одновременно. Пехота выгрузилась, мотострелковые роты усилили оборону станции, а танкодесантники и тылы выдвигаются согласно первоначальным указаниям.

— Хорошо! Слушай, давай в сторонку отойдем, поговорить надо! — По голосу Андрея Сергей понимает, что что-то случилось.

— Понял! Сидков! Я с комбригом, продолжайте выгрузку! — кричит Иванов. Они отходят подальше, на соседнюю улочку, за угловой домик, и садятся на скамеечку у калитки. Сопровождающий Мельниченко Антон Змиев вместе с еще одним красноармейцем встают на повороте, осматривая на всякий случай улицу и окружающие заборы.

— Что случилось, шеф? — спрашивает Сергей.

— Брось свои шуточки. Я и так крупно влетел, — говорит Андрей и рассказывает о происшествии на дороге: — ...оказались уголовники. В автомобиле ценности Госбанка были и ювелирка, похоже, награбленная... А самое главное, что диверсанты-то действительно были. Мы сюда радировали, охрану сориентировать. Ну, они бдительность и повысили. Два грузовика, один с диверсантами, другой со взрывчаткой, захватили, немцев пятнадцать человек уложили и двоих в плен взяли. Точно «Бранденбург», мне уже комендант станции по приезде доложил. Теперь вот и жду, когда Стонис спрашивать начнет.

— А он что? — другим, серьезным тоном спрашивает Сергей.

— Что-что? Молчит. — Андрей выглядит по-прежнему, и только проскользнувшая в речи злая интонация выдает его состояние. — Молчит и только изредка уважительно так поглядывает. Не нравится мне это, Сергей.

— Ну, Андрей, ты последнее время совсем расклеился. Стонис, мне думается, куратор нашей группы от НКВД. И он ничего не будет делать самостоятельно, без указания сверху. Это значит, что, по крайней мере, дня три-четыре у нас есть. А на войне и один день уже

много. — Сергей спокойно осматривается и добавляет: — Интереснее другое, нас с тобой в партию приглашают. И один из озвученных поручителей — как раз Стонис.

— Таак. — Настроение Андрея резко меняется, теперь он собран, деловит и, кажется, даже весел: — А ведь это проверка, последняя проверка и заодно предложение влиться в команду. Похоже, мы измерены, взвешены и сочтены достойными. В таком разрезе мой прокол просто мелкий эпизод, который приберегут для удержания нас на поводке. Спорим, Стонис и спрашивать не будет?

— Не буду спорить, некогда. Думаю, ты прав. А сейчас давай к более насущному вернемся. Война ждать не будет, — ответил Сергей.

— Да, заболтались мы с тобой, а война идет. В общем, прорыв немцы учинили серьезный. Довожу только для тебя — в ударе, похоже, все три танковые группы участвуют, а судя по некоторым данным, и четвертая вчера начала наступление. Последний шанс, так сказать, «Тайфун». — Андрей уже совершенно спокоен и даже слегка весел. Он уже, кажется, забыл обо всем, упиваясь самим процессом принятия решения: — Северо-Западный фронт удара не выдержал, обнажил фланг Западного, который и так еле сдерживал удар немцев. Центральный фронт тоже прорван Гудерианом. Немцы полуокружили Смоленск, прорвали оборону расположенного в тылах Западного и Центрального фронтов Резервного фронта и сейчас движутся к Москве. Наша бригада выдвинута на правый фланг танковой группы Гудериана. Планировалось, что мы будем перед его фронтом, но он оказался быстрее. Наша задача — задержать его наступление до подхода 1-го механизированного корпуса. Учти, перед Гудерианом наших частей практически нет. Поэтому думать будем...

Больше Андрей ничего не успевает сказать, появляется посыльный и докладывает, что штаб развернулся и начинает работу. Поднявшись, Мельниченко и Иванов идут вслед за посыльным к домику, в котором временно расположился штаб. Это деревянное длинное здание, судя по всему, школы, в открытые двери помещений видны парты, в помещении, где работает оперативный отдел, стоит большой глобус.

— О, молодец Калошин. И карты не надо, — шутит Сергей. Все присутствующие смеются.

Начинается нормальная штабная работа. Мельниченко доводит приказ командующего, оперативный отдел набрасывает полученные данные на карты. Готовится общий приказ, Калошин и Мельниченко работают, склонившись над картами голова к голове:

— Наносим удар здесь, по правому флангу, а стрелковый полк и первый батальон выходят им в тыл. — Это предлагает Калошин.

— А вы уверены в точности данных авиаразведки? Может, там не тыловые части, а основные силы? — спрашивает Мельниченко. И обсуждение продолжается. Время от времени Иванов дает какую-нибудь поправку, иногда что-то предлагают другие офицеры. Все эти мысли обкатываются со всех сторон, шлифуются, дополняются, и окончательно отработанное решение ложится в приказ очередным пунктом. Вот вызывается очередной посыльный, и следующее подразделение получает свою часть приказа. В наступающем летнем полумраке части готовят транспорт и танки, выстраивают колонны и, нетерпеливо дожидаясь назначенного часа, озабоченно поглядывают на небо, охраняемое всего лишь парой истребителей да тонкими дулами зенитных орудий, как своих, бригадных, так и охраняющих станцию местных батарей.

Тем временем разведывательные дозоры уже на полной скорости мчатся по дорогам в сторону фронта, распугивая мелкую живность гулом танковых и треском мотоциклетных моторов. Уже первый дозор сталкивается с немецким, и горит чей-то мотоцикл, и звонко грохочет сорокапятка разведывательного Т-50, снаряд которой пронзает борт неудачно подставившегося броневика «Бюссинг». Шестиколесная неуклюжая машина резко останавливается, из нее рвутся вверх языки пламени и коптящий черный дым. После быстрого боестолкновения русские внезапно, в лучшем стиле английских «крыс пустыни», исчезают, оставив за собой дгорающую технику противника и несколько немецких и, увы, два найденных тела своих убитых. «А ля гер ком а ля гер» — на войне как на войне. Зато в

коляске одного из мотоциклов неживой куклой болтается оглушенный и еще не пришедший в себя язык.

— Первое столкновение. Ну что же, господа немецкие фашисты... Вы хотели истребительной войны, вы ее получите, — комментирует пришедшие новости Сергей Иванов.

— Мы своих не бросаем! Пропавших без вести не должно быть, пошлите группу из того отделения, где они служили. Тела или раненых найти, в бои без необходимости не вступать, — приказывает Мельниченко командиру разведроты Сергееву Сергею Олеговичу.

«[...] Наступательная операция под кодовым названием „Оркан (Ураган)“ должна была стать завершающей в достижении целей, поставленных перед немецко-фашистскими войсками планом „Барбаросса“. Планировалось ударом трех танковых групп прорвать фронт советских войск на центральном участке фронта, с последующим наступлением вплоть до Москвы. Вторая танковая группа, выйдя на оперативный простор и содействуя некоторое время наступлению на Москву, затем поворачивала в тыл ЮЗФ и совместно с наступающей с фронта Первой танковой группой осуществляла глубокое окружение советских войск в районе Припять — Киев.

Однако, несмотря на первоначальные успехи, добиться поставленных целей немецко-фашистским войскам не удалось. Советское командование сумело вовремя перебросить стратегические резервы, накапливающиеся за линией ЮЗФ и в районе Москвы, которые контрударами сначала замедлили, а затем и полностью остановили немецкое наступление, создав предпосылки для зимнего контрнаступления Советской Армии. [...]»

«Краткий очерк истории Второй мировой войны»

под ред. полк. Гареева М. С.

М.: 1975 г.

«[...] Вот и наступил день первого боя нашей бригады.

Группировка, в которую вошла моя рота, в составе второго тяжелого танкового батальона (без одной роты), третьего (штурмового) танкового батальона (без роты), танка командира группы, легендарного „Рыжего“, танкодесантной роты, при огневой поддержке гаубичной и тяжелой минометной батарей, нанесла удар по обнаруженному нашей разведкой правому флангу эсэсовской дивизии „Великая Германия“. Неожиданный артиллерийский обстрел и атака тяжелых танков вызвали кратковременную панику у не ожидавших подобного немецко-фашистских войск, и нам удалось без особых потерь отбросить их на несколько километров к северу. Но эсэсовцы из дивизии „Рейх“ противник серьезный и быстро восстановили порядок в своих рядах.

Первая контратака. Да, им вполне бы удался их замысел, будь здесь обычные части. Но будущие гвардейцы, добровольцы, отобранные из лучших бойцов РККА и войск НКВД, были готовы к любым неожиданностям. Идущие впереди KV-1 притормаживают и ссаживают десантников. Наша рота по команде сосредотачивается к левому флангу. Атакующие при поддержке танков эсэсовцы увлечены наступлением на деморализованных, как им кажется, русских и не успевают ничего понять, как на них обрушивается огонь наших могучих 152-мм орудий. Особенно отличаются командиры орудий моего танка и „Рыжего“. Поле боя остается за нами, и впоследствии на нем насчитывают 18 подбитых танков, из которых на долю моего экипажа приходится восемь.

Позднее инженер-майор Иванов благодарит мой экипаж, а наш танк называет „Зверобоем“. Оказывается, одна из подбитых нами машин была разрисована под тигра. Но не помогли нацистам ни грозные тигриные полосы, ни пасть с грозными клыками, нарисованная на броне, полубронебойный 152-мм снаряд пробил нацистскую броню насквозь и на излете, взорвавшись, уничтожил

еще и расчет противотанковой пушки, разворачивающийся неподалеку [...]»

Серия «50 лет Победы».

Генерал-лейтенант Махров.

*«В вихре войны. Воспоминания о боевом пути 1 гвардейской
тяжелой танковой бригады имени Ф. Э. Дзержинского».*

М.-Л.: 1964 г., переиздано в 1994 г.

9 августа. 1941 год. Сергей Иванов

Светает. Казалось, только успел прикорнуть на еще теплом моторном отсеке «Рыжего», а Кузьма уже будит. Да, пора. Над головой с шумом проносятся несколько десятков штурмовиков вместе с истребителями сопровождения. Ага, Андрею все же удалось выбить авиационную поддержку. Отлично!

Кстати, неплохая получается зарядка — скрытно пробежаться утром пару километров вдоль позиций подготовившейся к атаке части. Пока бегаю туда и обратно, над головой пролетают возвращающиеся штурмовики, успеваю заметить один горящий. Ого, у немцев что-то гулко взрывается, даже у нас хорошо слышно. К «Рыжему» подхожу уже под грохот нашей артиллерии. Минометы и гаубицы обстреливают обнаруженные ночью цели. К ним изредка присоединяют свой голос и шестидюймовки КВ-2. Взбираюсь в люк и... Ура! Радость! Наконец-то вернулся Сема. Он тоже рад, хотя и расстроен тем, что не встретил Андрея и Ленга. Знаем мы, из-за какого Ленга он расстроился, поэтому прошу Колодяжного передать Семе лежащий около меня треугольник.

Так, переживания в сторону, время Ч. Грохочет выводимый на полную мощь дизель, танк осторожно трогается, постепенно набирая скорость. Эх, удобная штука эта немецкая командирская башенка. Говорили, что ее можно только на заводе установить, но русская выдумка все одолела. Бригада заводчан с ЛКЗ и наши ремонтники вместе сотворили целых четыре чуда, четыре танка с командирской башенкой. Жаль, что заводские быстро уехали, глядишь, они и те два сломанных танка помогли бы нам отремонтировать, а еще жальче, что башенок трофейных всего четыре было.

Атака! Пошли родимые, пошли...

— Евгений, право пять, ориентир десять... ПТО! Видишь? Короткая! Огонь!

— Есть! Попали!!!

— Седьмой, я Рыжий, правее восемь... Как слышите? Прием.

Развернутые в первой линии «первые» с десантом рвутся вперед, за ними неровной цепью идут наши «двойки». И те и другие иногда замирают, обстреливая обнаруженные цели. Черт, маловато десанта, чем территорию зачищать будем? Вроде обещали кавалерийский полк прислать, да, видимо, чего-то не сложилось, конники где-то застряли, и теперь оставшиеся мотострелки идут в резерве с правого фланга уступом за нами. Эх, нам бы сейчас сил побольше, мы бы этих эсэсманов неожиданным ударом раскатали в блин. А так... ну оттесним, заставим отвлечься от основного наступления. Ага, подходим к условному рубежу.

— Первые, я Рыжий, готовность один. Прием.

— Принял Первый первый! Прием.

— Вторые, я Рыжий, вариант семь. Прием.

Двадцать первый принял.

— Седьмой принял.

Только начинаем подготовленный заранее маневр закрепления территории, как немцы контратакуют. До батальона пехоты с несколькими самоходками и даже танками. Да, придется туговато...

— Первые, оборона! Вторые, маневр три. Три, как поняли? Прием.

— Рыжий, Первый первый горит. Принял команду десятый.

— Понял, десятый, понял. Не увлекайся, твоя задача — заманить...

Черт, включили глушилку, радики не работают, приходится флажками махать. Поэтому, да еще для лучшей вентиляции, люк я не закрываю. Да и обзор с открытым люком все же получше. Е...ть, чуть не убили, хорошо инстинкт сработал. Болванка, то есть пуля, еще на полтора километра не долетела, а я, старый танкист, уже в канаве, то есть нырнул в люк. Какая-то падла недобитая пыталась подстрелить, только и успел в люк ускользнуть. Ничего, десантники его засекли и сейчас поливают это место огнем.

В самый ответственный момент лишенная связи немецкая артиллерия замолкает. Надеюсь, связисты следят за полем боя. Ага, вот и рация заработала. Ура, можно командовать!

— Вторые, вторые, огонь с места, распределение целей с правого фланга, огонь самостоятельно, полубронейбойными. Евгений, право два, командирский, под башню полкорпуса вперед, полубронейбойным, огонь!

— Есть!

— Промах! Повторно, наводи полкорпуса, огонь! Быстрее, быстрее, черти!!!

— Есть! Попали!

— Первые, контратака! Береза, Береза, сосредоточенный по квадрату шесть, как поняли, прием.

— Рыжий, я Береза, понял, понял, СО квадрат шесть! Прием.

Вот такой вот сумасшедший день. Отбиваем одну контратаку немцев, за ней вторую. Вызываю свою штабную группу и через нее прошу поддержки.

Как ни странно, но как раз тогда, когда немцы пытаются начать третью атаку, нам на помощь опять приходят штурмовики. Вывалив свой груз на пехоту, они охлаждают немецкий порыв, и мы спокойно перегруппируемся. Часть танков, израсходовавшая снаряды, отходит в тыл. У меня пока еще осталось шесть снарядов, поэтому я вместе с KB-1 и несколькими двойками остаюсь на позиции. Так. На будущее — KB-2 в артподготовке использовать с дозагрузкой боекомплекта. Иначе на длительный бой не хватит.

Уже в полутьме наконец-то нас сменяют мотострелки, а мне удастся вылезти из танка и нормально пообедать. Подвожу итоги дня. Потеряны пять танков, из них сгорели два. Н-да, с немецкими пятидесятимиллиметровками надо поосторожнее. Все же в лесистой местности они неплохо прячутся и на небольшой дистанции вполне опасны даже для KB. Потери танкодесантников... тоже немало. Вышло из строя по техническим причинам два танка, но их за ночь введут в строй. Итог наших усилий — отбросили части дивизии «Рейх» на три километра, заставили ввести в бой резервы. Завтра, боюсь, будет еще тяжелее. Как передали из штаба бригады, немецкая разведка пытается определить наш фронт, так что Сергею Олеговичу сегодня опять не спать. Не завидую тезке.

Собираю командиров, и проводим небольшой военный совет, решая, что будем делать завтра в различных ситуациях. Саперы работают всюду, вместе с экипажами зарывая танки в землю. Вот тут поневоле вспомнишь о траншеекопателе ВАТ, нам бы сейчас такую машину, хотя бы одну.

Ложусь спать уже под самое утро. Эх, только бы часика четыре поспать дали!

10 августа. 1941 год. Штаб третьего танкового батальона

Конечно, штаб батальона — это не штаб бригады или дивизии, но работы у него тоже много. Если же он еще дополнительно и за всю группу отвечает, то приходится его усиливать. Вот и сейчас в штабе третьего танкового работает «варяг» из бригады, лейтенант Кузьмин Сергей. Штабная группа расположилась на окраине деревеньки, в ничем не выделяющемся и чудом уцелевшем домике. Большинство остальных домов полуразрушено, от расположенных в центре деревни зданий местной школы и сельсовета остались только фундаменты и остатки обгорелых стен. Иногда в открытые по случаю летней жары окна

врывается отдаленный гул канонады, на который никто привычно не обращает внимания. Сидящий у калитки, в кустах, чтобы не привлекать лишнего внимания, часовой пытается вскочить, увидев подходящего к штабу инженер-майора, но, остановленный жестом, снова присаживается.

Войдя в небольшую, тесную от большого стола с разложенной картой комнату, Иванов осматривается. Занятые делом штабники не обращают на него внимания, лишь начальник штаба, капитан Еремеев, встает и, лавируя между офицерами, подходит, пытаясь доложить. Иванов отрицательно кивает, они отходят к окну и начинают разговаривать. В этот момент в окно врывается шум подъехавшей машины, и через пару минут в штабе появляется майор Мельниченко.

— Товарищи командиры! — командует Иванов. — Товарищ майор, штаб группы Иванова проводит анализ обстановки!

— Товарищи командиры, продолжайте работу! Чтобы не мешать, мы с вами, товарищ инженер-майор, побеседуем на улице, — говорит Мельниченко, здороваясь за руку с Ивановым и Еремеевым.

Выйдя в небольшой садик за домом, майоры закуривают.

— Ну, рассказывай о вчерашнем, — требовательно говорит Мельниченко после первой затяжки.

— Нечего особо рассказывать. Немцы непуганые были, оборона хлипкая. Нашего наступления либо не ожидали, либо недооценили. Неплохо поработала авиация, подавила артиллерию в начале и во время третьей немецкой контратаки. Прорвали мы их первую линию с ходу, а второй-то и не было. Готовились дальше наступать, ирои. Ну, мы готовность им понизили. Они молодцы, быстро сориентировались, пытались организовать оборону, подтянули резервы и даже танки и самоходки, примерно роту. Мы по плану притворно отошли, заманили их в огневой мешок, затем опять атаковали. Но они упорные оказались, еще два раза пытались контратаковать, вторую мы встречной контратакой отбили, а третью, как я уже говорил, авиация помогла отбить.

Наши недостатки: нужны бронированные подвозчики боеприпасов, чтобы прямо в ближних тылах снаряды пополнять, артиллерия плохо ведет контрбатарейную борьбу, десантники теряют взаимодействие с танками в ходе боя. Да, забыл, и РСН пора включать поддиапазонно, флажки в атаке никто не видит. Надо давить только немецкие диапазоны, иначе нам плохо будет.

— Понятно, — Андрей обдумывает услышанное, потом бросает недокуренную папиросу — Ладно, это учтем. Плохо другое. Конников командование куда-то перенацелило, нам даже не сообщили. Связи с армией по радио нет, похоже, немцы глушат. Вот такие пироги. Фрицев на том участке теперь мотострелки будут сдерживать, я им последний резерв отдал, учебную роту и батарею пехотных орудий. За твоей группой — правый фланг. Попробую командира сто тридцать второй уговорить, чтобы батальон нам один отдал.

— Подожди-ка, а ей не Бирюзов командует? — спрашивает оживившийся Сергей.

— Он, поэтому и надеюсь, что даст, и за левый фланг спокоен. Там неплохо Сидков воевнул вчера, охранение сбил и до тылов добрался. Немецкие чмошники по лесам теперь бегают... Но учти, командир толковый, а пехота все равно обычная, сам понимаешь.

— Ясно, понятно, что я, про сорок первый не читал, что ли. Учтем.

— Ладно, поеду. Ты давай держись. Мой порученец сводку с обстановкой штабистам уже отдал, так что думайте. Да и не рискуйте особо, помните...

— Ну, Андрей, ты что? Устал?

— Есть немного. Дом вспомнил...

— А...

Немного помолчав, друзья крепкожимают друг другу руки и расходятся. Иванов не торопясь идет в дом, посторонний наблюдатель заметил бы, как изменилось его лицо. Теперь оно выглядит как у тяжелораненого, стремящегося скрыть боль. Но в помещение входит уже прежний Иванов. Он деловит и спокоен, готов, как говорится, к труду и обороне.

Начинается обычная штабная работа. Сроки, рубежи, состояние техники, боекомплекты. Писарь усиленно строчит необходимые приказы, рядом двое — лейтенант и сержант, — склонившись над столиком, рисуют сетевой график взаимодействия, иногда уточняя детали у Еремеева или Кузьмина.

Поговорив с начштаба о поставленной задаче, Сергей уходит из штаба. В пятистах метрах от штаба, укрытый несколькими деревьями и самодельной маскировочной сетью, стоит «Рыжий». К нему и идет инженер-майор.

Подойдя поближе, Сергей замечает бегущего вокруг танка Сему, за которым с криком: «Ну погоди!» — гонится Кузьма, отставая от быстрого Бридмана метров на пять.

— Отставить! В чем дело? — строго спрашивает Сергей. Бегущие резко притормаживают, причем Семен чуть не налетает на Сергея, успевая увернуться в последний момент.

— Ну, и что произошло? — вроде бы строго, но с веселой ноткой в голосе спрашивает Сергей. Ему все понятно, Сема после прочтения полученного письма находится в приподнятом настроении и уже успел подшутить чуть ли не над всем экипажем.

— Замочил я гимнастерку, постирать хотел, — докладывает, тяжело дыша после бега, Кузьма, пряча за спину сапог. Тут Сергей замечает, что он босой:

— А этот шутник к тазу проводок подсоединил незаметно. Я за тазик — меня током бьет. И провод спрятан, не видно. Пока понял, вода остыла, теперь заново греть надо.

— Тэк-с, понятно. — Сергей строго посмотрел на Семена, и лицо последнего постепенно начало краснеть: — Сержант Бридман! Найдете для сержанта Нечипоренко горячей воды. Где хотите, хоть украдите. А чтобы думали впредь головой, объявляю вам наряд вне очереди. Ясно?

— Так точно! Разрешите выполнять? — теперь Сема серьезен и деловит.

— Разрешаю. Идите. Ладно, Кузьма, пока Семен воду ищет, обуйся и покажи, что у нас с матчастью...

11 августа. 1941 год. Сергей Иванов

Утро красит нежным цветом самолеты в воздухе и разрывы на земле. Н-да, похоже, за нас взялись всерьез. Самое главное, что немцы летают, а наших нет. Хотя бы один самолетик промелькнул, я уж молчу об эскадрильях и полках, как в первый день. Опять что-то прохлопали или наш штаб, или «сталинские соколы». Так что теперь единственная наша надежда на замаскированный глубокий окоп да на зенитчиков. А тех так мало...

Как же они нас вычислили, интересно. Вроде не только приказывал, но и сам следил за маскировкой. Но вот они, эскадрилья «Юнкерсов-восемьдесят семь», один за другим сваливающихся на крыло и с ревом устремляющихся к земле. Черт, как же они нас вычислили и что творится в первом эшелоне, если они резерв так бомбят. Ага, кто-то подползает, похоже. Точно, связист.

— Что случилось?

— Провод порвало, вам звонили и дозвониться не могли.

Точно, в этот же момент сквозь грохот взрывов прорывается звонок трофейного «телефункена».

Беру трубку. Эх, хороша техника, в нашем при таком обстреле наверняка ничего бы не услышал.

— Слушаю, Второй.

— Второй, это Первый. Надо помочь тару перегрузить. Иначе сломают варвары. Понял? Отправишь грибков штуки четыре и самовары. Как понял?

— Понятно. Тяжелая тара? Самому можно погрузить?

— Очень, так что поспеши. Можешь и сам помочь. Да, я там тебе вертушку послал, поможет посмотреть, как и что. Конец связи.

Черт, не спросил, что за вертушка. Вертолет? Откуда сейчас вертолеты, они, кажется, испытываться начали не раньше сорок третьего. Хотя если это параллельный мир... Ладно, разберемся.

Спасибо саперам да нашим намозоленным рукам, потерь практически нет. Трое раненых, две автомашины уничтожили, что открыто стояли, и все. Но вот такая точность бомбежки мне не нравится.

— Семен, вызови-ка мне Томила. И предупреди ВНОС, что наш самолет прилететь должен. Я в штабе.

Сейчас Томилин придет, заставлю его охранников прочесать все вокруг. Не могли нас с неба засечь, зуб даю. Ни локаторов, ни тепловизоров у немцев нет, от визуального наблюдения мы замаскировались. Остается что? Правильно, сидит где-то дятел и долбит про нас по радио люфтваффлям чертовым. До штабного домика, при налете разваленного прямым попаданием бомбы, я дойти не успеваю. Из расположенного рядом бывшего погреба, переделанного в бомбоубежище, выходит комбат-два.

— А, товарищ капитан. Отлично, вы мне и нужны. Получен приказ комбрига отправить четверку КВ-2 и батарею полковых минометов на помощь мотострелкам. Пойду я и танки Махрова. Вы остаетесь командовать группой. Да, я тут еще Томила вызвал. Думаю, где-то неподалеку немецкие разведчики шастают, иначе как немцы наше местоположение засекли.

— Есть остаться за командира. Про Томила понятно, только мне кажется, что надо и маскировку еще раз проверить. — Денис Иосифович Политов, крепыш невысокого роста, прямо-таки идеальный танкист, легко помещающийся даже в очень тесной коробке танкетки, явно задумался над поставленными задачами. Его и мои размышления прерывает странный звук, сочетание обычного самолетного шума с непонятным периодическим шелестом. Сразу вспоминается будущее и пролетающая над головой «летающая кофемолка», как мы называли в шутку вертолеты. Неужели вертолет? Хотя звук странный какой-то, не совсем вертолетный. Оборачиваюсь... Мама моя родная, чудо из чудес! На небольшую полянку рядом с окраиной деревни садится полусамолет-полувертолет! С винтом впереди, с большим винтом на стойке над обычным самолетным фюзеляжем, и, самое интересное, вторая кабина оснащена турелью с пулеметом. Ох, ё..., вот это чудо! Бл..., вспомнил, это же автожир! Ну ни хрена себе, неужели они в боях использовались?

Оставляю Политова инструктировать сержанта, а сам с Семеном иду к севшему автожиру. Что же нам летуны привезли, интересно?

— Здравия желаю, товарищ инженер-майор! Лейтенант Скоробогатов. Вам пакет из штаба бригады. По приказу товарища комбрига мы еще провели рекогносцировку в передовом районе обороны. Кроки и записи — у стрелка-наблюдателя младшего сержанта Хижняка!

— Здравствуйте, товарищ лейтенант. Сема, начштаба с оператором, быстро! Дальше полетите или у нас останетесь?

— Приказано вернуться к эскадрилье, товарищ инженер-майор.

— Раз приказано, вернетесь. Отдохнете, пока ваши наблюдения на карту перенесут, и полетите. Помощь в подготовке техники нужна?

— Неплохо бы бензином дозаправить, только ведь нам авиационный нужен.

— Нужен, значит, будет. Вот начштаба группы как раз распорядится. Вилен Семенович, распорядитесь, чтобы автожир Б-70 дозаправили и экипаж покормили. Сведения, которые они привезли, обработаете и мне к «Рыжему» доставите. В случае чего я там буду.

— Есть, товарищ инженер-майор. Сейчас распоряджусь.

— Вот и отлично. До свидания, товарищи летчики. Сержант Бридман, за мной.

По пути к «Рыжему» отправляю Семана за комбатом минометчиков и командирами танков. Сема недовольно надувает щеки, но бежит. Приучили мы его к дисциплине, админа разгильдяйского. Понятно, это шутка, не такой уж он и разгильдяй. Мы с шефом, когда фирму создавали, сразу всем принимаемым условие ставили, что на фирме у нас порядок такой: сказано — сделано. Диктум фактум, как мудрые древние римляне говаривали. Не зря

они полмира в своих цепких руках столько веков держали, ох не зря. Учиться у них надо, обязательно учиться. Первыми в мире создали корпус профессиональных сержантов, и были их легионы непобедимы, пока они сами же эту систему не порушили, призвав отряды варваров под знамена. Читал, помнится, что и в России решили неграждан наемниками в войска принимать. Да, называют их контрактниками, но кто такой иностранец, служащий другому государству? Наемник, точно... Эх, наступят ведь на те же грабли. Сначала одиночные варвары, которых легион «равняет» и переделывает в римлян, затем их все больше... а потом бах — и варвары берут Рим.

Мои размышления прерывает догнавший штабной посыльный, приволокший кипу бумаг. Тэк-с, посмотрим... Не, все же мы с Андрюхой молодцы. Эх, какие таланты пропадают, думаю я, перефразируя знаменитое предсмертное высказывание Нерона. Все-таки за месяц с небольшим получить вполне приличный штаб — задача неординарная. Так, а почему в ПВО взвод ДШК? Хотя... Нет, прав все же Еремеев. Боеприпасов к ним немного, из-за этого толку от них здесь маловато. Но на прикрытие нашего марша хватит. Жаль, конечно, что нельзя их будет для отражения атак использовать, зато самооборона у технического замыкания отличная будет. Техническое замыкание тоже грамотно подобрано, и ремонтники, и наливник есть. Что же, хорошая работа. Не забыть бы после боев к поощрению Еремеева и этого, черт, забыл... ага, Кузьмина представить. Четко работают.

Вот и «Рыжий». И найденыйш требовательно мяучит, меня завидев. Как я вчера вечером удивился, когда из полуразрушенного дома выскочила моя Мурка! Лишь когда приманил кусочком рыбки поближе, присмотрелся, тогда и понял, что это не она. Похожа, но не она. Теперь вот сидит на моторном отсеке, на собравшихся командиров посматривает, вылизывает обожженный бок, а завидев меня, мяукает радостно. Небось опять рыбы просит. Обойдется пока.

— Товарищи командиры, получен приказ поддержать мотострелков Таругина. Выходим через полчаса, порядок марша следующий...

11 августа. 1941 год. Район обороны мотострелкового батальона ОТТБР

Положение мотострелков было не просто трудное, а хреновое, признавался сам себе в редкие минуты передышки майор Таругин. Подтянув артиллерию и мотопехоту, немцы настойчиво стремились сбить обороняющийся батальон и выйти в тыл перехватившим шоссе на Рославль танкистам Сидкова и пехотинцам Бирюзова. С утра над позициями батальона несколько раз появлялись девятки «Юнкерсов-87», добавляя разрушений своими полутонными бомбами. Пока спасала хорошая маскировка, заранее выкопанные траншеи, в том числе и ложные, умелые действия разведчиков Сергеева, не дающих немцам нащупать фланги обороны, да меткий огонь собственной артиллерии. Но немцы, похоже, подтянули дополнительные батареи, причем тяжелые, и положение стало совсем критическим. Откуда-то издалека по позициям приданных гаубиц били тяжелые пушки, не давая расчетам поднять головы. Одновременно на окопы и капониры обороняющихся обрушился вал снарядов полевых гаубиц. На фоне грохота разрывов стопяти- и стопятидесятимиллиметровых снарядов выделялись своим более мощным звуком редкие разрывы снарядов тяжелых мортир. Даже опытные солдаты, не раз побывавшие под огнем за прошедшие дни войны, с трудом сдерживали стремление выскочить из окопов и рвануть куда глаза глядят, подальше от этого ада.

Внезапно огненный шторм на большей части обороны затих. Изредка продолжали стрельбу только пехотные орудия, разрывы снарядов которых после предыдущего грохота практически не воспринимались ушами. Осторожно выглядывая из окопов, уцелевшие наблюдатели ожидали увидеть начало атаки противника, но, к их немалому удивлению, ни атакующих танков, ни бегущей в атаку пехоты видно не было. Через некоторое время обстрел начался снова, но по сравнению с предыдущим огонь был редкий и неуверенный.

Затем плотность огня опять возросла, и Кирилл, абсолютно точно оценивая обстановку, потребовал от связиста связаться с танкистами.

Еще несколько минут, и обескровленный батальон атакует как минимум полнокровный полк отборной эсэсовской пехоты. Остается только бросить в бой «последний довод королей» — сохранявшуюся в резерве до последней возможности роту KB-1. Конечно, пять ее танков не смогут полностью переломить ситуацию, но без них удержаться батальону вообще не удастся. Только дозвониться майор Таругин так и не успел, в блиндаж вошел веселый, словно не из-под огня, инженер-майор Иванов. Из его комбинезона высунулась разноцветная кошачья мордочка, приветствуя всех присутствующих еле слышным на фоне артиллерийской пальбы мяуканьем. В ответ на удивленный взгляд Таругина Иванов пояснил:

— Прибыл на помощь. А кошка как за пазуху залезла, так и не хочет вылезать. Пришлось с ней к вам добираться. Так. У меня четыре «двойки» и твои пять «единичек». Пехоты надо.

— Бери учебный взвод, он рядом с танковой ротой, в резерве.

— Отлично. Значит, через пару минут...

Быстро обсудив план действий и сигналы, Иванов поправил кошку за пазухой и выскочил из блиндажа в ход сообщения. Кирилл, в свою очередь, проинструктировал и отправил посыльных, а также начал обзванивать подразделения. В это время началась немецкая атака, поэтому до всех дозвониться он просто не успел.

«И грянул бой, кровавый бой». Наступающих немцев встретил свинцовый вихрь пулеметного и винтовочного огня, в их цепи один за другим вырастали разрывы минометных мин и артиллерийских снарядов. Идущие вместе с пехотой самоходки пытались подавить оживающие огневые точки русских, но, в свою очередь, получали ответ из бронебойных снарядов пятидесятисемимиллиметровых противотанковых пушек. Несколько самоходов уже горело, испуская клубы жирного черного дыма, несколько застыло, не подавая никаких признаков жизни. Но волны атакующих неотвратимо надвигались, грозя затопить окопы обороняющихся, в которых все реже и реже мелькали огоньки выстрелов. Казалось, еще немного и...

— Ну, что друзья, теперь наш черед, — спокойно, с едва заметным азартом в голосе сказал Сергей, выпуская в небо ракету красного дыма. Слушавший рацию Сема удовлетворенно хмыкнул. Вой помех исчез, показывая, что «глушилки» перешли на подавление только немецкого диапазона.

Грохот выстрелов тяжелых орудий, сменившийся ревом запущенных дизелей, — и на немецкие цепи обрушилась волна тяжелых русских танков. И снова одни и те же картины войны, при всех своих внешних различиях, стандартные, как обточенные на токарном станке детали. Взрывы, кровь, грязь, рев моторов и громкая ругань, выстрелы и удары прикладов — привычная какофония войны. Взгляд и разум не успевают охватить все то страшное, что творится вокруг, и в памяти остаются лишь обрывки воспоминаний, какие-нибудь наиболее яркие эпизоды и неожиданные картины. Потом подсознание дорисовывает картину, и появляется стройное описание этого хаоса.

Внезапная контратака танков и пехоты во фланг атакующим немцам привела не только к срыву их атаки. Танковая группа Иванова прорвала фронт не ожидавших такого немцев и вместо того, чтобы вернуться обратно, подобно казакам в Бородинском сражении, рванула в тыл наступающей группировки, вызывая хаос и замешательство. Кружащийся на небольшой высоте за линией фронта автожир несколько минут корректировал курс атакующих, но из-за появления «мессеров» вынужден был поспешно снизиться и сесть на ближайшей поляне, укрывшись за ветвями обступающих ее деревьев.

Но это уже ни на что не влияло. Танки Иванова выбрались на не обозначенную на карте просеку к полянам, на которых стояли немецкие тяжелые орудия. Что такое для атакующего танка восемь, десять километров, пусть даже по пересеченной местности? Около часа хода, не больше. Конечно, посыльный на мотоцикле, едущий по нормальной дороге, запросто его

обогнал бы, но дорога от передовой до артиллерии не прямая, к тому же изрядно перепахана бомбами и снарядами, поэтому трещащий мотором мотоцикл появился на позиции батарей одновременно с выросшими у орудий столбами первых разрывов русских снарядов. Еще быстрее могла быть связь по радио, но сидящий у рации в блиндаже штаба связист сначала разочарованно разводил руками, а потом вдруг вскочил и взволнованно доложил:

— Герр штандартенфюрер! Русские вместо помех включили песню... на немецком...

Все штабные офицеры удивленно уставились на связиста. Лишь один штурмбаннфюрер Штадлер, ветеран Великой войны, выглядел не удивленным, а настороженным.

— Какую песню? — невежливо встрял он в разговор. Радист немедленно ответил, ничуть не удивившись нарушению субординации:

— О каком-то варяге, последнем параде и стреляющих пушках.

— Эту?! — И, к удивлению присутствующих, Штадлер напел: — «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает...»

— Так точно, — ответил радист.

— Это песня о русском крейсере «Варяг», героически погибшем в бою с японцами. Я слышал, русские пели ее, когда собирались драться до конца.

— Фанатики, доннерветер. Но погодите, что значит эта песня в данном случае?

Обсуждение возможных вариантов ответа прервал доклад вбежавшего посыльного:

— Русские танки в тылу! Русские атакуют с фронта!

12 августа. 1941 год. Сергей Иванов

Эх, повеселились мы вчера. Жаль только, как всегда на войне, «это радость со слезами на глазах». Но война без потерь только в Голливуде бывает. Прорвали мы немецкую оборону и устроили классический танковый рейд. Свернули в лес, а там колонной по лесной просеке на всей возможной скорости. Просека у самых артиллерийских позиций в сторону сворачивает, ну а мы как раз и развернулись на ней по-морскому, «все вдруг» в линию атаки. Представляю, какой у артиллеристов был шок. Во время боя эти «боги войны» ничего вокруг не видят, только пушку свою. Она страшно грохочет, практически сразу оглушая, ее надо непрерывно кормить снарядами, туда-сюда доворачивать, короче, они как дятлы, которые во время долбежки дерева только себя и слышат. И тут вдруг мы! Взрывы, рев моторов, лязг гусениц, танкодесант и танковые пулеметы вовсю палят. Эх, и паника была, мы еще орудия расстрелять и раздавить не успели, а прислуга почти вся разбежалась. Хотя что бы они со своими двухсотдвадцатимиллиметровыми мортирами да стопятидесяти миллиметровыми пушками с нами сделать смогли? Конечно, попади снаряд такой пушки в танк — сразу всем кирдык. Только пушку-то развернуть надо, а она хотя и на специальном лафете, но больше чем на тридцать градусов в одну сторону не разворачивается, а для полного разворота надо станины свести, переставить и опять развести, сошки вбить или вкопать... В общем, ни одна из трех пушек так и не успела ничего нам сделать. Считай, тяжелый дивизион мы раздолбали в хлам — две мортиры, что характерно, польские, помню по фото в книге по артиллерии, и три пушки, тоже трофейные, чешские. Жалко было, что ничего с собой забрать нельзя. Зато уж саперы из учебного взвода потренировались, все, что успели, из уцелевшего заминировали немецкими же гранатами да снарядами. Вот фрицам сюрприз будет. Хорошо бы пушки с собой прихватить, вот только ни времени, ни специалистов у нас не было. И так рискнуть пришлось, ненадолго задержавшись, пока Колодяжный с Кузьмой с двух пушек уцелевшие прицелы скручивали.

Ну, вот, бл..., опять порезался. Эх, нормальную безопаску бы достать, да где... Сема вон даже и в Москве, говорит, не нашел. Пожалуй, наверное, и не искал. Ему-то что, молодой, раз в три дня бреется, и нормально. А тут полдня походишь, и уже щетина лезть начинает.

Ну и что ты, Мурка, забеспокоилась? Чего на танк взбираешься и спину гнешь? Ааа, понятно. Шеф с Ленгом пожаловали.

— Привет, Андрей!

— Здорово, Серега. Ну, повоевал ты нормально, теперь бери свой экипаж и вместе со мной в штаб бригады. Там дел по зампотеховскому твоему профилю накопилось, Шкенёв один не справляется. Да и Семенко погонять надо, снабжения-то нет, если так пойдет, скоро придется хрен без соли доедать, водой заправляться и по немцам шишками стрелять... из рогаток.

— Погоди, погоди, неужто ТАК плохо? У нас же запасы и так несколько больше нормативов были.

— Запасы были и есть немного. Только вот исчезают со страшной силой. Особенно боеприпасы и почему-то продукты. Бл..., некогда конкретно проверить, а штабные все заняты по горло. Ленг, фу! Нечего к танку лезть, подумаешь, кошка. Что, завел себе очередную Мурку, кошатник?

— Сама пришла. И танка не боится, вчера весь бой в нише просидела, свернувшись, только при каждом выстреле вздрагивала. Ладно, шутики в сторону, лучше расскажи, ты как здесь оказался. Вовремя вы вчера атаковали с фронта, иначе бы штуги и зенитки нас бы разделили.

— Язык! Не штуги, а артштурмы... Да, повезло вам. Бирюзов все же две роты выделил с барского плеча. Хорошо хоть столько, у них с Сидковым немногим лучше. Пленный после вчерашнего боя из полка «Великая Германия» нарисовался. Если я точно помню, в этом корпусе осталась только еще десятая танковая дивизия. Хотя ты ж танки из ее состава подбивал, видимо на усиление эсэсовцам переданные. По полученным данным, мы их крепко прищучили. С фронта их первая танковая бригада Катукова притормозила, а мы с бирюзовцами дорогу снабжению перекрыли... Ты одевайся, одевайся, чего застыл. Вчера, короче, сообщили, что эти две роты идут к мотострелкам на подкрепление и что вы контратаку устроили. Думаю, надо вам помочь. Взял оставшиеся танки охраны, свою «трешку» и к вам рванул. Как видишь, вовремя успел. А артштурмы да, противник серьезный. Сколько они у тебя танков пожгли?

— Два. Оба с близкой дистанции из засады. Одну «единичку» и одну «двойку».

— Серьезные потери...

— Зато три штуки мы все же взяли более-менее целыми, сейчас ремонтники разбираются, что можно, восстановят.

— Неплохо. Думаю, придется нештатный взвод на них делать. Ну что, готов? Бери свою кошку и поедem. Ленг, ко мне! Оставь ты эту кошку в покое, понял, зверюга?

— Поехали. А...?

— Уже всех предупредил, пока ты брился. Не стал мешать.

— Что, тоже... Ха, ха, ха, вижу, вижу... пора парикмахера в бригаде заводить.

— Смейся, смейся. Я об этом уже думаю. Может, где и попадется в городке каком-нибудь... как вольнонаемного оформить...

— Ага, а потом к тебе из наркомата госконтроля придут, и поедешь лес валить за незаконную растрату денежных средств.

Пикируясь таким образом, выходим из-за «Рыжего». Там меня уже ждет полностью собранный экипаж и котелок с завтраком. Черт, так точно язву себе заработаешь. Опять на ходу закусывать... Но если Андрей торопит, то положение точно не очень. Интересно, чего там перерасход? Хотя в принципе и так могу прикинуть... по ГСМ, скорее всего, масло, по ЗИП — запчасти к трансмиссиям, по боеприпасам — снаряды к нашим гигантам, их и так в обрез было... потом мины сто двадцать, а вот с продуктами не знаю. Питаемся мы неплохо, но строго в пределах нормы. Странно даже, что там может не хватать. Ладно, приеду в штаб, проверю, в чем проблема.

Эх, скорее бы что-нибудь по Андреевому докладу изменилось. Например, на КВ нормальную коробку передач поставили... Но, видимо, пока гром не грянет, мужик не

перекрестится.

— Вперед, Кузьма. Поехали.

Бл... вся жизнь теперь — стрельба и плохие дороги.

«[...] 20 июля. Через несколько дней после назначения меня на должность вновь организуемого наркомата танкостроения меня вызвали в Кремль. В кабинете т. Сталина меня уже ждали, кроме Иосифа Виссарионовича, начальник ГАБТУ т. Федоренко, нарком вооружений т. Устинов и нарком внутренних дел т. Берия. Состоялся обстоятельный разговор о танках. Оказывается, в аналитической записке, составленной силами НКВД на основании обобщения опыта первых боев, указывается, что необходимо усиленно развивать танкостроение, причем не только количественно, но и качественно. Часть моих предложений по переводу заводов на производство танков приняты и будут оформлены решениями ГКО. [...]

[...] 28 июля. Очередное совещание в Кремле по вопросам танкостроения. Кроме меня и членов ГКО, присутствовали некоторые директора и конструкторы. Принято решение об усовершенствовании танков Т-34, КВ-1 и КВ-2 в вариант с путем замены трансмиссии. [...]

[...] 3 августа. По полученным мною сведениям в счет договоренности о временной аренде-помощи ленд-лизе нам поставят не менее пяти тысяч коробок передач для Т-34 и станки для совершенствования производства. Снял с должности директора Кировского завода т. Зальцмана за развал работы по совершенствованию КВ. Объявил выговор по тому же вопросу т. Котину. [...]

Дневник наркома танкостроения т. Малышева, 1941 год

12 августа. 1941 год. Штаб отдельной тяжелой танковой бригады

Как ни странно, до штаба бригады оба танка добрались без происшествий. С утра ни одного налета немецкой авиации не было, что весьма настораживало. До этого, несмотря на передвижение в основном по лесным дорогам и ночью, на марше были потеряны больше двадцати автомобилей и даже два танка. Один Т-40 подбило разорвавшейся рядом полутонной бомбой, а со вторым, КВ-2, вообще произошел несчастный на войне случай. Четвертьтонная бомба, удачно сброшенная немецким «лаптежником», попала точно в моторный отсек. Вот и не верь после этого мемуарам! Нет, в армии, тем более во время войны, может случиться все что угодно.

Доехав до штаба и загнав танки в замаскированные капониры, экипажи и командиры занялись неотложными делами. Кузьма и новый заряжающий «Рыжего», молодой силач-сибиряк Самохин Илья, занялись обслуживанием танка. Иванов же, прихватив с собой Колодяжного и Бридмана, сразу устремился к блиндажам тыловиков. Им троим предстояла нелегкая задача — разобраться, что к чему, в куче разнообразных документов. Ухудшало их положение и то, что ни майора Семяцкого, ни командира ремонтной роты Шкенёва в штабе не было. Они еще ночью уехали в штаб армии, чтобы выбить хоть что-нибудь для снабжения бригады.

Пока Сергей, матерясь про себя, с помощью Семы, его калькулятора и какой-то матери разбирался с выдачей продуктов, а Колодяжный, матерясь в голос, разбирал бумаги в отделе артснабжения, в котором после вчерашней бомбежки остался всего один писарь, наши командированные как раз возвращались обратно.

12 августа. 1941 год. Дорога на Рославль

По разбитым дорогам, еще недавно забитым беженцами, а теперь пустынным из-за угрозы с воздуха, перекатами от одной роши к другой шла небольшая колонна грузовиков в сопровождении легкого танка Т-40 и маленькой, неожиданно выглядевшей в данном месте и в данное время танкеткой Т-27. Впрочем, танкетка смотрелась не совсем обычно. Крыша корпуса на ней была срезана, сам корпус слегка изменен, а вооружением ей служил не обычный пулемет ДТ в шаровой установке, а крупнокалиберный чех, неведомо как попавший в руки Шкенёва и теперь ставший штатным оружием его личной танкетки. Одна из машин тащила в кузове счетверенный пулемет, пусть и неважную, но защиту от атак с воздуха. Как ни странно, но наблюдатели не замечали ни одного немецкого самолета, даже вечно достававшие всех «мессеры», парами и звеньями висевшие над дорогой и охотившиеся за отдельными автомобилями, куда-то исчезли. Осознав это, на одной из остановок Семяцкий предложил рискнуть и ехать не останавливаясь. Его поддержали оба его помощника, хитрованы, каких свет не видел, с повадками опытных жуликов-снабженцев, Олег Леонов и Дмитрий Горшков. Оба недавно призванные из запаса, они быстро прибрали к рукам и самого грозного майора, и его основные службы — продовольственную и ГСМ.

— ...Точно, время только зря теряем. А в бригаде небось нас ждут не дождутся, — сипел Олег.

— Да, да, надо торопиться. Немцам, похоже, не до нас, надо этим пользоваться, — тоненькой фистулой поддакивал ему Дмитрий. Шкенёв попытался возразить:

— Лучше приехать на пару часов позже, но целыми и невредимыми... — но тут же был осмеян в два голоса, и Семяцкий как старший приказал двигаться по дороге без остановок со всей возможной быстротой.

— Не нравится мне этот Семяцкий, не нравится. А уж его помощники тем более, — ворчал, возвращаясь к своей танкетке, из-за пулемета, установленного для стрельбы назад, получившей прозвище «танкечанка», Михаил. Сидевший в ней водитель, старый опытный механик, служивший срочную еще на самых первых танкетках, завидев мрачное лицо «шефа», быстро запустил двигатель и подогнал танкетку к нему поближе. Забравшись внутрь, Михаил, поерзав, устроился на мягком кожаном сиденье. Да, обожавший свой «личный транспорт», Шкенёв при первой же возможности установил в нем снятые с разбитой немецкой легковушки отличные сиденья и теперь ехал с большим комфортом, чем сам заместитель по тылу. Михаил подозревал, что неприязненное отношение к нему майора напрямую объясняется этим фактом.

Колонна, впереди которой бодро пылил танк, в середине настороженно оглядывал небо наблюдатель рядом с закрепленной по-походному счетверенной установкой, а замыкающей тарахтела танкечанка, спокойно преодолевала километр за километром. Повеселели все — и водители, и старшие машин. И только один Михаил все больше и больше мрачнел, одолеваемый плохими предчувствиями.

Поэтому, когда в колонне выросло несколько разрывов, а танк неожиданно дернулся и вспыхнул обманчиво-веселым бензиновым пламенем, первым, кто среагировал, был именно Шкенёв. Заорав водителю: «Влево и полный!» — он развернулся к пулемету и повел стволом, отыскивая цели, которые не заставили себя ждать.

Большой восьмиколесный броневи́к, стреляя из автоматической пушки и спаренного пулемета по пытавшимся отстреливаться или разбегающимся шоферам, выехал из роши. Несколько его снарядов попали в машину со счетверенным пулеметом, разнеся вдребезги установку и убив практически весь расчет. Тщательно прицелившись, Михаил всадил короткую очередь в корпус «Бюссинга» и, приподняв ствол, вторую в район башни. Лента была заряжена через один обычными и бронебойно-трассирующими пулями, трассеры которых прочертили эффектно выглядевшую дорожку смерти прямо к корпусу машины. Обострившимся зрением Михаил успел заметить появляющиеся на броне легкие искорки от попадания пуль. Возможно, это была всего лишь галлюцинация, но ему казалось, что он точно видел как это, так и дымный след трассера срикошетировавшей пули. Броневи́к резко развернулся и, уткнувшись носом в ближайшее дерево, застыл в таком положении.

Танкетка короткими скоростными зигзагами мчалась вдоль дороги, сзади ее один за другими вставляли разрывы снарядов, а Михаил, с неожиданной для самого себя сноровкой выбирая удобные моменты, бил и бил короткими очередями по не ожидавшим такого отпора немцам. Огромные, по сравнению с обычными винтовочными, пятнадцатимиллиметровые пули крошили тела, отрывали конечности, заставляли разбегаться и прекращать огонь пулеметчиков и даже расчет легкой противотанковой пушки. Ее Михаил заметил во время очередного выстрела по поднятой пыли и щедро «полил» из пулемета до щелчка затвора. Лента кончилась, Шкенёв, как заправский акробат, на ходу выдернул старую ленту и достал новую, вторую и последнюю. Если честно, он не думал, что удастся расстрелять и первую. Заряжая пулемет, он наконец-то понял, что за посторонний шум лез ему в уши. Оказывается, это громко матерился механик-водитель, что-то увидевший впереди. Оглянувшись, Михаил взревел раненым тезкой:

— Разворачивайся, на х...!!!

Механик-водитель резко развернул танкетку, отчего Шкенёв чуть не свалился, успев в последний момент уцепиться руками за борт. Но только танкетка притормозила, Михаил быстро схватился за ручки пулемета, чуть повернул ствол и, нажав гашетку, прошептал: — Прости, майор.

Стоявшие за остановившимся бронетранспортером и ставшие видимыми только после очередного разворота танкетки немцы не успели среагировать. Они были слишком увлечены, со смехом разглядывая двух сдающихся русских, приволокших как доказательство своей лояльности раненого, еле стоящего на ногах майора. Пули прошли насквозь и немецких солдат, и сдающихся Леонова с Горшковым, и повисшего между ними Семенного. Часть из них прошла борт бронетранспортера и пронизала топливный бак. Бронетранспортер вспыхнул как спичка.

Но ни Шкенёву, ни его водителю было уже не до этого. Пока они расстреливали группу у бронетранспортера, из-за машин выскочил еще один броневи́к и выстрелил по танкетке. Резкий удар, двигатель, взревев, замолчал, и откуда-то потянуло дымом.

— Прыгай, Степаныч, и в кусты! — из последних сил закричал Михаил. Механик-водитель хотел возразить, но, увидев бегущую по боку кровь, бессильно опустившуюся левую руку и бледное, без единой кровинки лицо говорившего, молча кивнул и рыбкой выскочил из загорающейся танкетки.

Шкенёв, доразвернув пулемет, дал еще последнюю длинную очередь и из последних сил перевалился через борт. Силы быстро покидали его, и последнее, что он успел сделать, это рвануть кольцо ручной гранаты, которую после рассказа Сергея Иванова о боях с басмачами носили многие командиры бригады.

Глаза его уже закрывала предсмертная тьма, когда он засек рядом какое-то движение и еле слышные чужие голоса. Развернувшись из последних сил, он явственно услышал щелчок взрывателя и успел неразборчиво прошептать замирающими губами запомнившееся с детства:

— Несть больше сея любви, нежели живот свой положите за други своя...

«Указ Президиума Верховного Совета СССР.

За мужество и героизм, проявленные на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками присвоить старшему лейтенанту Шкенёву М. Г. звание „Герой Советского Союза“ (посмертно).

Председатель Президиума ВС СССР (подпись) Калинин».

«[...] 12 августа. Совещание в Кремле по вооружению тяжелых танков. Присутствовали также Котин и Грабин. Предложено разработать 85-мм пушку для танка KB-1 ввиду несоответствия мощности 76-мм пушки. Грабин предлагал также 107-мм орудие. Временно из-за необходимости восстановления

производства бронебойных снарядов 107-мм вопрос отложен. Рассматривали вопрос по недостаткам вооружения танка KB-2.[...]»

Дневник наркома танкостроения т. Малышева, 1941 год

13 августа. 1941 года Штаб ОТТБР. Сергей Иванов

«Очень длинный день», так, кажется, называлась книга о десантной операции «Оверлорд». Не знаю, как там англо-американцам, а мне вчерашний точно очень длинным показался. Сначала разбирались с чмошниками. Эх, как эти крысы тыловые пытались отмазаться! Но я все равно нашел, кто, где и сколько украл. Не с опытом сороковых против нашего, из будущего принесенного, тягаться.

Потом по парку машин данные смотрел. Недооценивали все же в будущем KB, ох, недооценивали. При нормальном обслуживании и обученных водителях — вполне себе танк. Еще бы пушку ему помощнее, с хорошим осколочно-фугасным и бронебойным снарядом, совсем отлично было бы. Например, восьмидесятипятимиллиметровку. Мечты... Черт, а с запчастями точно хреновато. Все же мехводы у нас не самые подготовленные, ломают и жгут трансмиссии. Запчастей же нам удалось выбить в самый обрез. Да и где их взять, если заводы в первую очередь гонят танки. Как говорил капитан Копылов: «Почему у нас лучшие в мире ракеты? Потому что к ним запчастей не надо!»

Так что с танками у нас теперь не очень. Из первоначальных сорока четырех KB и двенадцати легких танков осталось шесть легких, причем пять Т-50 и один немецкий, «двойка». Все Т-40 мы потеряли. Нет, в следующий раз надо больше «пятидесяток» просить, если будут. Из тяжелых осталось в строю двадцать одна машина, безвозвратно потеряно пятнадцать, из них две по техническим причинам. Еще три машины восстанавливаются, а вот остальные пришлось уволочь на станцию и отправить на завод. Но я, если честно, ожидал худшего.

Вот так разбирался я со всякой текучкой, завидуя Андрею, который мотался по батальонам вместо возни с бумажками, когда начался сильный авианалет. Едва он закончился, меня в оперативный отдел штаба вызвали, а там уже куча новостей. Немцы еще сил подтянули, теперь уже против Бирюзова и Сидкова, после авиационного налета и артподготовки перешли в наступление и сбили наших с позиций. Пока мы решали, что делать, пришло сообщение от тезки — разведка немецкая прорвалась в тыл, он ничего сделать не смог, скован боем. В общем, прикинул я и понял, что толстый северный полярный лис потихоньку к нам подкрадывается и уже мордочку показал. Хорошо, тут Андрей появился. Я на него эти хлопоты скинул, а сам на «трешку» командирскую, еще два легких танка и грузовик с пехотой прихватил да по дороге встречать колонну отправился. А тут с автожира радировали, что бой засекли на восьмидесятом километре. Мы, естественно, туда рванули. Пока добирались, немцы колонну нашу разгромили и уйти пытались. Но два оставшихся автожира попеременно за ними следили и нас извещали. Так что мы их перехватили и на ноль помножили. Вот только убитых и то, что они везли, уже не вернуть. Осталось в живых всего трое. И все в один голос о подвиге старшего лейтенанта Шкенёва рассказывают. Эх, а я, помнится, так над его танкечанкой подшучивал... нет, надо добиться, чтобы его наградили по максимуму. Черт, да он, судя по всему, один целый взвод положил, да еще бронеавтомобиль и бронетранспортер. Если бы каждый так!

Ладно, сегодня немцы успокоились, видимо, опять нам завтра сюрприз готовят. У нас же всего один автожир и остался, а армия никак не шевелится, чтобы авиаразведчиков сюда послать. Хорошо хоть кто-то догадался нам эту экспериментальную эскадрилью отдать. И то, я думаю, потому что больше никто с ней связываться просто не хотел, аппараты незнакомые, что с ними делать, неясно. Зато нам они как раз ко двору пришлись. Жалко, что не настоящие вертолеты, но и эти машинки неплохо нам послужили. Для связи не хуже нынешних У-2, садятся на пятачок, в воздухе на совсем малой скорости планируют, пару

стокилограммовок запросто несут. Как вчера один ловко над немецкой колонной в воздухе прижав и бомбы точно в передний грузовик вложил! Правда, и ему от пулеметного огня здорово досталось, но прилетел ведь. Вот и ремонтируют его сейчас, а второй пытается разведать с воздуха. Увы, немцы истребителей понагнали и пусть в основном вдоль линии фронта патрулируют, но автожир летать не дают. Ясно, что какую-то пакость готовят. Но вот какую? Обсуждали с Андреем возможные действия, подготовили приказы на несколько вариантов. Посмотрим, насколько мы умные...

Тэк-с, сейчас посмотрим, что там такое? Ага, Сема с радистами над чем-то работают.

— Здравия желаем, товарищ инженер-майор!

— Здравствуйте. Чем занимаемся?

— Пытаемся немецкие передачи перехватить. Пока не получается. Тишина в эфире, — разводит руками Семен. Остальные радисты кивками подтверждают его слова. Молчит даже их командир.

— Совсем ничего не поймали?

— Кроме переговоров авиации — ничего.

— Поня-ятно. Ну что же, продолжайте.

Быстро в штаб. Молчание в эфире — самый скверный признак. Точно ударят — не сегодня, так завтра. И все, придет нам северный зверек. Боезапасов у нас на полдня интенсивного боя осталось...

Надо срочно отправлять автожир в штаб армии...

13 августа. 1941 год. Ижевск. Завод номер XXX

Упорство и труд все перетрут. Конечно, особенно если дать достаточное время. Только с последним у коллектива ОКБ были проблемы. Время утекало, как вода сквозь пальцы, а многие проблемы так и не решались, несмотря на все упорство и весь труд многочисленного коллектива. Пока удалось лишь полностью переработать систему ленточного питания, сделав ее более надежной в эксплуатации. По предложению Коровина разработали специальную коробку, пристегиваемую к гранатомету, для ленты на двенадцать гранат. Ничего особо революционного в этой идее не было, немцы, разрабатывая ручной пулемет на базе «Максима», в свое время тоже поместили ленту в пристегиваемом коробе, но Таубин признал, что решение было удачным. День за днем наблюдая за своим начальником, Яков Григорьевич понял, что сильно его недооценивал. Может быть, новые идеи выдавались Коровиным нечасто, зато по умению детализировать идею, оживить ее, разработать с технологической точки зрения с ним мало кто мог сравниться. Яков самокритично признавал, что ему никогда в этом с Сергеем Александровичем не сравниться.

Вот и сейчас, Генеральный практически на равных разговаривает с главным технологом завода.

— Думаю, здесь допуски можно и расширить, только вот эта поверхность должна быть обработана с наивысшей точностью. Поэтому я считаю, что надо обработку этой детали разбить на три операции, — говорит Коровин, одновременно расчерчивая на лежащем перед ним листочке бумаги предлагаемую последовательность обработки деталей.

— Нет, так не получится. При такой схеме мы сразу сломаем весь техпроцесс, — озабоченно говорит технолог, рассматривая рисунки Коровина.

— А почему не получится? Сделаем вот так, — и карандаш в руке Коровина снова заскользил по бумаге.

— Это да, но вот количество фрезерных операций на этом этапе возрастает...

Тут Таубина отвлекает группа проектировщиков, принеся на утверждение чертежи нового варианта станка. Возглавляет ее молодой, подающий надежды студент Барышев.

— Ну, и что вы мне покажете? — спрашивает Таубин, пока чертежники закрепляют ватман. — Придумали что-нибудь?

— Придумали, придумали, — сразу в несколько голосов отвечают пришедшие, улыбаясь.

— Посмотрим, посмотрим, — Таубин подходит к кульману. На нем, кроме изометрического изображения, закреплены и несколько более мелких чертежей станка.

— Вот, Яков Григорич, предлагаем такой тренажный станок. В сборе с телом гранатомета его могут переносить двое, вес меньше предыдущей модели. Примерно вдвое меньше и трудоемкость изготовления.

— Подождите, а насколько ухудшится точность стрельбы? Легкий станок... Вот это что?

— Тут такая хитрость, Яков Григорич. Мы подрессорили переднюю ногу, поэтому точность упасть не должна. Для крепления на танке вот этот откидной замок. По тем чертежам, что у нас есть, должен цепляться за рукоятку люка осмотра трансмиссии. При этом легко и быстро расцепляется, и наш гранатомет можно использовать отдельно.

— Пока все выглядит неплохо, с моей точки зрения. Да, а ведь на поле боя не всегда можно будет переносить оружие в сборе. Об этом вы подумали?

— Конечно, Яков Григорич, долго этот момент рассматривали и решили...

— Чего застеснялся, выкладывай.

— Надо делать сошки на гранатомете. Если вдруг второй номер будет убит, то некоторое время можно будет и с сошек стрелять. Конечно, только прямой наводкой, но все же...

— Хорошо. Мне вариант нравится. Сейчас сходите пообедайте, а потом будете его защищать перед Генеральным.

День пролетел почти незаметно. Совещание, разговоры, бумаги, цех... Вечером, подводя итоги, Коровин сказал, что работы движутся быстрее графика и единственный неустранимый пока недостаток — это малая мощность боеприпаса:

— ...Надо продумать все возможные пути увеличения эффективности гранаты. Предложенные варианты усложняют конструкцию, практически не увеличивая эффективности боеприпаса. Принятая в настоящее время к производству граната с вставкой по примеру РГ-42 не намного повысила эффективность. Поэтому — думаем, думаем и еще раз думаем. Все предложения, какими бы они ни казались фантастическими, собирать и тщательно просчитывать. Я надеюсь, что мы совместными усилиями найдем пути решения задания партии и правительства.

14 августа. 1941 год. Штаб группы Иванова. Сергей Иванов

Опять вернулся к своей группе. За время моего отсутствия она переместилась чуть восточнее и теперь занимает оборону на крайнем правом фланге бригады, уступом за обороной мотострелков. Черт, как же не хватает обещанного кавалерийского корпуса. Эх, как бы мы сейчас могли немцев за мягкие тыловые части покусать! Им бы не только про наступление на Вязьму, им и о наступлении на нас думать некогда было бы.

Теперь нам остается только крепить оборону и ждать, чего немцы придумают. Выдумщики они еще те, такое придумают, что и не сообразишь сразу. Как единственную гарантию против неожиданностей послал вперед взвод разведчиков и приказал еще несколько отсечных позиций выкопать. Да, еще для танков дополнительных капониров накопали. В общем, сделали что могли и сейчас отдыхаем, пока есть возможность.

Интересно, а что тут делает Номоконов? Неужели Андрей его группу к нам перебросил?

— Здравствуйте, Семен Данилович.

— Здравия желаю, товарищ майор.

— Как жизнь, как дела? Много точек на трубке прибавилось?

— Однако шутишь, товарищ майор? Разве это жизнь? Вот до войны жизнь была. Белку

били, соболя били. Деньги хорошие получали, дома нам построили, жить как в городе стали. Радио, однако, провели, свет в домах электрический. А сейчас опять как звери живем, в землянках, лесу, с места на место кочуем. Да, зато точек прибавил, немного, однако, всего два десятка.

— Семен Данилович, вы же в батальоне Таругина были?

— Дык нас оттуда к вам перебросили. Дней пять уже. Сказали, здесь нужнее. Там неплохо пострелял. Однако офицеров трех взял, которые в такие трубки смотрели, как у Колодяжного.

— Так это ты наблюдателей немецких снял? А я все гадал, с чего они перерыв в стрельбе сделали. Молодец, Семен Данилович, хорошо нам помогли. Как же вы к ним подобрались, расскажите?

— Просто. Я тогда ночью под танк немецкий сгоревший залез и спрятался хорошо. Немцы меня и не видели. Стрелял, когда грохот сильный был, однако, когда наши пушки стреляли.

Разговор прервал подбежавший посыльный. В штаб так в штаб. Прощаюсь с Номоконовым и иду к штабному блиндажу. Опять новости какие-то?

Н-да. Все чудесатее и чудесатее, то есть хуже и хуже. Пришла телефонограмма, что боеприпасов для наших «двушек» больше не будет, а корпус, который нас сменить должен, запаздывает. Вот это здорово. Короче, настал наш последний и решительный, кажется. С начальником штаба и снабженцами прикидываем, что осталось и как рациональнее распределить. Латание тришкиного кафтана продолжается часа два.

Ага, пора и пообедать. Обедаем прямо в штабном блиндаже, куда приносит котелки с едой ефрейтор Сванидзе, наш штабной посыльный.

После обеда сидим в блаженном ничегонеделании и покуриваем. Штабисты мирно травят анекдоты, на мой взгляд, абсолютно не смешные, но вызывающие неизменные взрывы хохота у окружающих. На небе ни облачка, пригревает солнышко, и только издалека доносящийся шум моторов истребителей, барражирующих над нами, напоминает о войне. Но мысли у меня все сосредоточены именно на ней. Напряженно прокачиваю обстановку. Как бы я поступил в данном случае? Не уверен, что правильно, но я бы отошел. Если я правильно оцениваю обстановку из «достоверных» источников вроде услышанных сообщений Совинформбюро и газет трехдневной давности, чудом попавших к нам в штаб, немцы наступление продолжают. Не думаю, что перехваченное нами шоссе, при всей его важности, критично для немецкого снабжения. Наверняка они, как и на Украине в июне, уже нашли альтернативные дороги. И мы им сейчас не кость в горле, а скорее удобная мишень для битвы, которая сама ждет, когда по ней ударят. Боюсь, что так все и есть. Так что затишье это продлится недолго, еще максимум день. Пока подтянут пехоту, согласуют с люфтваффе, разведуют цели для артиллерии...

Неожиданно вспоминаю недавнюю бомбежку. Ошибся я тогда здорово, никаких немецких «штырлицев» вокруг нашей группировки не было. Просто к расположению штаба вела такая накатанная дорога, которую даже с самолета различить можно было. Все машины, все танкетки посыльных, все грузы — все шло по одной дороге. Немцы это дело засекли, да, наверное, еще что-то сфотографировали, вот и бомбили нас как проклятые. Надеюсь, «доблестные гитлеровские соколы» записали нас в уничтоженные цели. Тогда и появление наше для немцев полной неожиданностью будет. Кстати, про неожиданность... неплохая мысль появилась:

— Товарищ Москалев, подойдите ко мне.

— Слушаю, товарищ майор.

— Есть у меня одна идея...

Несколько минут объясняю командиру приданного взвода саперов пришедшую в голову идею. Он у нас маскировкой и ложными позициями занимается, пусть и воплощает. В наше время, при хай-тековском оснащении разведки, такое вряд ли сработало бы, а здесь, я думаю, вполне сойдет.

— ...но только добровольцы. И укрытия для них понадежнее отстройте, чтобы не всякая бомба взяла. К шести ноль-ноль завтра жду доклада.

— Есть, товарищ инженер-майор. Сделаем.

Точно сделает. Энтузиаст еще тот, да и взвод у него подобрался ему под стать. Кулибин на Стаханове. Все делают с выдумкой, в срок, а то и раньше, и часто на голом энтузиазме. Почти никакой техники, не зря же довоенная шутка про саперов «Один сапер, один топор, один день, один пень» на основной их инструмент намекает.

После ужина иду к себе в землянку. Ну, вот наконец-то и Сема вернулся, навстречу идет... хотя скорее летит, над землей взмывая. Кажется, не зря его отпустил вчера вечером. Вон какой одухотворенный, мчится как на крыльях. А может, и вправду на крыльях. Любовь, говорят, окрыляет... Я-то этого уже почти не помню, в последние годы у нас с Ленкой чистая физиология была.

— Привет, Серега! — Физиономия Семена лучится счастьем и неземной радостью.

Я нервно оглядываюсь. Так, никто не видел.

— Здравствуй, здравствуй, конь ушастый... Смирно! Ты в армии или где? Ты на войне или на гулянке? Я, конечно, понимаю, что влюбленным море по... по пояс, но думать-то немного надо? Какой я тебе, млять, при всех Серега? Ты опять забыл, где мы находимся?

— Извини...те, товарищ инженер-майор. Забылся. — Веселое выражение сползает с лица Семы.

— Думай, прежде чем что-то делаешь. И учти, на фронте расслабляться нельзя. Ты ничего вокруг не замечаешь, — снимаю я с него стружку на пути в землянку. Мало ли таких вот восторженных видел я в свое время. Письмо от невесты получают и идут, ничего не видя на радостях, прямо под прицел душманского бура.

— Ладно, забыли. Колись, раз уж такое дело. Ну что? — спрашиваю его, когда оказываемся вдали от любопытных глаз и ушей.

— Она согласилась выйти за меня, — выпаливает радостно Сема, и я одобрительно жму ему руку, добавляя:

— Молодец! Совет да любовь.

— Это точно любовь. Никогда у меня такого не было, — уже забывший все обиды Сема улыбается, а я...

Я завидую ему и рад за него. Но не оставляет меня мысль, что все это недолговечно и хрупко, как вся наша жизнь здесь.

14 августа. 1941 год. Москва

Ничего, кажется, не изменилось в кабинете на площади Дзержинского, кроме усталости хозяина, видной при первом же взгляде. Но это нисколько не отражается на его работе, он так же целеустремленно работает с бумагами, иногда делая необходимые звонки и помечая что-то для себя.

Секретарь появился в двери бесшумно, как привидение, но хозяин кабинета сразу оторвался от бумаг и посмотрел в его сторону.

— Мурашов прибыл, — доложил секретарь и, получив в ответ хозяйское «Зовите», скрылся за дверью.

Поздоровавшись с вошедшим, хозяин отложил в сторону бумаги и приказал:

— Докладывайте, Юрий Владимирович, что у нас нового по «Припяти»?

— За прошедшее время серьезных материалов не поступало. Объекты наблюдения ведут себя по-прежнему, наносимый подчиненными им частями противнику урон превосходит все возможные выгоды от стратегического внедрения. Это мнение четырех независимых экспертов, которым я, с вашего разрешения, давал материалы на анализ. Отработаны и проверены результаты работы секретного сотрудника Верный в отношении объекта Припять-два. Практически ничего существенного установить не удалось. Необычное

в среднем поведение объекта в половой жизни вполне, по оценке специалистов, укладывается в варианты нормы и никаких отличительных признаков для опознавания национальной или социальной принадлежности объекта не несет.

— Получается, что пока у нас по-прежнему никаких фактов, одни подозрения. Понятно. Как с оперативным освещением?

— В настоящее время работают четыре секретных сотрудника, привлечен к освещению деятельности еще один добровольный помощник. Ничего нового не получено. Но я еще не получал донесений за последнюю неделю. Впрочем, в полученном до этого есть кое-что. Я считаю этот факт сомнительным, но...

— Докладывайте, докладывайте.

— Помните о необычайных вычислительных способностях Припяти-три? Так вот, добровольный осведомитель доложил, что вычисления объект производит не в уме, а использует неизвестный прибор. Во время боя объект в срочном порядке рассчитывал баллистическую таблицу для захваченных немецких пушек. Наблюдателю удалось увидеть, что это что-то вроде небольшого плоского портсигара с кнопками, нарисованными на светящемся экране, на котором также отражаются в виде таблицы результаты вычислений. Объект Припять-три его не заметил, увлеченный выполнением работ, что и позволило наблюдателю рассмотреть подробности.

— Изобретатель какой-то? Ничего криминального. Правда, непонятно, зачем он тогда скрывает этот агрегат?

— Вот именно, Лаврентий Павлович. Причем скрывает очень тщательно. К тому же смущают размеры и особенности прибора. После консультаций с учеными по этому вопросу могу вас заверить, что современная техника не позволяет создать прибор, производящий столь сложные вычисления в таких габаритах и с таким экраном.

— Так что вы хотите сказать? Чудо-ученые какие-то? Или иностранные сверхагенты? Или как у Уэллса — машина времени?

— Прошу извинить, товарищ нарком, но пока ничего конкретного доложить не могу.

— Ладно. Оставьте докладную у меня, посмотрю. Нет, ну фантасты. Прямо Беляевы. Даже меня заставили в эту ерунду поверить. Перейдем к более конкретному делу. Что у нас по Ижевску?

— Работа идет, товарищ нарком. Судя по донесению первого отдела, должны уложиться в сроки. Уже добились повышения надежности, сейчас работают над эффективностью боеприпаса. Разработан новый станок, испытания дали положительный результат, вес системы снизился на 4 килограмма, кроме того, стало возможно крепление на бронетехнике.

— Вот это хорошо. А то товарищ Сталин уже интересовался. И еще... товарищу Сталину очень понравилась аналитическая записка нашего наркомата. И он приказал, чтобы мы еще раз провели такую же работу. Так что как только обстановка на фронте улучшится, отправлю вас к вашим старым знакомым. Поедете под прикрытием, легенду продумайте. Записку с вашими предложениями передадите секретарю завтра до семнадцати ноль-ноль. Вопросы?

— Все понятно, товарищ нарком. Разрешите идти?

— Идите.

Мурашов вышел, а оставшийся один нарком несколько раз прошелся по кабинету, затем остановился и несколько минут рассматривал карту, о чем-то размышляя. Вернувшись к столу, он открыл папку с докладом Мурашова и несколько минут тщательно читал ее. Затем отложил бумаги в сторону и долго сидел, сняв пенсне и протирая его кусочком фланели. Лицо его приобрело беспомощно-задумчивое выражение, свойственное очкарикам. От размышлений наркома отвлек очередной звонок по телефону. Ответив, Берия решительно отложил в сторону бумаги, принесенные Мурашовым, и продолжил работу.

Через некоторое время он вызвал секретаря и отдал несколько распоряжений. Вечером автомобиль отвез наркома не домой, а на одну из конспиративных квартир в старом,

дореволюционной постройки доходном доме, спрятавшемся среди множества таких же на одной из улиц Москвы. С кем встречался Лаврентий Палыч и о чем шел разговор, осталось неизвестным как его современникам, так и потомкам.

«Из вечернего сообщения Совинформбюро от 14 августа 41-го г.

В течение 14 августа наши войска вели бои на СТАРОРУССКОМ, СМОЛЕНСКОМ, КИЕВСКОМ, КОНОТОПСКОМ направлениях. Несколько дней назад наши войска после упорных и продолжительных боев оставили город Смоленск.

Наша авиация продолжала наносить удары по войскам противника и атаковала его аэродромы.

За 13 августа уничтожено 43 немецких самолета. Наши потери 35 самолетов.

В Балтийском море нашей подводной лодкой потоплен немецкий танкер водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн».

15 августа. 1941 год. Штаб ОТТБР

Как и ожидалось, немцы начали серьезное наступление с утра. Похоже, действия небольшой, но активной группы войск были наконец-то ими оценены по достоинству, и они подтянули все силы, какие смогли.

Началось с авиационного налета. Наверное, целая эскадра «Хейнкелей» бомбила тылы, дороги и даже прифронтовые леса. Не меньшее число пикирующих «Юнкерсов-87», уже прозванных за неубирающееся шасси «лаптежниками», завывая сиренами, сбрасывали четверть- и полутонные бомбы на передовые позиции и ближайший тыл. Удивительно, но наша авиация тоже не осталась в стороне. Почти четыре десятка истребителей И-16 и МиГ-3, из поддерживающего истребительного полка, вступили в бой и сумели сбить по несколько немецких самолетов каждого типа. Руководил их атакой с земли авиационный наводчик, за которого неплохо отработал бывший командир эскадрильи автожиров старший лейтенант Трофимов. Вовремя фронт выделил авиационный полк для прикрытия, а еще лучше, что у этих истребителей, пусть только на командирских машинах, оказались радиостанции. Но после двух вылетов командование перенацелило истребители туда, где они показались нужнее. Немцы, словно узнав об этом, нанесли еще один мощный авиационный удар, на этот раз по передовой. Снова с диким воем сирен переворачивались через крыло «лаптежники», снова ходили кругами над рощами и перелесками «Хейнкели», сбрасывая вперемишку фугасные «сотки» и мелкие осколочные бомбы в надежде накрыть расположение наших артиллерийских батарей.

Над штабом также появилась девятка пикировщиков, но не обычных «лаптежников», а более тяжелых и новых «Юнкерс-88».

— Кажется, немцы обнаружили нас. Наверное, по работе радиостанций засекли, — отметил спокойно Мельниченко, выслушав доклад от поста ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи).

— Если так, то штаб они бомбить не будут, мы радиостанции несколько дней в пятистах метрах южнее держали, — ответил Калюшин, наблюдая, как операторы принимают доклады и наносят на карту изменения.

— Закончится бомбежка, поеду к Сидкову, — сказал Иванов и уже поворачивался к связисту, когда к нему обратился Калюшин:

— Прошу вас остаться в штабе. Немцы бомбят, управление и так ни к черту. Сейчас еще глушилки включают, и вы вообще от нас отрезаны будете. Считаю, что здесь вы нужнее.

Подумав, Мельниченко кивнул.

«Юнкерсы» действительно отбомбились в основном по старому месту размещения раций, но по закону подлости, весьма действенному на войне, несколько бомб упали и в расположении штаба. Одна из них попала точно в землянку связистов, убив находящихся там людей, а вторая повредила одну из оставшихся посыльных танкеток.

— Теперь при серьезном перебое в связи нам может не хватить специалистов, — заметил Калошин, узнав о случившемся. И все. Больше об этом никто не вспоминал, начался бой.

Звонки и донесения, посыльные и операторы, снующие по помещению штаба, Калошин и Мельниченко, то сходящиеся вместе, то говорящие по различным телефонам, — все это напоминало муравейник, в который шаловливые хулиганы воткнули палку. Как гроссмейстер, разыгрывающий вслепую одновременно несколько шахматных партий, Мельниченко руководил разгорающимся боем. Но, в отличие от гроссмейстера, точных данных о противнике у него было намного меньше, а мешающих принятию правильных решений факторов больше. Всех, кто критикует принятые полководцами решения, неплохо бы поместить на их место, хотя бы даже в компьютерной игре. А еще лучше — с полным присутствием, чтобы рвались снаряды, грохотали бомбы, пикировали с неба самолеты и данные поступали либо несвоевременные, либо неточные. Вот тогда думай, бросить оставшиеся резервы в бой полностью, или поддержать кого-то одного, или просто подождать, пока все решится само собой, потому что силы немцев тоже на исходе и не станут они дальше рисковать...

Мельниченко и Калошин, как два дирижера, снова и снова собирали в единую мелодию боя действия отдельных батальонов, рот и батарей.

— У Сидкова намечается прорыв на левом фланге. Немцы явно планируют отсечь нас от Бирюзова, — сказал Калошин, напряженно разглядывая свеженанесенную на карте обстановку.

— Отправьте туда роту Махрова. Приказываю контратаковать накоротке. Остальной резерв держите в готовности. Думаю, немцы нас отвлекают и скоро нанесут главный удар по самому нашему уязвимому месту. Новости от Сергеева? — Мельниченко решительно и, со стороны кажется, не особо задумываясь, отдал приказание; лишь взглядевшись, можно заметить остановившийся, устремленный в себя взгляд и мелкие бисеринки пота на висках. Нервное напряжение иногда прорывалось наружу в чуть более замедленных движениях или нечаянно сломанной папиресе.

— Не уверен, что вы правы. Авиаразведка, по данным штаба армии, не обнаружила вчера серьезных скоплений войск в этом районе, — Калошин, передавая полученные приказы для оформления и отправки вниз, успевает высказать и свое мнение.

— Будем считать, что я прав, — улыбка Андрея похожа на оскал.

— Посыльный от лейтенанта Сергеева! Немцы нанесли удар по группе Иванова и обходят ее с правого фланга!

— Лучше бы я ошибся, — прошептал еле слышно Мельниченко.

— Где же первый мехкорпус? — так же тихо ответил Калошин.

— Итак, весь резерв — в распоряжение Иванова. Я поеду на своем танке. — Мельниченко решительно, не слушая возражений Калошина, направился к выходу.

В этот момент в блиндаж вбежал еще один посыльный.

— Немецкие танки в тылу, движутся в расположение штаба!

— Ну, Игорь Григорьевич, — опять с той же улыбкой сказал Андрей, — правы вы оказались. Резерву: со мной танковую роту, остальным — занять круговую оборону.

«Из вечернего сообщения Совинформбюро от 15 августа 41 г.

В течение 15 августа наши войска вели бои на СТАРОРУССКОМ, СМОЛЕНСКОМ, КИЕВСКОМ, КОНОТОПСКОМ направлениях. Продвижение немецко-фашистских войск приостановлено.

Наша авиация продолжала наносить удары по войскам противника.

За 14 августа уничтожено 24 немецких самолета. Наши потери 9 самолетов».

16 августа. 1941 год. Сергей Иванов

Черт побери, ну вчера и денек был! Бл..., я думал, уже все, писец полный. С утра у нас тихо было, пробомбили раз, и все. Наши истребители вовремя появились и здорово немцев потрепали. Только я с командного пункта три сбитых «лаптежника» заметил.

У нас-то было тихо, а со штаба бригады передали, что на Сидкова навалились. Пришлось туда свой основной резерв отдать — роту Махрова. Пять КВ-2 с полным боекомплектom — это вам не хухры-мухры. Сила, равная которой у немцев не раньше сорок третьего появиться должна.

Не успели мы, однако, дообедать, а от Сергея Олеговича посыльный примчался. Немцы большими силами потеснили его дозоры и обходят наш левый фланг. Ну, думаю, сволочи, как же они наших летунов накололи, ведь, по данным авиаразведки, не было у них больших сил. Собрал ударный кулак из пяти КВ-1 и своего «Рыжего», и вперед. Хорошая здесь местность для обороны, лесочки, распадки, кроме оврагов у берегов рек, все для танков проходимо. Вот таким лесочком мы во фланг немцам и зашли.

Я из люка высунулся, благо Кузьма молодец, грамотно танк поставил, башня чуть-чуть из-за холма видна, и смотрю. Ага, эсэсманы браво вперед выдвигаются, наши уже отошли, и по полю свернувшаяся батарея немецких пехотных орудий пробирается, несколько пехотных рот, да автомобили. Потом правее глянул... Мама моя родная, а там еще пара взводов танков ползет, резерв, похоже.

А на поле броневинок немецкий и один наш Т-50 стоят. Броневинок весело так догорает, а «пятидесятка» вроде даже и неповрежденная стоит. Достал я флажки да сигнал дал: «Вперед! Делай, как я!»

Смотрю, что-то немцы засуетились, наверное, все-таки грохот дизелей услышали. Лес и холмики его, конечно, приглушают, но не до конца. А дизелек на КВ, даже с глушителем, грохочет погромче, чем на Т-55.

Только поздно суетиться они начали, б...и. Мы уже в атаку пошли. Я в башне сижу, танк по холмам скачет, грохот стрельбы и мотора, пороховой дым в нос лезет, а меня смех пробирает. Представил картинку со стороны немцев, и смешно стало.

Идут это они в наступление, отбросив слабый заслон «иванов», а тут шум подозрительный, и на склон холма вылазят одна за другой туши неуязвимых, для того что у них есть, русских гигантов. Неприятный такой сюрприз, и сбежать некуда. Пожалуй, тут и в штаны наложить можно.

В общем, дали мы им крепко. Сначала батарею и пехоту обстреляли. Хорошо, что у меня в боекомплекте всегда пять шрапнелей есть. Для Колодяжного уже привычно по пехоте шрапнелью отстрелять, всего один клевок и получился. Конечно, и пулеметами добавили, и «первые» осколочными. Но те в основном по танкам били. Потом они сбросили десант, и вперед, а наш «Рыжий» чуть сзади. Колодяжный со второго выстрела накрыл головной танк. Вот тут я наконец увидел то, о чем часто читал. Полубронебойный морской снаряд пробил насквозь весь танк и выкинул назад еще работавший двигатель. Оптика у меня на башенке немецкая, видно было отлично, мне даже показалось, что вращающийся обрывок коленвала вижу. Только тут мы уже с немцами еще больше сблизились, и не до того стало. Успевай только вокруг осматриваться и командовать. Но не смогли мы до конца эту колонну добить, мне по ТПУ Сема сообщил:

— Помехи исчезли, нам передали сигнал «Буря».

Я тогда всех извещаю циркулярно:

— Первые, первые, «Буря», выходим из боя. Десант подобрать и назад.

Сигнал «Буря» — значит, и основным силам батальона тоже плохо. Немцы почти прорвались, а наши на вторую позицию отошли. Мы назад вернулись, немцам во фланг ударили да на заправку отправились. Смотрю, а снарядов-то у меня всего полтора десятка осталось и пополнить негде. Опросил других — а у них немногим лучше. Ладно, «первым» мы немного боекомплект дополнили, тыловики загружать помогли. Для «двоек» снаряды кончились, совсем.

Потом мы еще один огневой налет немцев переждали, да накоротке контратаку устроили. Пока немцы в себя приходили, все оставшиеся танки в колонну, машины, какие есть, всем, чем можно, загрузили, позиции заранее заминированы были, саперы остались до конца, взрыватели ставить. А мы отступать, тем более что и от Таругина известия об отходе подошли, да со штабом связь прервалась.

Короче, отправил я основную колонну, а сам с теми же танками — к штабу. Вовремя подоспели, немцы уже последние блиндажи подорвать собирались. Мы на них как снег на голову. Тогда же еще и остатки батальона Сидкова подошли, правда, без него. Жаль, но он, похоже, погиб или в плен попал. Зато мы совместно немцев от штаба отбросили. У меня вообще под конец ни одного снаряда не осталось, пришлось на таран идти. Раздавили мы «двоек» немецкую и как раз под огонь зенитки попали. Удар сильнейший, звон в ушах, Мурка в меня когтями вцепилась, из люка выскакиваю и понимаю, что не слышу ничего. А танк стоит, не горит даже. Тут пехотинцы наши подбежали, люк водителя помогли открыть. Заглядываю, а Кузьма сидит... как живой. Бл..., думаю, а Сема что? Смотрю, Колодяжный появился, что-то мне знаками показывает.

Открыли мы люк радиста — Сема еще живой был, только без сознания. Вытащили, он вздохнул еще раз и умер. А у меня в голове мысль: «Как же так, ну как же? Как глупо...» — и злость такая поднимается. Я у ближайшего пехотинца автомат выхватил, Мурку за пазуху и на немцев рванул. Поздно, правда, наши их уже добивали. Сегодня узнал, что характерно, пленных ни одного не взяли.

Потом я сознание потерял, кажется. Очнулся только к вечеру, в ушах как воды налили, но слышу. И Мурка рядом сидит, уши лапой дерет, тоже, видно, контузило. Смотрю, Колодяжный тут же сидит и Калошин весь перевязанный.

— Очнулся? — говорит, а у самого голос еле-еле слышно, я больше по губам догадался.

— Да, — отвечаю, — нормально. А где Мельниченко? С Андреем что?

— Не знаем, — уже Колодяжный отвечает. — Танк его подбили, а где экипаж, неясно пока. И Ленга не видно. Там такая каша была...

Тут кто-то из солдат вбегает, а за ним Ленг, окровавленный, потихоньку вваливается. И рычит на нас.

Я сразу понял, что нас к Андрею зовет, значит. Сам встать пытался, но голова кружилась. Пришлось Колодяжному приказать. Поискали они и нашли Андрея в воронке. Раненного, слава богу, нетяжело и не обгоревшего. А рядом Антон, тоже раненый, без сознания, как и Андрей, и два эсэсмана загрызенных. Кто-то из них, видимо, Ленга и ранил.

Отошел я к утру более-менее, узнал, что вечером еще и механизированный корпус подошел, немцам прикурить дали, а затем отошли, чтобы в окружение не попасть, и нас с собой забрали.

Только госпиталь наш бригадный пропал в полном составе, с Леной вместе... вот так.

Вот так и принял я командование, теперь пойду бригаду строить. Заодно «Рыжего» посмотрю, его эвакуировали тоже. Снаряд и броню-то не пробил до конца, осколков Кузьме и Семе хватило, даже подбой не помог.

— Товарищ инженер-майор, сюда генерал Петров идет! — Это посыльный от Калошина. Кричит, знает, что я еще плохо слышу. Ну, идет, ну, генерал. Мало ли что ему надо? Бл..., это ж командарм! Быстро осматриваю обмундирование, снимаю с плеча цепляющуюся когтями Мурку и устремляюсь к выходу. Не успеваю.

— Товарищ командующий! Заместитель командира первой отдельной тяжелой

танковой бригады инженер-майор Иванов!

— Иванов, значит... так вот объясните мне, Иванов, как так получилось, что вы плацдарм для наступления первого мехкорпуса просра...и! Это, бл..., что за х..! Почему не удержали плацдарм, майор?

А во мне злость после вчерашнего такая... Прибил бы этого генерала борзого на месте, если бы не свита:

— Потому что вы, товарищ командующий, ни о подкреплении, ни о снабжении не позаботились. Еще и мехкорпус блуждал где-то три дня.

— Да ты... да я... Я тебя в порошок сотру! Ты у меня...

— Не надо так горячиться, товарищ генерал. — Знакомый голос... или показалось? Нет, точно — Музыка! И петлицы у него теперь другие, млин. Как там... Вспомнил! Старший майор госбезопасности! Ни хрена себе карьера. К тому же, кажется, не так уж прост, командующий армией заткнулся как миленький.

— Я думаю, товарищ Иванов доложит обо всем комиссии НКВД. Мы, я думаю, разберемся, в чем он и товарищ Мельниченко виноваты.

— Разбирайтесь, товарищ старший майор! Только учтите — мне бригада завтра нужна, немцы насаждают.

— Есть, товарищ генерал! Постараемся до завтра в основном разобраться.

И когда генерал со свитой выходят, а мы остаемся одни, Музыка подходит ко мне:

— Здравствуй, Сергей. Мне бы...

— Сема... погиб, — перебиваю я, и мы неожиданно крепко обнимаемся, словно старые друзья после разлуки.

«[...] После известия о гибели этого гениального самоучки, чьи идеи во многом способствовали развитию советской радиотехники, на нашем заводе прошел стихийный митинг. На нем родилось предложение назвать наш завод именем погибшего. Составлено было и письмо в партийно-правительственные органы с ходатайством по этому вопросу. [...]

Не менее интересной оказалась история названия быстроразъемных соединений. Мы знали, что их конструкция придумана именно Семеном Бридманом, и не скрывали этого от рабочих. Как-то незаметно получилось, что в их повседневной речи эти разъемы стали называться просто бридманами. Из повседневной речи это название незаметно проникло в документы... Позднее технология их производства была передана нами американским союзникам в порядке обратного ленд-лиза. Так что теперь это название стало общепринятым во всем мире. Если вы радиотехник и разбирали аппаратуру, в которой платы соединены между собой бридманами, знайте, что названы они в честь молодого гениального изобретателя, павшего в бою с немецко-фашистскими захватчиками [...]»

Академик Лосев О. В. «Воспоминания». М.: 1985 г.

7 сентября. 1941 год. Сиверское, Ленинградская область

С вагона подошедшего пригородного поезда, слегка прихрамывая на правую ногу, спустился полковник бронетанковых войск, судя по петлицам шинели. Поежившись от стылого ветра, он дождался, пока из вагона выпрыгнет большой, невиданных здесь ранее размеров черный пес со странными короткими ушами и таким же хвостом, подхватил новенький командирский чемоданчик, поставленный до того на чистый участок платформы, и, еще раз переспросив у проводника направление, пошел вдоль забора в сторону контрольно-пропускного пункта. На КПП он предъявил вытянувшегося при виде начальства дежурному свои документы, еще раз уточнил дорогу и пошагал в указанном ему заботливым

старшиной ВВС направлении. Пес, недовольно перебирая лапами, старательно огибая лужи и пытаясь укрыться от ветра за уже лишенными ветвей кустами на обочине, бежал вслед за хозяином.

— Это что же за начальник такой к танкистам прибыл, а, товарищ старшина? — спросил, закрывая калитку, боец, немолодой уже, разбитного вида мужичок в ладно приталенной шинели, с закинутым за спину старым автоматом ППД с рожковым магазином.

— Не нашего ума дело, но, думается, командир ихний из госпиталя вернулся. Помнишь, про него стрелок-радист рассказывал? — ответил старшина, впереди бойца входя в натопленное помещение КПП.

— Точно, вспомнил, про собаку еще такое рассказывали, я не поверил даже. Зато теперь увидел и думаю, что такой медведь не то что пяток эсэсовцев за раз, роту перегрызет и не задохнется, — продолжил боец, подбираясь поближе к гудящей буржуйке и протягивая к ней замерзшие руки.

— Да уж, такую зверюгу бы моему батяне на охоту. С ней никакой медведь не страшен, — согласился старшина. Разговор перебил рев авиационных моторов и лязг стекол.

— Наши пошли, — заметил боец.

— Рановато сегодня, — поглядев на часы, отметил старшина. — Похоже, срочная заявка.

— Похоже, — согласился боец, умачиваясь на скамейке, и разговор в помещении сам собой затих.

Тем временем полковник шел по расчищенной дорожке прямо к большому трехэтажному зданию с единственным подъездом под фигурным козырьком. Немногочисленные бойцы и командиры, попавшиеся навстречу, козыряя, уступали дорогу и невольно оглядывались, разглядывая невозмутимо бежавшую за хозяином собаку.

Наконец добравшись до подъезда, полковник поднялся на крыльцо и вошел в заботливо раскрытую дневальным дверь, встреченный громовым:

— Смиррна!!! — и дальнейшим докладом дежурного по штабу старшины Рогальчука. Доложившись, он крепко пожал протянутую полковником руку и добавил:

— Подполковник Иванов вас ждёт, таварышч полковник.

В это время из своего кабинета вышел начальник штаба майор Калошин. Еще одно приветствие и недолгий разговор по дороге к кабинету с табличкой «Инженер-подполковник Иванов».

— ...Вот в двух казармах нас всех и разместили. Вторая похуже, барачного типа. Но поместились все, — докладывал на ходу майор Калошин.

Вот открылась дверь кабинета, вошедших уставным приветствием и докладом встретил Сергей Иванов, с новенькими, еще блестящими шпалами подполковника. Еще одно уставное приветствие, доклад, и наконец друзья остались одни в кабинете, заботливо подготовленном для командира бригады. Осмотревшись, Андрей сел за стол, жестом предлагая сесть и Сергею. Тот, улыбнувшись и отрицательно помахав головой, сначала подошел к стоящей у двери тумбочке. За ним с любопытством наблюдали три пары глаз — Ленга, сидящего за столом Андрея и забравшейся на сейф Мурки. Покопавшись внутри тумбочки, Сергей достал три стакана, черный хлеб, две порезанные селедки и кусок нарезанной сероватой, но ужасно вкусно пахнущей колбасы на фарфоровой тарелке. Немного колбасы и кусочек рыбки попадали, соответственно, Ленгу и Мурке, а остальное Сергей выставил на стол, дополнив натюрморт двумя солеными зелеными помидорами и бутылкой водки с залитой сургучом пробкой.

— Давай за встречу, — налив по первой, сказал Сергей, ставя на край стола налитый стакан, прикрытый кусочком хлеба. Быстро выпив первую, Сергей и Андрей дружно потянулись к бутылке. Сергей уступил, и разлил уже Андрей.

— Теперь за нас, — сказал он. Опять они быстро выпили, потом несколько минут сосредоточенно закусывали. Теперь бутылку взял уже Сергей, налил и молча передал стакан Андрею. Так же молча они встали и, глядя на стоящий на столе стакан, не чокаясь, выпили

третий тост.

— Эх, — печально выдохнул Андрей. Оба, не сговариваясь, одновременно вытащили папиросы, закурили и пару минут дымили в абсолютном молчании, сопровождаемые неодобрительными взглядами Ленга и Мурки.

— Рассказывай, — требовательно спросил Андрей, и Сергей, затушив папиросу, медленно и обстоятельно рассказал о прошедшем бое, смерти Семы и пропавшем госпитале:

— ...Так что если бы не вовремя приехавшая комиссия НКВД, писали бы мы с тобой оперу обо всем и оправдывались во всех грехах, совершенных и нет.

— Да уж, повезло нам с Музыкой, определенно, — согласился Андрей. Переглянувшись, они разлили остатки, допили и начали разговор о бригадных делах, танках, железках, штатах и укомплектованности.

— ... новые танки. Трансмиссия усовершенствована, вес несколько снижен. Называются модель С. Получили по штатам, сейчас понемногу обкатываем. «Рыжего» два дня назад получили из ремонта. Как новенький, тоже доработали и даже рацию поставили ленд-лизовскую, помощнее.

— Хорошо, а где разместили технику?

— Вот, видишь на плане — старые склады и хранилища приспособили. Еще до нас, мы уже на готовое приехали.

— Неплохо. Как с автомашинами?

— Намного хуже. Пока половина от штата набирается. Особенно реммастерских не хватает. Как мне той трофейной не хватает... И Шкенёва...

— И остальных...

Да... — помолчали оба. — Кстати, а Колодяжный теперь батареей самоходок трофейных командует. Я решил, пора ему расти.

— Согласен. Вообще штатку давай посмотрим. Зови Калошина.

Ноябрь. 1941 год. Полигон Меппен

— Мой фюрер, для противодействия новейшим танкам большевиков мы разработали усовершенствованные варианты тяжелого танка «тип четыре» и среднего танка «тип три». На них установлены более длинные пушки, пробивающие броню русских танков на полукилометровой дистанции, и усилена броня.

— Нет, господа, вы совсем не понимаете требования момента. Все это полумеры. Наличие сверхтяжелых русских танков не может быть скомпенсировано незначительными изменениями в уже выпускающихся моделях. Для противодействия ордам русских сверхтяжелых танков нам нужны свои такие же танки. Тодт, как обстоят дела с выпуском нового тяжелого танка? Мы ведь заказали их еще в июле?

— Первые серийные партии по сто машин будут готовы к маю следующего года, мой фюрер.

— Долго, но если не можете раньше... нет, принимайте все необходимые меры, чтобы танки готовы были к февралю. Окончательный выбор нужно сделать не позднее начала марта, чтобы подготовить достаточное количество к лету. Нам необходим танк, способный достичь превосходства над большевиками! Этот танк, как тигр в джунглях, будет охотиться на танки большевиков, уничтожая их прежде, чем они смогут нанести ему хоть какой-либо ущерб! Вы поняли, Порше?

— Понял. Это... Гениально, мой фюрер! Предлагаю назвать этот танк «Тигром».

— Порше, вы всегда правильно понимаете мои мысли. Я надеюсь, что и сейчас вы не подведете своего фюрера. Итак, господа, эти модели необходимо запустить в производство как промежуточные и ускорить разработку нового, более мощного и современного среднего танка тип пять...

Садясь в свой бронированный «Хорьх», Гитлер проворчал еле слышно себе под нос:

— Идиоты. Только Порше и Гудериан что-то соображают. Да и тот генерал...

Ноябрь. 1941 год. Кубинка. Танковый полигон

Сегодня на полигоне было почти по-довоенномулюдно, напоминая старожилам о тех смотрах техники, на которые приезжало все высшее руководство Советского Союза. Правда, в отличие от мирного времени, все шло по-деловому, без лишней показухи и театральности. Прибывшие гости сразу прошли к выстроенной для показа технике, стоящей на расчищенном от снега плацу. Размещенный перед испытательной дорогой танковый отряд поражал разнообразием типов танков и самоходок.

В первых рядах стояли несколько внешне почти не отличающихся танков с выстроенными перед ними экипажами.

— ...установлена также командирская башенка и новые приборы наблюдения, новые трансмиссии и частично изменена ходовая часть, — докладывал начальник испытательного отдела полковник Кульчицкий. Лично испытывавший большинство из поступивших на вооружение РККА танков, он, как никто другой, мог после нескольких минут вождения определить слабые места любой машины. Про него рассказывали, что, когда чехи привезли нам свой танк для продажи, он на спор сумел провести его по полигону так, чтобы с него слетела гусеница. Чехи, считавшие это практически невозможным, были поражены и, проиграв спор, даже купили ему ящик шампанского.

— Испытания начаты недавно, но можно сказать, что наши ожидания оправдались. Хотя нагрузка на органы управления пока еще высока, но по сравнению с предыдущим образцом снизилась примерно в три раза. Резко возросла надежность, появилась возможность переключать передачи в бою. Сравнение производилось с обычными серийными моделями.

— Хорошо, товарищ Кульчицкий, мы вас поняли. Давайте перейдем к новым образцам.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Перед нами образец тяжелого танка КВ-13. На нем установлена новая литая башня большего размера, с увеличенным погоном и новая пушка конструкции товарища Петрова калибра восемьдесят пять миллиметров. Расположенный рядом танк КВ-15 отличается только вооружением из танковой пушки калибра сто двадцать два миллиметра. За ними стоит самоходная установка КВ-14 со стопятидесятидвухмиллиметровой пушкой в неподвижной рубке увеличенного размера...

«[...] 20 ноября. Решено отложить выпуск танков с 85- и 122-мм пушками ввиду отсутствия достаточного количества станков для нарезки погона большого диаметра. Предложение о выпуске КВ-1 с установленной в них У-11 товарищ Сталин отклонил, потому что в башне тогда разместятся всего два человека и командир будет вынужден заниматься работой заряжающего. [...]

[...] 28 ноября. Очередное совещание в Кремле. Кроме меня и членов ГКО, присутствовали некоторые директора и конструкторы. Принято решение о выпуске некоторого количества танков Т-34 и КВ с моторами М-17Т из-за недостаточного выпуска дизелей. По ходатайству тов. Федоренко решено начать выпуск предсерийных КВ-15 с тем, чтобы накопить к лету не менее трех бригадных комплектов таких танков. [...]»

Дневник наркома танкостроения т. Малышева, 1941 год.

ЭПИЛОГ

Ноябрь. 1941 год. Штаб двадцатой армии

Генерал Власов пребывал в глубоком раздумье. Мало того что он болел и командовать ему было трудно, еще и задачу его двадцатой армии поставили сложную. Взять этот проклятый немецкий укрепрайон, да так, чтобы успех в глубину развить. А предыдущий командарм с его атаками в лоб потери понес такие, что полученное подкрепление их никак не восполняет. Да и подвижных войск в армии с гулькин нос, всего три бригады: танковая, мотострелковая и кавалерийская. Доложить-то наверх о недостатке сил он доложил, только вот поставленную задачу никто не отменял и не отменит. Что же делать? Придется создавать подвижный отряд, включив в него все три бригады, усилив танкосамоходным полком и автотранспортной ротой. Но кому поручить командование? Честно говоря, ни одного из командиров бригад ставить не хотелось, заместитель был нужен здесь, болезнь могла скрутить в любой момент. Ведь неудача в наступлении таких масштабов, как Вяземско-Козельская операция, сразу будет известна товарищу Сталину, и тогда конец карьере.

Размышления генерала прервал адъютант, заглянувший в кабинет. Расположение штаба в здании бывшего санатория, практически не пострадавшего от немецких бомбардировок, позволило разместиться с комфортом. А комфорт, кроме всего прочего, весьма помогает интеллектуальной работе. Так считал Власов, и даже недавнее событие с разбомбленным штабом Западного фронта не повлияло на его точку зрения.

— Что случилось, Юрий Исхакович? — спросил Власов адъютанта и скривился, почувствовав очередной приступ боли. Не растерявшийся адъютант быстро подал таблетку и стакан воды, заранее подготовленные и лежащие на тумбочке недалеко от стола. Через несколько секунд боль как будто утихла. Хотя умом генерал и понимал, что таблетка не могла так быстро подействовать, но ощущения были именно такими.

— Товарищ генерал, к вам полковник Мельниченко, командир первой гвардейской тяжелой танковой бригады, и его зам, подполковник Иванов, — произнес адъютант, внимательно следя за состоянием командующего.

— Подкрепление? Это хорошо. Попроси подождать десять минут, приду немного в себя, потом зови, — ответил, неровно дыша, Власов.

— Есть, товарищ командующий. Может, врача вызвать?

— Не надо. Вызовешь, когда скажу. Иди.

Адъютант вышел, а сидящий за столом генерал задумался. Точно, это та бригада, что вместе с дивизией Бирюзова и бригадой Катукова задержала наступление Гудериана в августе. Помнится, про ее командира еще товарищ Сталин сказал:

— У Катукова прорезался командирский талант, а Мельниченко его подтвердил.

Точно, точно. О, вот и готовый командир подвижной группы. Так, до начала наступления осталось двое суток. Вот и посмотрим, на что способен «командирский талант». Размышления генерала прерывает открывшаяся дверь. В нее входят двое. Оба примерно одинакового роста, чуть выше среднего, крепкие, на вид уверенные в себе. Один, южнорусского типа, кажется генералу смутно знакомым, похоже, они уже где-то встречались. Не в штабе ли Юго-Западного фронта, мелькает у генерала мысль.

— Товарищ командующий! Гвардии полковник Мельниченко, командир Первой гвардейской тяжелой танковой бригады, — представляется он.

— Товарищ командующий! Гвардии инженер-подполковник Иванов, заместитель командира Первой гвардейской тяжелой танковой бригады, — представляется его спутник, типичный русак со сразу заметной выправкой кадрового командира...

«Из вечернего сообщения Совинформбюро от... 11.41 г.

Сегодня... механизированные части армии генерала Власова захватили аэродром Шайковка, уничтожив базирующиеся на нем немецко-фашистские бомбардировщики, совершавшие разбойничьи налеты на столицу нашей Родины, г. Москву. Развивая наступление, части армии освободили город Киров Калужской области. Во время боев за город уничтожен штаб второй немецкой танковой

армии. Опросом пленных установлено, что при этом погиб командующий армией генерал Гудериан».

Проверь мотор и люк открой,
Пусть машина остывает,
Мы все перенесем с тобой.
Мы — люди! А она — стальная.